В.В.
МАЯКОВСКИЙ

2

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

В.В. МАЯКОВСКИЙ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

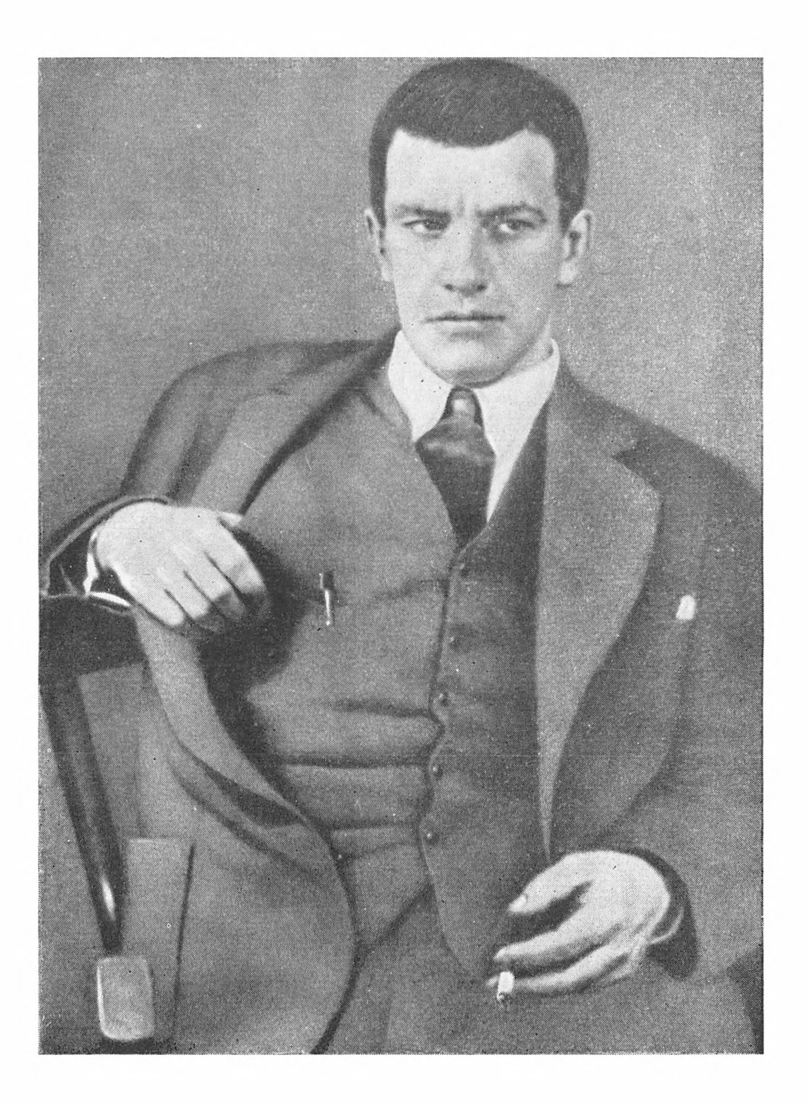
В. В. МАЯКОВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

Составление, подготовка текста
и примечания
В. О. Перцова и В. Ф. Земскова

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД · 1963

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1925—1930)

ЕДУ

Билет —
щелк.
Щека —
чмок.
Свисток —
и рванулись туда мы,
куда,
как сельди,
в сети чулок
плывут
кругосветные дамы.
Сегодня приедет —
уродом урод,
а завтра —
узнать посмейте-ка:
в одно
разубран
и город и рот —
помады,
огней косметика.
Веселых
тянет в эту вот даль.
В Париже грустить?
Едва ли!

В Париже
площадь
и та Этуаль,
а звезды —
так сплошь этуали.
Засвистывай,
трись,
врезайся и режь
сквозь Льежи
и об Брюссели.
Но нож
и Париж,
и Брюссель,
и Льеж —
тому,
кто, как я, обрусели.
Сейчас бы
в сани
с ногами —
в снегу,
как в газетном листе б..
Свисти,
заноси снегами
меня,
прихерсонская степь...
Вечер,
поле,
огоньки,
дальняя дорога, —
сердце рвется от тоски,
а в груди —
тревога.
Эх, раз,
еще раз,
стих — в пляс.
Эх, раз,
еще раз,
рифм хряск.
Эх, раз,
еще раз,
еще много, много раз...

Люди
разных стран и рас,
копая порядков грядки,
увидев,
как я
себя протряс,
скажут:
в лихорадке.

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ГОРОД

Один Париж —
адвокатов,
казарм,
другой —
без казарм и без Эррио.
Не оторвать
от второго
глаза —
от этого города серого.
Со стен обещают:
«Un verre de Koto
donne de l'énergie» [1].
Вином любви
каким
и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
критики
знают лучше.
Может,
их
и слушать надо.
Но кому я, к черту, попутчик!
Ни души
не шагает
рядом.

---

[1] Стакан Кото дает энергию (франц.). — *Ред.*

Как раньше,
свой
раскачивай горб
впереди
поэтовых арб —
неси,
один,
и радость,
и скорбь,
и прочий
людской скарб.
Мне скучно
здесь
одному
впереди, —
поэту
не надо многого, —
пусть
только
время
скорей родит
такого, как я,
быстроногого.
Мы рядом
пойдем
дорожной пыльцой.
Одно
желанье
пучит:
мне скучно —
желаю
видеть в лицо,
кому это
я
попутчик?!
«Je suis un chameau» [1],
в плакате стоят
литеры,
каждая — фут.

[1] Я верблюд (франц.). — *Ред.*

Совершенно верно:
«je suis» —
это
«я»,
а «chameau» —
это
«я верблюд».
Лиловая туча,
скорей нагнись,
меня
и Париж полей,
чтоб только
скорей
зацвели огни
длиной
Елисейских полей.
Во всё огонь —
и небу в темь
и в чернь промокшей пыли.
В огне
жуками
всех систем
жужжат
автомобили.
Горит вода,
земля горит,
горит
асфальт
до жжения,
как будто
зубрят
фонари
таблицу умножения.

Площадь
красивей
и тысяч
дам-болонок.
Эта площадь
оправдала б
каждый город.

Если б был я
Вандомская колонна,
я б женился
на Place de la Concorde [1].

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ВЕРЛЕН И СЕЗАН

Я стукаюсь
о стол,
о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь,
в отеле Istria [2] —
на коротышке
rue Campagne-Première [3].
Мне жмет.
Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
тоску рассыпай.
Направо от нас —
Boulevard Montparnasse [4],
налево —
Boulevard Raspail [5].
Хожу и хожу,
не щадя каблука, —
хожу
и ночь и день я, —
хожу трафаретным поэтом, пока
в глазах
не встанут виденья.

---

[1] Площадь Согласия (франц.). — *Ред.*
[2] Истрия (франц.). — *Ред.*
[3] Название улицы в Париже (франц.) — *Ред.*
[4] Бульвар Монпарнас (франц.). — *Ред.*
[5] Бульвар Распай (франц.). — *Ред.*

Туман — парикмахер,
он делает гениев —
загримировал
одного
бородой, —
Добрый вечер, m-r Тургенев.
Добрый вечер, m-me Виардо.
Пошел:
«За что боролись?
А Рудин?..
А вы
именье
возьми подпальни»...
Мне
их разговор эмигрантский
нуден,
и юркаю
в кафе от скульни.
Да.
Это он,
вот эта сова —
не тронул
великого
тлен.
Приподнял шляпу:
«Comment ça va,
cher camarade Verlaine? [1]
Откуда вас знаю?
Вас знают все.
И вот
довелось состукаться.
Лет сорок
вы тянете
свой абсент
из тысячи репродукций.
Я раньше
вас
почти не читал,

[1] Как поживаете, дорогой товарищ Верлен? (франц.). — *Ред.*

а нынче —
вышло из моды, —
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:
по-русски дрянь
переводы.
Не злитесь, —
со мной,
должно быть, и вы
знакомы
лишь понаслышке.
Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.
Теперь
плохие стихи —
труха.
Хороший —
себе дороже.
С хорошим
и я б
свои потроха
сложил
под забором
тоже.
Бумаги
гладь
облевывая
пером,
концом губы —
поэт,
как блядь рублевая,
живет
с словцом любым.
Я жизнь
отдать
за сегодня
рад.
Какая это громада!

Вы чуете
слово —
пролетариат? —
ему
грандиозное надо.
Из кожи
надо
вылазить тут,
а нас —
к журнальчикам
премией.
Когда ж поймут,
что поэзия —
труд,
что место нужно
и время ей.
«Лицом к деревне» —
заданье дано, —
за гусли,
поэты-други!
Поймите ж —
лицо у меня
одно —
оно лицо,
а не флюгер.
А тут и ГУС
отверзает уста:
вопрос не решен.
«Который?
Поэт?
Так ведь это ж —
просто кустарь,
простой кустарь,
без мотора».
Перо
такому
в язык вонзи,
прибей
к векам кунсткамер.

Ты врешь.
                Еще
                        не найден бензин,
что движет
                сердец кусками.
Идею
        нельзя
                замешать на воде.
В воде
        отсыреет идейка.
Поэт
        никогда
                и не жил без идей.
Что я —
        попугай?
                индейка?
К рабочему
                надо
                        идти серьезней —
недооценили их мы.
Поэты,
        покайтесь,
                пока не поздно,
во всех
        отглагольных рифмах.
У нас
        поэт
                событья берет —
опишет
        вчерашний гул,
а надо
        рваться
                в завтра,
                        вперед,
чтоб брюки
                трещали
                        в шагу.
В садах коммуны
                вспомнят о барде —
какие
        птицы
                зальются им?

Что
будет
с веток
товарищ Вардин
рассвистывать
свои резолюции?!
За глотку возьмем.
«Теперь поори,
несбитая быта морда!»
И вижу,
зависть
зажглась и горит
в глазах
моего натюрморта.
И каплет
с Верлена
в стакан слеза.
Он весь —
как зуб на сверлé.
Тут
к нам
подходит
Поль Сезан:
«Я
так
напишу вас, Верлен».
Он пишет.
Смотрю,
как краска свежа.
Monsieur,
простите вы меня,
у нас
старикам,
как под хвост вожжа,
бывало
от вашего имени.
Бывало —
сезон,
наш бог — Ван-Гог,
другой сезон —
Сезан.

Теперь
ушли от искусства
вбок —
не краску любят,
а сан.
Птенцы —
у них
молоко на губах, —
а с детства
к смирению падки.
Большущее имя взяли
АХРР,
а чешут
ответственным
пятки.
Небось
не напишут
мой портрет, —
не трут
понапрасну
кисти.
Ведь тоже
лицо как будто, —
ан нет,
рисуют
кто поцекистей.

Сезан
остановился на линии,
и весь
размерсился — тронутый.
Париж,
фиолетовый,
Париж в анилине,
вставал
за окном «Ротонды».

Между ноябрем 1924 и маем 1925

NOTRE DAME

Другие здания
лежат,
как грязная кора,
в воспоминании
о Notre Dame'e [1].
Прошедшего
возвышенный корабль,
о время зацепившийся
и севший на мель.
Раскрыли дверь —
тоски тяжелей;
желе
из железа —
нелепее.
Прошли
сквозь монаший
служилый елей
в соборное великолепие.
Читал
письмена,
украшавшие храм,
про боговы блага
на небе.
Спускался в партер,
подымался к хорам,
смотрел удобства
и мебель.
Я вышел —
со мной
переводчица-дура,
щебечет
бантиком-ротиком:
«Ну, как вам
нравится архитектура?
Какая небесная готика!»

---

[1] Собор Парижской богоматери (франц.). — *Ред.*

Я взвесил всё
и обдумал, —
ну вот:
он лучше Блаженного Васьки.
Конечно,
под клуб не пойдет —
темноват, —
об этом не думали
классики.
Не стиль...
Я в этих делах не мастак.
Не дался
старью на съедение.
Но то хорошо,
что уже места
готовы тебе
для сидения.
Его
ни к чему
перестраивать заново —
приладим
с грехом пополам,
а в наших —
ни стульев нет,
ни орга́нов.
Копнёшь —
одни купола.
И лучше б оркестр,
да игра дорога —
сначала
не будет финансов, —
а то ли дело,
когда орга́н —
играй
хоть пять сеансов.
Ясно —
репертуар иной —
фокстроты,
а не сопенье.
Нельзя же
французскому госкино
духовные песнопения.

А для рекламы —
не храм,
а краса —
старайся
во все тяжкие.
Электрорекламе —
лучший фасад:
меж башен
пустить перетяжки,
да буквами разными:
«Signe de Zoro» [1],
чтоб буквы бежали,
как мышь.
Такая реклама
так заорет,
что видно
во весь Boulmiche [2].
А если
и лампочки
вставить в глаза
химерам
в углах собора,
тогда —
никто не уйдет назад:
подряд —
битковые сборы!
Да, надо
быть
бережливым тут,
ядром
чего
не попортив.
В особенности,
если пойдут
громить
префектуру
напротив.

Между ноябрем 1924 и маем 1925

---

[1] «Знак Зоро» (франц.). — *Ред.*
[2] Бульвар в Париже (франц.). — *Ред.*

ВЕРСАЛЬ

По этой
дороге,
спеша во дворец,
бесчисленные Людовики
трясли
в шелках
золоченых каретц
телес
десятипудовики.
И ляжек
своих
отмахав шатуны,
по ней,
марсельезой пропет,
плюя на корону,
теряя штаны,
бежал
из Парижа
Капет.
Теперь
по ней
веселый Париж
гоняет,
авто рассияв, —
кокотки,
рантье, подсчитавший барыш,
американцы
и я.
Версаль.
Возглас первый:
«Хорошо жили стервы!»
Дворцы
на тыщи спален и зал —
и в каждой
и стол
и кровать.

Таких
вторых
и построить нельзя —
хоть целую жизнь
воровать!
А за дворцом,
и сюды
и туды,
чтоб жизнь им
была
свежа,
пруды,
фонтаны,
и снова пруды
с фонтаном
из медных жаб.
Вокруг,
в поощренье
жантильных манер,
дорожки
полны стату́ями —
везде Аполлоны,
а этих
Венер
безруких —
так целые уймы.
А дальше —
жилья
для их Помпадурш —
Большой Трианон
и Маленький.
Вот тут
Помпадуршу
водили под душ,
вот тут
помпадуршины спаленки.
Смотрю на жизнь —
ах, как не нова!
Красивость —
аж дух выматывает!

Как будто
влип
в акварель Бенуа,
к каким-то
стишкам Ахматовой.
Я всё осмотрел,
поощупал вещи.
Из всей
красотищи этой
мне
больше всего
понравилась трещина
на столике
Антуанетты.
В него
штыка революции
клин
вогнали,
пляша под распевку,
когда
санкюлоты
поволокли
на эшафот
королевку.
Смотрю,
а всё же —
завидные видики!
Сады завидные —
в розах!
Скорей бы
культуру
такой же выделки,
но в новый,
машинный ро́змах!
В музеи
вот эти
лачуги б вымести!
Сюда бы —
стальной
и стекольный

рабочий дворец
миллионной вместимости —
такой,
чтоб и глазу больно.
Всем,
еще имеющим
купоны
и монеты,
всем царям —
еще имеющимся —
в назидание:
с гильотины неба,
головой Антуанетты,
солнце
покатилось
умирать на зданиях.
Расплылась
и лип
и каштанов толпа,
слегка
листочки ворся.
Прозрачный
вечерний
небесный колпак
закрыл
музейный Версаль.

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ЖОРЕС

Ноябрь,
а народ
зажат до жары.
Стою
и смотрю долго:
на шинах машинных
мимо —
шары
катаются
в треуголках.

Войной обагренные
руки
умыв,
и красные
шансы
взвесив,
коммерцию
новую
вбили в умы —
хотят
спекульнуть на Жоресе.
Покажут рабочим —
смотрите,
и он
с великими нашими
тоже.
Жорес
настоящий француз.
Пантеон
не станет же
он
тревожить.
Готовы
потоки
слезливых фраз.
Эскорт,
колесницы —
эффект!
Ни с места!
Скажите,
кем из вас
в окне
пристрелен
Жорес?
Теперь
пришли
панихидами выть.
Зорче,
рабочий класс!

Товарищ Жорес,
не дай убить
себя
во второй раз.
Не даст.
Подняв
знамен мачтовый лес,
спаяв
людей
в один
плывущий флот,
громовый и живой,
по-прежнему
Жорес
проходит в Пантеон
по улице Суфло.
Он в этих криках,
несущихся вверх,
в знаменах,
в шагах,
в горбах
«Vivent les Soviets!..
À bas la guerre!..
Capitalisme à bas!..»[1]
И вот —
взбегает огонь
и горит,
и песня
краснеет у рта.
И кажется —
снова
в дыму
пушкари
идут
к парижским фортам.

---

[1] Да здравствуют Советы!..
Долой войну!..
Долой капитализм!..
(франц.). — *Ред.*

Спиною
к витринам отжали —
и вот
из книжек
выжались
тени.
И снова
71-й год
встает
у страниц в шелестении.
Гора
на груди
могла б подняться.
Там
гневный окрик орет:
«Кто смел сказать,
что мы
в семнадцатом
предали
французский народ?!
Неправда,
мы с вами,
французские блузники.
Забудьте
этот
поклеп дрянной.
На всех баррикадах
мы ваши союзники,
рабочий Крезо
и рабочий Рено».

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ПРОЩАНИЕ
(КАФЕ)

Обыкновенно
мы говорим:
все дороги
приводят в Рим.
Не так
у монпарнасца.

Готов поклясться.
И Рем
и Ромул,
и Ремул и Ром
в «Ротонду» придут
или в «Дом» [1]».
В кафе
идут
по сотням дорог,
плывут
по бульварной реке.
Вплываю и я:
«Garçon,
un grog
americain!» [2]
Сначала
слова
и губы
и скулы
кафейный гомон сливал.
Но вот
пошли
вылупляться из гула
и лепятся
фразой
слова:
«Тут
проходил
Маяковский давеча,
хромой —
не видали рази?»
— «А с кем он шел?»
— «С Николай Николаичем».
— «С каким?»
— «Да с великим князем!»
— «С великим князем?
Будет врать!

[1] Кафе на Монпарнасе.
[2] Официант,
грог
по-американски!
(франц.). — *Ред.*

Он кругл
и лыс,
как ладонь.
Чекист он,
послан сюда
взорвать...»
— «Кого?»
— «Буа-дю-Булонь [1].
Езжай, мол, Мишка...»
Другой поправил:
«Вы врете,
противно слушать!
Совсем и не Мишка он,
а Павел.
Бывало сядем —
Павлуша! —
а тут же
его супруга,
княжна,
брюнетка,
лет под тридцать...»
— «Чья?
Маяковского?
Он не женат».
— «Женат —
и на императрице».
— «На ком?
Ее же расстреляли...»
— «И он
поверил...
Сделайте милость!
Ее ж Маяковский спас
за трильон!
Она же ж
омолодилась!»
Благоразумный голос:
«Да нет,
вы врете —
Маяковский — поэт».

[1] Булонский лес. — *Ред.*

— «Ну да, —
вмешалось двое саврасов, —
в конце
семнадцатого года
в Москве
чекой конфискован Некрасов
и весь
Маяковскому отдан.
Вы думаете —
сам он?
Сбондил до иот —
весь стих,
с запятыми,
скраден.
Достанет Некрасова
и продает —
червонцев по десять
на день».
Где вы,
свахи?
Подымись, Агафья!
Предлагается
жених невиданный.
Видано ль,
чтоб человек
с такою биографией
был бы холост
и старел невыданный?!
Париж,
тебе ль,
столице столетий,
к лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
за ушми
эмигрантские сплетни.
Провинция! —
не продохнуть.
Я вышел
в раздумье —
черт его знает!
Отплюнулся —
тьфу напасть!

Дыра
в ушах
не у всех сквозная —
другому
может запасть!
Слушайте, читатели,
когда прочтете,
что с Черчиллем
Маяковский
дружбу вертит
или
что женился я
на кулиджевской тете,
то, покорнейше прошу, —
не верьте.

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ПРОЩАНЬЕ

В авто,
последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель? —
Париж
бежит,
провожая меня,
во всей
невозможной красе.
Подступай
к глазам,
разлуки жижа,
сердце
мне
сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли —
Москва.

Между ноябрем 1924 и маем 1925

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо? —
У меня
секретов нет, —
слушайте, детишки, —
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

— Если ветер
крыши рвет,
если
град загрохал, —
каждый знает —
это вот
для прогулок
плохо.
Дождь покапал
и прошел.
Солнце
в целом свете.
Это —
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице, —

ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьет
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого
не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
— Не трожь
тех,
кто меньше ростом! —
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!

Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,

про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

От вороны
карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
просто трус.
Это
очень плохо.

Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,
в жизни
пригодится.

Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребенок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свиненок.

Мальчик
радостный пошел,
и решила кроха:
«Буду
делать *хорошо,*
и не буду —
плохо».

<1925>

ИСПАНИЯ

Ты — я думал —
райский сад.
Ложь
подпивших бардов.
Нет —
живьем я вижу
склад
«ЛЕОПОЛЬДО ПАРДО».
Из прилипших к скалам сёл
опустясь с опаской,
чистокровнейший осёл
шпарит по-испански.
Всё плебейство выбив вон,
в шляпы влезла пó нос.
Стал
простецкий
«телефон»
гордым
«телефонос».

Чернь волос
в цветах горит.
Щеки в шаль орамив,
сотня с лишним
сеньорит
машет веерами.
От медуз
воде синё.
Глуби —
вёрсты мера.
Из товарищей
«сеньор»
стал
и «кабальеро».
Кастаньеты гонят сонь.
Визги. . .
пенье. . .
страсти!
А на что мне это всё?
Как собаке — здрасите!

22 июня 1925
Сантандер

6 МОНАХИНЬ

Воздев
печеные
картошки личек,
черней,
чем негр,
не видавший бань,
шестеро благочестивейших католичек
влезло
на борт
парохода «Эспань».
И сзади
и спереди
ровней, чем веревка.

Шали,
как с гвоздика,
с плеч висят,
а лица
обвила
белейшая гофрировка,
как в пасху
гофрируют
ножки поросят.
Пусть заполнится годами
жизни квота —
стоит
только
вспомнить это диво,
раздирает
рот
зевота
шире Мексиканского залива.
Трезвые,
чистые,
как раствор борной,
вместе,
эскадроном, садятся есть.
Пообедав, сообща
скрываются в уборной.
Одна зевнула —
зевают шесть.
Вместо известных
симметричных мест,
где у женщин выпуклость, —
у этих выем:
в одной выемке —
серебряный крест,
в другой — медали
со Львом
и с Пием.
Продрав глазенки
раньше, чем можно, —
в раю
(ужо!)
отоспятся лишек, —

оркестром без дирижера
шесть дорожных
вынимают
евангелишек.
Придешь ночью —
сидят и бормочут.
Рассвет в розы —
бормочут, стервозы!
И днем,
и ночью, и в утра, и в полдни
сидят
и бормочут,
дуры господни.
Если ж
день
чуть-чуть
помрачнеет с виду,
сойдут в кабину,
12 галош
наденут вместе
и снова выйдут,
и снова
идет
елейный скулёж.
Мне б
язык испанский!
Я б спросил, взъяренный:
«Ангелицы,
попросту
ответ поэту дайте —
если
люди вы,
то кто ж
тогда
воро́ны?
А если
вы вороны,
почему вы не летаете?»
Агитпропщики!
не лезьте вон из кожи.
Весь земной
обревизуйте шар.

Самый
замечательный безбожник
не придумает
кощунственнее шарж!
Радуйся, распятый Иисусе,
не слезай
с гвоздей своей доски,
а вторично явишься —
сюда
не суйся —
всё равно:
повесишься с тоски!

26 июня 1925

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Испанский камень
слепящ и бел,
а стены —
зубьями пил.
Пароход
до двенадцати
уголь ел
и пресную воду пил.
Повел
пароход
окованным носом
и в час,
сопя,
вобрал якоря
и понесся.
Европа
скрылась,
мельчась.
Бегут
по бортам
водяные глыбы,
огромные,
как гoдá.

Надо мною птицы,
подо мною рыбы,
а кругом —
вода.
Недели
грудью своей атлетической —
то работяга,
то в стельку пьян —
вздыхает
и гремит
Атлантический
океан.
«Мне бы, братцы,
к Сахаре подобраться...
Развернись и плюнь —
пароход внизу.
Хочу топлю,
хочу везу.
Выходи сухой —
сварю ухой.
Людей не надо нам —
малы к обеду.
Не трону...
ладно...
пускай едут...»
Волны
будоражить мастерá:
детство выплеснут;
другому —
голос милой.
Ну, а мне б
опять
знамена простирать!
Вон —
пошлó,
затарахтело,
загромило!
И снова
вода
присмирела сквозная,
и нет
никаких сомнений ни в ком.

И вдруг,
откуда-то —
черт его знает! —
встает
из глубин
воднячий Ревком.
И гвардия капель —
воды партизаны —
взбираются
ввысь
с океанского рва,
до неба метнутся
и падают заново,
порфиру пены в клочки изодрав.
И снова
спаялись вóды в одно,
волне
повелев
разбурлиться вождем.
И прет волнища
с-под тучи
на дно —
приказы
и лозунги
сыплет дождем.
И волны
клянутся
всеводному Цику
оружие бурь
до победы не класть.
И вот победили —
экватору в циркуль
Советов-капель бескрайняя власть.
Последних волн небольшие митинги
шумят
о чем-то
в возвышенном стиле.
И вот
океан
улыбнулся умытенький
и замер
на время
в покое и в штиле.

Смотрю за перила.
Старайтесь, приятели!
Под трапом,
нависшим
ажурным мостком,
при океанском предприятии
потеет
над чем-то
волновий местком.
И под водой
деловито и тихо
дворцом
растет
кораллов плетенка,
чтоб легше жилось
трудовой китихе
с рабочим китом
и дошкольным китенком.
Уже
и луну
положили дорожкой.
Хоть прямо
на пузе,
как пó суху, лазь.
Но враг не сунется —
в небо
сторожко
глядит,
не сморгнув,
Атлантический глаз.
То стынешь
в блеске лунного лака,
то стонешь,
облитый пеною ран.
Смотрю,
смотрю —
и всегда одинаков,
любим,
близок мне океан.
Вовек
твой грохот
удержит ухо.

В глаза
тебя
опрокинуть рад.
По шири,
по делу,
по крови,
по духу —
моей революции
старший брат.

2 июля 1925

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ГЛУБОКИХ МЕСТАХ

Превращусь
не в Толстого, так в толстого, —
ем,
пишу,
от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.

Вчера
океан был злой,
как черт,
сегодня
смиренней
голубицы на яйцах.
Какая разница!
Всё течет...
Всё меняется.

Есть
у воды
своя пора:
часы прилива,
часы отлива.

А у Стеклова
вода
не сходила с пера.
Несправедливо.

Дохлая рыбка
плывет одна.
Висят
плавнички,
как подбитые крылышки.
Плывет недели,
и нет ей —
ни дна,
ни покрышки.

Навстречу
медленней, чем тело тюленье,
пароход из Мексики,
а мы —
туда.
Иначе и нельзя.
Разделение
труда.

Это кит — говорят.
Возможно, и так.
Вроде рыбьего Бедного —
обхвата в три.
Только у Демьяна усы наружу,
а у кита
внутри.

Годы — чайки.
Вылетят в ряд —
и в воду —
брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
В сущности говоря,
где птички?

Я родился,
рос,
кормили соскою, —
жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

3 июля 1925
Атлантический океан

БЛЕК ЭНД УАЙТ

Если
Гавану
окинуть мигом —
рай-страна,
страна что надо.
Под пальмой
на ножке
стоят фламинго.
Цветет
коларио
по всей Ведадо.
В Гаване
всё
разграничено четко:
у белых доллары,
у черных — нет.
Поэтому
Вилли
стоит со щеткой
у «Энри Клей энд Бок, лимитед».
Много
за жизнь
повымел Вилли —
одних пылинок
целый лес, —

поэтому
волос у Вилли
вылез,
поэтому
живот у Вилли
влез.
Мал его радостей тусклый спектр:
шесть часов поспать на боку,
да разве что
вор,
портово́й инспектор,
кинет
негру
цент на бегу.
От этой грязи скроешься разве?
Разве что
стали б
ходить на голове.
И то
намели бы
больше грязи:
волосьев тыщи,
а ног —
две.
Рядом
шла
нарядная Прадо.
То звякнет,
то вспыхнет
трехверстный джаз.
Дурню покажется,
что и взаправду
бывший рай
в Гаване как раз.
В мозгу у Вилли
мало извилин,
мало всходов,
мало посева.
Одно
единственное
вызубрил Вилли

тверже,
чем камень
памятника Масео:
«Белый
ест
ананас спелый,
черный —
гнилью моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу —
черный».
Мало вопросов Вилли сверлили.
Но один был
закорюка из закорюк.
И когда
вопрос этот
влезал в Вилли,
щетка
падала
из Виллиных рук.
И надо же случиться,
чтоб как раз тогда
к королю сигарному
Энри Клей
пришел,
белей, чем облаков стада,
величественнейший из сахарных королей.
Негр
подходит
к туше дебелой:
«Ай бэг ёр пáрдон, мистер Брэгг!
Почему и сахар,
белый-белый,
должен делать
черный негр?
Черная сигара
не идет в усах вам —
она для негра
с черными усами.

А если вы
любите
кофий с сахаром,
то сахар
извольте
делать сами».
Такой вопрос
не проходит даром.
Король
из белого
становится желт.
Вывернулся
король
сообразно с ударом,
выбросил обе перчатки
и ушел.
Цвели
кругом
чудеса ботаники.
Бананы
сплетали
сплошной кров.
Вытер
негр
о белые подштанники
руку,
с носа утершую кровь.
Негр
посопел подбитым носом,
поднял щетку,
держась за скулу.
Откуда знать ему,
что с таким вопросом
надо обращаться
в Коминтерн,
в Москву?

5 июля 1925
Гавана

ХРИСТОФОР КОЛОМБ

Христофор Колумб был Христофор Коломб — испанский еврей.

Из журналов

1

Вижу, как сейчас,
объедки да бутылки...
В портишке,
известном
лишь кабачком,
Коломб Христофор
и другие забулдыги
сидят,
нахлобучив
шляпы бочком.
Христофора злят,
пристают к Христофору:
«Что вы за нация?
Один Сион!
Любой португалишка
даст тебе фору!»
Вконец извели Христофора —
и он
покрыл
дисканточком
щелканье пробок
(задели
в еврее
больную струну):
«Что вы лезете:
Европа да Европа!
Возьму
и открою другую
страну».
Дивятся приятели:
«Что с Коломбом?
Вина не пьет,
не ходит гулять.

Надо смотреть —
не вывихнул ум бы.
Всю ночь сидит,
раздвигает циркуля».

2

Мертвая хватка в молодом еврее;
думает,
не ест,
не досыпает ночей.
Лакеев
оттягивает
за фалды ливреи,
лезет
аж в спальни
королей и богачей.
«Кораллами торгуете?!
Дешевле редиски.
Сам
наловит
каждый мальчуган.
То ли дело
материк индийский:
не барахло —
бирюза,
жемчуга!
Дело верное:
вот вам карта.
Это океан,
а это —
мы.
Пунктиром путь —
и бриллиантов караты
на каждый полтинник,
данный взаймы».
Тесно торгашам.
Томятся непоседы.
Пó суху
и в год
не обернется караван.

И закапали
флорины и пезеты
Христофору
в продырявленный карман.

3

Идут,
посвистывая,
отчаянные из отчаянных.
Сзади тюрьма.
Впереди —
ни рубля.
Арабы,
французы,
испанцы
и датчане
лезли
по трапам
Коломбова корабля.
«Кто здесь Коломб?
До Индии?
В ночку!
(Чего не откроешь,
если в пузе орга́н!)
Выкатывай на палубу
белого бочку,
а там
вези
хоть к черту на рога!»
Прощанье — что надо.
Не отъезд — а помпа:
день
не просыхали
капли на усах.
Время
меряли,
вперяясь в компас.
Спьяна
путали штаны и паруса.

Чуть не сшибли
маяк зажженный.
Палубные
не держатся на полу,
и вот,
быть может, отсюда,
с Жижона,
на всех парусах
рванулся Коломб.

4

Единая мысль мне сегодня люба,
что эти вот волны
Коломба лапили,
что в эту же воду
с Коломбова лба
стекали
пота
усталые капли,
что это небо
землей обмеля,
на это вот облако,
вставшее с юга,
— «На мачты, братва!
глядите —
земля!» —
орал
рассудок теряющий юнга.
И вновь
океан
с простора раскосого
вбивал
в небеса
громыхающий клин,
а после
братался
с волной сарагоссовой,
и вместе
пучки травы волокли.

Он
этой же бури слушал лады.
Когда ж
затихает бури задор,
мерещатся
в водах
Коломба следы,
ведущие
на Сан-Сальвадор.

5

Вырастают дни
в бородатые месяцы.
Луны
мрут
у мачты на колу.
Надоело океану,
Атлантический бесится.
Взбешен Христофор,
извелся Коломб.
С тысячной волны трехпарусник
съехал.
На тысячу первую взбираться
надо.
Видели Атлантический?
Тут не до смеха!
Команда ярится —
устала команда.
Шепчутся:
«Черту ввязались в попутчики.
Дома плохо?
И стол и кровать.
Знаем мы
эти
жидовские штучки —
разные
Америки
закрывать и открывать!»
За капитаном ходят по пятам.
«Вернись! — говорят,
играют мушкой. —

Какой ты ни есть
капитан-раскапитан,
а мы тебе тоже
не фунт с осьмушкой».
Лазит Коломб
на бра́мсель с фо́ка,
глаза аж навыкате,
исхудал лицом;
пустился вовсю:
придумал фокус
со знаменитым
Колумбовым яйцом.
Что́ яйцо? —
игрушка на́ день.
И день
не оттянешь
у жизни-воровки.
Галдит команда,
на Коломба глядя:
«Крепка
петля
из генуэзской веревки.
Кончай,
Христофор,
собачий век!..»
И кортики
воздух
во тьме секут.
— «Земля!» —
Горизонт в туманной
кайме.
Как я вот
в растущую Мексику
и в розовый
этот
песок на заре,
вглазелись.
Не смеют надеяться:
с кольцом экватора
в медной ноздре
вставал
материк индейцев.

6

Года прошли.
В старика
шипуна
смельчал Атлантический,
гордый смолоду.
С бортов «Мажести́ков»
любая шпана
плюет
в твою
седоусую морду.
Коломб!
твое пропало наследство!
В вонючих трюмах
твои потомки
с машинным адом
в горящем соседстве
лежат,
под щеку
подложивши котомки.
А сверху,
в цветах первоклассных розеток,
катаясь пузом
от танцев
до пьянки,
в уюте читален,
кино
и клозетов
катаются донны,
сеньоры
и янки.
Ты балда, Коломб, —
скажу по чести.
Что касается меня,
то я бы
лично —
я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл —
вторично.

7 июля 1925

МЕКСИКА

О, как эта жизнь читалась взасос!
Идешь.
Наступаешь нá ноги.
В руках
превращается
ранец в лассо,
а клячи пролеток —
мустанги.
Взаправду
игрушечный
рос магазин,
ревел
пароходный гудок.
Сейчас же
сбегу
в страну мокасин —
лишь сбондю
рубль и бульдог.
А сегодня —
это не умора.
Сколько миль воды
винтом нарыто, —
и встает
живьем
страна Фениамора
Купера
и Майн-Рида.
Рев сирен,
кончается вода.
Мы прикручены
к земле
о локоть локоть.
И берет
набитый «Лефом»
чемодан
Монтигомо
Ястребиный Коготь.
Глаз торопится слезой налиться.
Как? чему я рад?

— Ястребиный Коготь!
Я ж
твой «Бледнолицый
Брат».
Где товарищи?
чего таишься?
Помнишь,
из-за клумбы
стрелами
отравленными
в Кутаисе
били
мы
по кораблям Колумба? —
Цедит
злобно
Коготь Ястребиный,
медленно,
как треснувшая крынка:
— Нету краснокожих — истребили
гачупи́ны с гри́нго.
Ну, а тех из нас,
которых
пульки
пощадили,
просвистевши мимо,
кабаками
кактусовый «пульке»
добивает
по 12-ти сантимов.
Заменила
чемоданов куча
стрелы,
от которых
никуда не деться... —
Огрызнулся
и пошел,
сомбреро нахлобуча
вместо радуги
из перьев
птицы Ке́тцаль.

Года и столетья!
Как ни косите
склоненные головы дней, —
корявые камни
Мехико-сити
прошедшее вышепчут мне.
Это
было
так давно,
как будто не было.
Бабушки столетних попугаев
не запомнят.
Здесь
из зыби озера
вставал Пуэбло,
дом-коммуна
в десять тысяч комнат.
И золото
между озерных зыбе́й
лежало,
аж рыть не надо вам.
Чего еще,
живи,
бронзовей,
вторая сестра Элладова!
Но очень надо
за морем
белым,
чего индейцу не надо.
Жадна
у белого
Изабелла,
жена
короля Фердинанда.
Тяжек испанских пушек груз.
Сквозь пальмы,
сквозь кактусы лез
по этой дороге
из Вера-Круц
генерал
Эрнандо Корте́с.

Пришел.
Вода студеная
хочет
вскипеть кипятком
от огня.
Дерутся
72 ночи
и 72 дня.
Хранят
краснокожих
двумордые идолы.
От пушек
не видно вреда.
Как мышь на сало,
прельстясь на титулы,
своих
Моктецума предáл.
Напрасно,
разбитых
в отряды спаяв,
Гватéмок
в озерной воде
мок.
Что
против пушек
стреленка твоя!..
Под пытками
умер Гватéмок.
И вот стоим,
индеец да я,
товарищ
далекого детства.
Он умер,
чтоб в бронзе
веками стоять
наискосок от полпредства.

Внизу
громыхает
столетий орда,
и горько стоять индейцу.

Что́ братьям его,
рабам,
чехарда
всех этих Хуэрт
и Диэцов?..
Прошла
годов трезначная сумма.
Героика
нынче не тема.
Пивною маркой стал Моктецума,
пивной маркой —
Гвате́мок.
Буржуи
всё
под одно стригут.
Вконец обесцветили мир мы.
Теперь
в утешенье земле-старику
лишь две
конкурентки фирмы.
Ни лиц пожелтелых,
ни солнца одёж.
В какую
огромную лупу,
в какой трущобе
теперь
найдешь
сарапе и Гваделупу?
Что Рига, что Мехико —
родственный жанр.
Латвия
тропического леса.
Вся разница:
зонтик в руке у рижан,
а у мексиканцев
«Смит и Ве́ссон».
Две Латвии
с двух земных боков —
различные собой они

лишь тем,
что в Мексике
режут быков
в театре,
а в Риге —
на бойне.
И совсем как в Риге,
около пяти,
проклиная
мамову опеку,
фордом
разжигая
жениховский аппетит,
кружат дочки
по Чапультапеку.
А то,
что тут урожай фуража,
что в пальмы земля разодета,
так это от солнца, —
сиди
и рожай
бананы и президентов.
Наверху министры
в бриллиантовом огне.
Под —
народ.
Голейший зад виднеется.
Без штанов,
во-первых, потому, что нет,
во-вторых —
не полагается:
индейцы.
Обнищало
моктецумье племя,
и стоит оно
там,
где город
выбег
на окраины прощаться,

перед вывеской
муниципальной:
«Без штанов
в Мехико-сити
вход воспрещается».

Пятьсот
по Мексике
нищих племен,
а сытый
с одним языком:
одной рукой выжимает в лимон,
одним запирает замком.
Нельзя
борьбе
в племена рассекаться.
Нищий с нищими
рядом!
Несись
по земле
из страны мексиканцев
роднящий крик:
«Камарада!»
Голод
мастер людей равнять.
Каждый индеец,
кто гол.
В грядущем огне
родня-головня
ацтек,
метис
и креол.
Мильон не угробят богатых лопаты.
Страна!
Поди,
покори ее!
Встают
взамен одного Запаты
Гальваны,
Морено,
Карйо.

Сметай
с горбов
толстопузых обузу,
ацтек,
креол
и метис!
Скорей
над мексиканским арбузом,
багровое знамя, взметись!

20 июля 1925
Мехико-Сити

БОГОМОЛЬНОЕ

Большевики
надругались над верой православной.
В храмах-клубах —
словесные бои.
Колокола без языков —
немые словно.
По божьим престолам
похабничают воробьи.
Без веры
и нравственность ищем напрасно.
Чтоб нравственным быть —
кадилами вей.
Вот Мексика, например,
потому и нравственна,
что прут
богомолки
к вратам церквей.
Кафедраль —
богомольнейший из монашьих
институтцев.
Брат Notre Dame'а
на площади, —
а около,

запружена народом,
«Площадь Конституции»,
в простонародии —
«Площадь Со́кола».
Блестящий
двенадцатицилиндровый
«пакард»
остановил шофер,
простоватый хлопец.
— Стой, — говорит, —
помолюсь пока... —
донна Эсперанца Хуан-де-Лопец.
Нету донны
ни час, ни полтора.
Видно, замолилась.
Веровать так веровать.
И снится шоферу —
донна у алтаря.
Парит
голубочком
душа шоферова.
А в кафедрале
безлюдно и тихо:
не занято
в соборе
ни единого стульца.
С другой стороны
у собора —
выход
сразу
на четыре гудящие улицы.
Донна Эсперанца
выйдет как только,
к донне
дон распаленный кинется.
За угол!
Улица «Изабелла Католика»,
а в этой улице —
гостиница на гостинице.

А дома —
растет до ужина
свирепость мужина.
У дона Лопеца
терпенье лопается.
То крик,
то стон
испускает дон.
Гремит
по квартире
тигровый соло:
— На восемь частей разрежу ее! —
И, выдрав из уса
в два метра волос,
он пробует
сабли своей остриё.
— Скажу ей:
«Ина́че, сеньора, лягте-ка!
Вот этот
кольт
ваш сожитель до гроба!» —
И в пумовой ярости
— все-таки практика! —
сбивает
с бутылок
дюжину пробок.
Гудок в два тона —
приехала донна.
Еще
и рев
не успел уйти
за кактусы
ближнего поля,
а у шоферских
виска и груди
нависли
клинок и пистоля.
— Ответ или смерть!
Не вертеть вола!
Чтоб донна
не могла
запираться,

ответь немедленно,
где была
жена моя
Эсперанца?
— О дон-Хуан!
В вас дьяволы зло́бятся.
Не гневайте
божью милость.
Донна Эсперанца
Хуан-де-Лопец
сегодня
усердно
молилась.

Между 22 и 27 июля 1925

БРОДВЕЙ

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока —
стриты.
А между —
куда их строитель завез! —
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.
Янки
подошвами шлепать
ленив:
простой
и курьерский лифт.

В 7 часов
человечий прилив,
в 17 часов —
отлив.
Скрежещет механика,
звон и гам,
а люди
немые в звоне.
И лишь замедляют
жевать чуингам,
чтоб бросить:
«Мек мóней?»
Мамаша
грудь
ребенку
дала.
Ребенок,
с каплями и́з носу,
сосет
как будто
не грудь, а доллáр —
занят
серьезным
бизнесом.
Работа окончена.
Тело обвей
в сплошной
электрический ветер.
Хочешь под землю —
бери собвей,
на небо —
бери элевейтер.
Вагоны
едут
и дымам под рост,
и в пятках
домовьих
трутся,
и вынесут
хвост
на Бру́клинский мост,

и спрячут
в норы
под Гу́дзон.
Тебя ослепило,
ты
осовел.
Но,
как барабанная дробь,
из тьмы
по темени:
«Кофе Максве́л
гуд
ту ди ласт дроп».
А лампы
как станут
ночь копать,
ну, я доложу вам —
пламечко!
Налево посмотришь —
мамочка мать!
Направо —
мать моя мамочка!
Есть что поглядеть московской братве.
И за́ день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.
Гау ду ю ду!
Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

6 августа 1925
Нью-Йорк

БАРЫШНЯ И ВУЛЬВОРТ

Бродвей сдурел.
Бегня и гу́лево.
Дома́
с небес обрываются
и висят.
Но даже меж ними
заметишь Ву́льворт.
Корсетная коробка
этажей под шестьдесят.
Сверху
разведывают
звезд взводы,
в средних
тайпистки
стрекочут бешено.
А в самом нижнем —
«Дрогс со́да,
грет энд фе́ймус ко́мпани-не́йшенал».[1]
А в окошке мисс
семнадцати лет
сидит для рекламы
и точит ножи.
Ржавые лезвия
фирмы «Жиллет»
кладет в патентованный
железный зажим
и гладит
и водит
кожей ремня.
Хотя
усов
и не полагается ей,
но водит
по губке,
усы возомня, —

---

[1] «Великая и знаменитая национальная компания шипучих напитков» — название парфюмерного магазина, при котором всегда имеется стойка для питья вод и еды мороженого.

дескать —
готово,
наточил и брей.
Наточит один
до сияния лучика
и новый ржавый
берет для возни.
Наточит,
вынет
и сделает ручкой.
Дескать —
зайди,
купи,
возьми.
Буржуем не сделаешься с бритвенной точки.
Бегут без бород
и без выражений на лице.
Богатств буржуйских особые источники:
работай на доллар,
а выдадут цент.
У меня ни усов,
ни долларов,
ни шевелюр, —
и в горле
застревают
английского огрызки.
Но я подхожу
и губами шевелю —
как будто
через стекло
разговариваю по-английски.
«Сидишь,
глазами буржуев охлопана.
Чем обнадежена?
Дура из дур».
А девушке слышится:
«О́пен,
о́пен ди дор».[1]
«Что тебе заботиться
о чужих усах?

[1] Открой, открой дверь.

Вот...
посадили...
как дуру еловую».
А у девушки
фантазия раздувает паруса,
и слышится девушке:
«Ай ло́в ю».[1]
Я злею:
«Выйдь,
окно разломай, —
а бритвы раздай
для жирных горл».
Девушке мнится:
«Май,
май гёрл».[2]
Выходит
фантазия из рамок и мерок —
и я
кажусь
красивый и толстый.
И чудится девушке —
влюбленный клерк
на ней
жениться
приходит с Во́лстрит.
И верит мисс,
от счастья дрожа,
что я —
долларовый воротила,
что ей
уже
в других этажах
готовы бесплатно
и стол
и квартира.
Как врезать ей
в голову
мысли-ножи,

---

[1] Я люблю вас.
[2] Моя девочка.

что русским известно другое средство,
как влезть рабочим
во все этажи
без грез,
без свадеб,
без жданий наследства.

Между 6 августа и 10 сентября 1925

НЕБОСКРЕБ В РАЗРЕЗЕ

Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то.
Увидишь —
старейшие
норки да каморки,
совсем
доктябрьский
Елец аль Конотоп.
Первый —
ювелиры,
караул бессменный,
замок
зацепился ставням о бровь.
В сером
герои кино,
полисмены,
лягут
собаками
за чужое добро.
Третий —
спят бюро-конторы.
Ест
промокашки
рабий пот.

Чтоб мир
не забыл,
хозяин который,
на вывесках
золотом
«Вильям Шпрот».
Пятый.
Подсчитав
придáнные сорочки,
мисс
перезрелая
в мечте о женихах.
Вздымая грудью
ажурные строчки,
почесывает
пышных подмышек меха.
Седьмой.
Над очагом
домашним
высясь,
силы сберегши
спортом смолоду,
сэр
своей законной миссис,
узнав об измене,
кровавит морду.
Десятый.
Медовый.
Пара легла.
Счастливей,
чем Ева с Адамом были.
Читают
в «Таймсе»
отдел реклам:
«Продажа в рассрочку автомобилей».
Тридцатый.
Акционеры
сидят увлечены,
делят миллиарды,
жадны и озабочены.

Прибыль
треста
«изготовленье ветчины
из лучшей
дохлой
чикагской собачины».
Сороковой.
У спальни
опереточной дивы.
В скважину
замочную,
сосредоточив прыть,
чтоб Ку́лидж дал развод,
детективы
мужа
должны
в кровати накрыть.
Свободный художник,
рисующий задочки,
дремлет в девяностом,
думает одно:
как бы ухажнуть
за хозяйской дочкой —
да так,
чтоб хозяину
всучить полотно.
А с крыши стаял
скатертный снег.
Лишь ест
в ресторанной выси
большие крохи
уборщик негр,
а маленькие крошки —
крысы.
Я смотрю,
и злость меня берет
на укрывшихся
за каменный фасад.
Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

Между 6 августа и 10 сентября 1925

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН

Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненави́деть, —
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.
Чтобы, в мили улиц опутан,
в боли игл
фонарных ежей,
ты прошел бы
со мной
лилипутом
у подножия
их этажей.
Видишь —
вон
выгребают мусор,
на объедках
с детьми пронянчиться,
чтоб в авто,
обгоняя «бусы», [1]
ко дворцам
неслись бриллиантщицы.
Загляни
в окошки в эти —
здесь
наряд им вышили княжий.
Только
сталью глушит элевейтер [2]
хрип
и кашель
чахотки портняжей.
А хозяин —
липкий студень —

---

[1] Автобусы.
[2] Воздушная железная дорога.

с мордой,
вспухшей на радость чирю́,
у работницы
щупает груди:
«Кто понравится —
удочерю!
Двести дам
(если сотни мало),
грусть
сгоню
навсегда с очей!
Будет
жизнь твоя —
Ку́ни-Айланд, [1]
луна-парк
в миллиард свечей».
Уведет —
а назавтра
зве́рья,
волчья банда
бесполых старух
проститутку —
в смолу и в перья,
и опять
в смолу и в пух.
А хозяин
в отеле Пла́за,
через рюмку
и с богом сблизясь,
закатил
в поднебесье глазки:
«Се́нк'ю [2]
за хороший бизнес!»
Успокойтесь,
вне опасения
ваша трезвость,
нравственность,
дети,

[1] Остров увеселений.
[2] Благодарствую.

барабаны
«армий спасения»
вашу
в мир
трубят добродетель.
Бог
на вас
не разукоризнится:
с вас
и маме их —
на платок,
и ему
соберет для ризницы
божий ме́наджер,[1]
поп Платон.
Клоб[2] полиций
на вас не свалится.
Чтобы ты
добрел, как кулич,
смотрит сквозь холеные пальцы
на тебя
демократ Кули́дж.
И, елозя
по небьим сводам
стражем ханжества,
центов
и сала,
пялит
руку
ваша свобода
над тюрьмою
Элис-Айланд.

Между 6 августа и 20 сентября 1925

---

[1] Представитель, организатор.
[2] Палка полицейского.

ВЫЗОВ

Горы злобы
аж ноги гнут.
Даже
шея вспухает зобом.
Лезет в рот,
в глаза и внутрь.
Оседая,
влезает злоба.
Весь в огне.
Стою на Риверсайде.
Сбоку
фордами
штурмуют мрака форт.
Небоскребы
локти скручивают сзади,
впереди
американский флот.
Я смеюсь
над их атакою тройною.
Ники Картеры
мою
недоглядели визу.
Я
полпред стиха —
и я
с моей страной
вашим штатишкам
бросаю вызов.
Если
кроха протухла,
плéснится,
выбрось
весь
прогнивший кус.
Сплюнул я,
не доев и месяца
вашу доблесть,
законы,
вкус.

Посылаю к чертям свинячим
все доллары
всех держав.
Мне бы
кончить жизнь
в штанах,
в которых начал,
ничего
за век свой
не стяжав.
Нам смешны
дозволенного зоны.
Взвод мужей,
остолбеней,
цинизмом поражен!
Мы целуем
— беззаконно! —
над Гудзоном
ваших
длинноногих жен.
День наш
шумен.
И вечер пышен.
Шлите
сыщиков
в щелки слушать.
Пьем,
плюя
на ваш прогибишен,
ежедневную
«Белую лошадь».
Вот и я
стихом побрататься
прикатил и вбиваю мысли,
не боящиеся депортаций:
ни сослать их нельзя
и не выселить.
Мысль
сменяют слова,
а слова —
дела,

и, глядишь,
с небоскребов города,
раскачав,
в мостовые
вбивают тела —
Вандерлипов,
Рокфеллеров,
Фордов.
Но пока
доллар
всех поэм родовей.
Обирая,
лапя,
хапая,
выступает,
порфирой надев Бродвей,
капитал —
его препохабие.

Между 6 августа и 20 сентября 1925

БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Издай, Кули́дж,
радостный клич!
На хорошее
и мне не жалко слов.
От похвал
красней,
как флага нашего материйка,
хоть вы
и разъюнайтед стетс
оф
Америка.
Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост, —

так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу,
смиренный, на Бру́клинский мост.
Как в город
в сломанный
прет победитель
на пушках — жерлом
жирафу под рост, —
так, пьяный славой,
так жить в аппетите,
влезаю,
гордый,
на Бруклинский мост.
Как глупый художник
в мадонну музея
вонзает глаз свой,
влюблен и остр,
так я,
с поднебесья,
в звезды усеян,
смотрю
на Нью-Йорк
сквозь Бруклинский мост.
Нью-Йорк
до вечера тяжек
и душен,
забыл,
что тяжко ему
и высо́ко,
и только одни
домовьи души
встают
в прозрачном свечении о́кон.
Здесь
еле зудит
элевейтеров зуд.
И только
по этому
тихому зуду

поймешь —
поезда́
с дребезжаньем ползут,
как будто
в буфет убирают посуду.
Когда ж,
казалось, с под речки на́чатой
развозит
с фабрики
сахар лавочник, —
то
под мостом проходящие мачты
размером
не больше размеров булавочных.
Я горд
вот этой
стальною милей,
живьем в ней
мои видения встали —
борьба
за конструкции
вместо стилей,
расчет суровый
гаек
и стали.
Если
придет
окончание света —
планету
хаос
разделает в лоск,
и только
один останется
этот
над пылью гибели вздыбленный мост, —
то,
как из косточек,
тоньше иголок,
тучнеют
в музеях стоящие
ящеры,

так
с этим мостом
столетий геолог
сумел
воссоздать бы
дни настоящие.
Он скажет:
— Вот эта
стальная лапа
соединяла
моря и прерии,
отсюда
Европа
рвалась на Запад,
пустив
по ветру
индейские перья.
Напомнит
машину
ребро вот это —
сообразите,
хватит рук ли,
чтоб, став
стальной ногой
на Мангéтен,
к себе
за губу
притягивать Брýклин?
По проводам
электрической пряди —
я знаю —
эпоха
после пара —
здесь
люди
уже
орали по радио,
здесь
люди
уже
взлетали по аэро.

Здесь
жизнь
была
одним — беззаботная,
другим —
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.
И дальше
картина моя
без загвоздки
по струнам-канатам,
аж звездам к ногам.
Я вижу —
здесь
стоял Маяковский,
стоял
и стихи слагал по слогам.
Смотрю,
как в поезд глядит эскимос,
впиваюсь,
как в ухо впивается клещ.
Бру́клинский мост —
да...
Это вещь!

Между 6 августа и 20 сентября 1925

КЕМП «НИТ ГЕДАЙГЕ»

Запретить совсем бы
ночи-негодяйке
выпускать
из пасти
столько звездных жал.
Я лежу, —
палатка
в Кемпе «Нит гедайге»,

Не по мне всё это.
Не к чему...
и жаль...
Взвоют
и замрут сирены над Гудзоном,
будто бы решают:
выть или не выть?
Лучше бы не выли.
Пассажирам сонным
надо просыпаться,
думать,
есть,
любить...

Прямо
перед мордой
пролетает вечность —
бесконечночасый распустила хвост.
Были б все одеты,
и в бельё, конечно,
если б время
ткало
не часы,
а холст.

Впрячь бы это
время
в приводной бы ре́мень, —
спустят
с холостого —
и чеши и сыпь!
Чтобы
не часы показывали время,
а чтоб время
честно
двигало часы.
Ну, американец...
тоже...
чем гордится.
Втер очки Нью-Йорком.
Видели его.
Сотня этажишек
в небо городится.

Этажи и крыши —
только и всего.
Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
вó сто лет.
Что ж,
с мостища с этого
глядим с презреньем вниз мы?
Кверху нос задрали?
загордились?
Нет.
Мы
ничьей башки
мостами не морочим.
Что такое мост?
Приспособленье для простуд.
Тоже...
без домов
не проживете очень
на одном
таком
возвышенном мосту.
В мире социальном
те же непорядки:
три доллара зá день,
нá —
и отвяжись.
А у Форда сколько?
Что играться в прятки!
Ну, скажите, Кýлидж, —
разве это жизнь?
Много ль
человеку
(даже Форду)
надо?
Форд —
в мильонах фордов,
сам же Форд —
в аршин.

Мистер Форд,
для вашего,
для высохшего зада
разве мало
двух
просторнейших машин?
Лишек —
в М.К.Х.
Повесим ваш портретик.
Монумент
и то бы
вылепили с вас.
Кланялись бы детки,
вас
случайно встретив.
Мистер Форд —
отдайте!
Даст он...
Черта с два!
За палаткой
мир
лежит угрюм и темен.
Вдруг
ракетой сон
звенит в унынье в это:
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов...»
Ну и сон приснит вам
полночь-негодяйка!
Только сон ли это?
Слишком громок сон.
Это
комсомольцы
Кемпа «Нит гедайге»
песней
заставляют
плыть в Москву Гудзон.

20 сентября 1925
Нью-Йорк

ДОМОЙ!

Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен, —
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают —
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,
несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»
А зачем
любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет.
А Маркиту
(толечко моргните!)
за́ сто франков
препроводят в кабинет.
Небольшие деньги —
поживи для шику —
нет,
интеллигент,
взбивая грязь вихров,
будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка́ стихов.

Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
низом шахт,
серпов
и вил, —
я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Всё равно —
сослался сам я
или послан к маме —
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.
Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?
Вот лежу,
уехавший за во́ды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.
Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тя́гот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на́ год.

Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверхставками спе́ца
получало
любовищу сердце.
Я хочу,
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

Конец 1925

ЧТО НИ СТРАНИЦА,— ТО СЛОН, ТО ЛЬВИЦА

Льва показываю я,
посмотрите нате —
он теперь не царь зверья,
просто председатель.

Этот зверь зовется лама.
Лама дочь
              и лама мама.

Маленький пеликан
и пеликан-великан.
Как живые в нашей книжке
слон,
      слониха
                  и слонишки.
Двух- и трехэтажный рост,
с блюдо уха оба,
впереди на морде хвост
под названьем «хобот».
Сколько им еды, питья,
сколько платья снашивать!
Даже ихнее дитя
ростом с папу с нашего.
Всех прошу посторониться,
разевай пошире рот, —
для таких мала страница,
дали целый разворот.

Крокодил. Гроза детей.
Лучше не гневите.
Только он сидит в воде
и пока не виден.

Вот верблюд, а на верблюде
возят кладь
                  и ездят люди.
Он живет среди пустынь,
ест невкусные кусты,

он в работе круглый год —
он,
верблюд,
рабочий скот.

Кенгуру.
Смешная очень.
Руки вдвое короче.
Но за это
у ней
ноги вдвое длинней.

Жираф-длинношейка —
ему
никак
для шеи не выбрать воротника.
Жирафке лучше:
жирафу-мать
есть
жирафёнку
за что обнимать.
Обезьяна.
Сладу нет.
Что сидеть как статуя?!
Человеческий портрет,
даром что хвостатая.
Зверю холодно зимой.
Зверик из Америки.
Видел всех.
Пора домой.
До свиданья, зверики!

<1926>

КРАСНОДАР

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
про заносы,
про мороз розовоносый.

Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл всё февраль
                    и вымел —
не февраль,
            а прачка,
и гуляет
            мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.
Кроме лапок,
            вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит
        вразвалку
                такса
длинненькое тельце.
Бегут,
    трусят дворняжечки —
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
    лает,
        взвивши нос,
на прохожих Ванечек;
пес такой
        уже не пес,
это —
    одуванчик.
Легаши,
        сетерá,
мопсики, этцетерá.
Даже
    если
        пара луж,
в лужах
        сотня солнц юлúтся.
Это ж
    не собачья глушь,
а собачкина столица.

Февраль 1926

СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Погода такая,
что маю впору.
Май —
ерунда.
Настоящее лето.
Радуешься всему:
носильщику,
контролеру
билетов.
Руку
само
подымает перо,
и сердце
вскипает
песенным даром.
В рай
готов
расписать перрон
Краснодара.
Тут бы
запеть
соловью-трелёру.
Настроение —
китайская чайница!
И вдруг
на стене:
«Задавать вопросы
контролеру
строго воспрещается!»
И сразу
сердце за удила́.
Соловьев
камнями с ветки.
А хочется спросить:
— Ну, как дела?
Как здоровьице?
Как детки? —

Прошел я,
глаза
к земле низя́,
только подхихикнул,
ища покровительства.
И хочется задать вопрос,
а нельзя —
еще обидятся:
правительство!

Февраль 1926

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
как говорится,
в мир в иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
взрезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.
— Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!

Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.
Почему?
Зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
— Этому вина
то...
да сё...
а главное,
что смычки мало,
в результате
много пива и вина. —
Дескать,
заменить бы вам
богему
классом,
класс влиял на вас,
и было б не до драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает квасом?
Класс — он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из напостов —
стали б
содержанием
премного одаренней.
Вы бы
в день
писали
строк по сто́,
утомительно
и длинно,
как Доронин.

А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.
Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.
Почему же
увеличивать
число самоубийств?
Лучше
увеличь
изготовление чернил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмастерье.

И несут
стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колом —
разве так
поэта
надо бы почтить?
Вам
и памятник еще не слит, —
где он,
бронзы звон
или гранита грань? —
а к решеткам памяти
уже
понанесли
посвящений
и воспоминаний дрянь.
Ваше имя
в платочки рассоплено,
ваше слово
слюнявит Собинов
и выводит
под березкой дохлой —
«Ни слова,
о дру-уг мой,
ни вздо-о-о-о-ха».
Эх,
поговорить бы иначе
с этим самым
с Леонидом Лоэнгринычем!
Встать бы здесь
гремящим скандалистом:
— Не позволю
мямлить стих
и мять! —

Оглушить бы
их
трехпалым свистом
в бабушку
и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась
бездарнейшая по́гань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Коган,
встреченных
увеча
пиками усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.

Дела много —
только поспевать.
Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легше?
Слово —
полководец
человечьей силы.

Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только
путаницу волос.
Для веселия
планета наша
мало оборудована.
Надо
вырвать
радость
у грядущих дней.
В этой жизни
помереть
не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней.

Январь — март 1926

СИФИЛИС

Пароход подошел,
завыл,
погудел —
и скован,
как каторжник беглый.
На палубе
700 человек людей,
остальные —
негры.
Подплыл
катерок
с одного бочка́.

Вбежав
по лесенке хро́мой,
осматривал
врач в роговых очках:
«Которые с трахомой?»
Припудрив прыщи
и наружность вымыв,
с кокетством себя волоча,
первый класс
дефилировал
мимо
улыбавшегося врача.
Дым
голубой
из двустволки ноздрей
колечком
единым
свив,
первым
шел
в алмазной заре
свиной король —
Свифт.
Трубка
воняет,
в метр длиной.
Попробуй к такому —
полезь!
Под шелком кальсон,
под батистом-лино́
поди
разбери болезнь.
«Остров,
дай
воздержанья зарок!
Остановить велите!»
Но взял
капитан
под козырек,
и спущен Свифт —
сифилитик.

За первым классом
шел второй.
Исследуя
этот класс,
врач
удивлялся,
что ноздри с дырой, —
лез
и в ухо
и в глаз.
Врач смотрел,
губу своротив,
нос
под очками
взмóрща.
Врач
троих
послал в карантин
из
второклассного сборища.
За вторым
надвигался
третий класс,
черный от негритья.
Врач посмотрел:
четвертый час,
время коктейлей
питья.
— Гоните обратно
трюму в щель!
Больные —
видно и так.
Грязный вид...
И вообще —
оспа не привита. —
У негра
вискú
ревмя ревут.
Валяется
в трюме
Том.

Назавтра
Тому
оспу привьют —
и Том
возвратится в дом.
На берегу
у Тома
жена.
Волоса
густые, как нефть.
И кожа ее
черна и жирна,
как вакса
«Черный лев».
Пока
по работам
Том болтается,
— у Кубы
губа не дура —
жену его
прогнали с плантаций
за неотработку
натурой.
Луна
в океан
накидала монет,
хоть сбросся,
вбежав на насыпь!
Недели
ни хлеба,
ни мяса нет.
Недели —
одни ананасы.
Опять
пароход
привинтило винтом.
Следующий —
через недели!
Как дождаться
с голодным ртом?

— Забыл,
разлюбил,
забросил Том!
С белой
рогожу
делит! —
Не заработать ей
и не скрасть.
Везде
полисмены под зонтиком.
А мистеру Свифту
последнюю страсть
раздула
эта экзотика.
Потело
тело
под бельецом
от черненького мясца́.
Он тыкал
доллары
в руку, в лицо
в голодные месяца.
Схватились —
желудок,
пустой давно,
и верности тяжеловес.
Она
решила отчетливо:
«No!» [1] —
и глухо сказала:
«Jes!» [2].
Уже
на дверь
плечом напирал
подгнивший мистер Свифт.

---

[1] «No!» — нет! (англ.). — *Ред.*
[2] «Jes!» — да! (англ.). — *Ред.*

Его
и ее
наверх
в номера
взвинтил
услужливый лифт.
Явился
Том
через два денька.
Неделю
спал без просыпа.
И рад был,
что есть
и хлеб,
и деньга
и что не будет оспы.
Но день пришел,
и у кож
в темноте
узор непонятный влеплен.
И дети
у матери в животе
онемевали
и слепли.
Суставы ломая
день ото дня,
года календарные вылистаны,
и кто-то
у тел
половину отнял
и вытянул руки
для милостыни.
Внимание
к негру
стало особое.
Когда
собиралась паства,
морали
наглядное это пособие
показывал
постный пастор:

«Карает бог
и его
и ее
за то, что
водила гостей!»
И слазило
черного мяса гнилье
с гнилых
негритянских костей.

В политику
этим
не думал ввязаться я.
А так —
срисовал для видика.
Одни говорят —
«цивилизация»,
другие —
«колониальная политика».

Начало 1926

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ

Вид индейцев таков:
пернат,
смешон
и нездешен.
Они
приезжают
из первых веков
сквозь лязг
«Пенсильвэниа Сте́йшен».
Им
Ку́лиджи
пару пальцев суют.
Снимают
их
голливудцы.

На крыши ведут
в ресторанный уют.
Под ними,
гульбу разгудевши свою,
нью-йоркские улицы льются.
Кто их радует?
чем их злят?
О чем их дума?
куда их взгляд?
Индейцы думают:
«Ишь —
капитал!
Ну и домá застроил.
Всё отберем
ни за пятак
при
социалистическом строе.
Сначала
будут
бои клокотать.
А там
ни вражды,
ни начальства!
Тишь
да гладь
да божья благодать —
сплошное луначарство.
Иными
рейсами
вспенятся воды;
пойдут
пароходы зажаривать,
сюда
из Москвы
возить переводы
произведений Жарова.
И радио —
только мгла легла —
правду-матку вызвенит.

Придет
и расскажет
на весь вигвам,
в чем
красота
жизни.
И к правде
пойдет
индейская рать,
вздымаясь
знамённой уймою...»
Впрочем,
зачем
про индейцев врать?
Индейцы
про это
не думают.
Индеец думает:
«Там,
где черно́
воде
у моста в оскале,
плескался
недавно
юркий челнок
деда,
искателя скальпов.
А там,
где взвит
этажей коробо́к
и жгут
миллион киловатт, —
стоял
индейский
военный бог,
брюхат
и головат.
И всё,
что теперь
вокруг течет,
всё,
что отсюда видимо, —

всё это
вытворил белый черт,
заморская
белая ведьма.
Их
всех бы
в лес прогнать
в один,
и мы чтоб
с копьем гонялись...»
Поди
под такую мысль
подведи
классовый анализ.
Мысль человечья
много сложней,
чем знают
у нас
о ней.
Тряхнув
оперенья нарядную рядь
над пастью
облошаделой,
сошли
и — пока! —
пошли вымирать.
А что им
больше
делать?
Подумай
о новом агит-винте.
Винти,
чтоб задор не гас его.
Ждут.
Переводи, Коминтерн,
расовый гнев
на классовый.

Начало 1926

МАРКСИЗМ — ОРУЖИЕ,
ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД.
ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ
МЕТОД ЭТОТ!

Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
А некоторые
употребляют штык,
чтоб им
в зубах ковырять.
Всё хорошо:
поэт поет,
критик
занимается критикой.
У стихотворца —
корытце свое,
у критика —
свое корытико.
Но есть
не имеющие ничего,
окромя
красивого почерка.
А лезут
в книгу,
хваля
и громя
из пушки
критического очерка.
А чтоб
имелось
научное лицо
у этого
вздора злопыхáнного —
всегда
на столе
покрытый пыльцой
неразрезанный том
Плеханова.

Зазубрит фразу
(ишь, ребятье!)
и ходит за ней,
как за няней.
Бытье —
а у этого — еда и питье
определяет сознание.
Перелистывая
авторов
на букву «эл»,
фамилию
Лермонтова
встретя,
критик выясняет,
что́ он ел
на первое
и что́ — на третье.
— Шампанское пил?
Выпивал, допустим.
Налет буржуазный густ.
А его
любовь
к маринованной капусте
доказывает
помещичий вкус.
В Лермонтове, например,
чтоб далеко не идти,
смысла
не больше,
чем огурцов в акации.
Целые
хоры
небесных светил,
и ни слова
об электрификации.
Но,
очищая ядро
от фразерских корок,
бобы —
от шелухи лиризма,

признаю,
что Лермонтов
близок и дорог
как первый
обличитель либерализма.
Массам ясно,
как ни хитри,
что, милюковски юля,
светила
у Лермонтова
ходят без ветрил,
а некоторые —
и без руля.
Но так ли
разрабатывать
важнейшую из тем?
Индивидуализмом пичкать?
Демоны в ад,
а духи —
в эдем?
А где, я вас спрашиваю, смычка?
Довольно
этих
божественных легенд!
Любою строчкой вырванной
Лермонтов
доказывает,
что он —
интеллигент,
к тому же
деклассированный!
То ли дело
наш Степа
— забыл,
к сожалению,
фамилию и отчество, —
у него
в стихах
Коминтерна топот...
Вот это —
настоящее творчество!

Степа —
кирпич
какого-то здания,
не ему
разговаривать вкось и вкривь.
Степа
творит,
не затемняя сознания,
без волокиты аллитераций
и рифм.
У Степы
незнание
точек и запятых
заменяет
инстинктивный
массовый разум,
потому что
батрачка —
мамаша их,
а папаша —
рабочий и крестьянин сразу. —
В результате
вещь
ясней помидора
обволакивается
туманом сизым,
и эти
горы
нехитрого вздора
некоторые
называют марксизмом.
Не говорят
о веревке
в журнале повешенного,
не изменить
шаблона прилежного.
Лежнев зарадуется —
«он про Вешнева».
Вешнев —
«он про Лежнева».

19 апреля 1926

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

В центре мира
стоит Гиз —
оправдывает штаты служебный раж.
Чтоб книгу
народ
зубами грыз,
наворачивается
миллионный тираж.
Лицо
тысячеглазого треста
блестит
электричеством ровным.
Вшивают
в Маркса
Аверченковы листы,
выписывают гонорары Цицеронам.
Готово.
А зав
упрется назавтра
в заглавие,
как в забор дышлом.
Воедино
сброшюровано
12 авторов!
— Как же это, родимые, вышло?? —
Темь
подвалов
тиражом беля,
залегает знание —
и лишь
бегает
по книжным штабеля́м
жирная провинциалка —
мышь.
А читатели
сидят
в своей уездной яме,
иностранным упиваются,
мозги щадя.

В Африки
вослед за Бенуя́ми
улетают
на своих жилплощадях.
Званье
— «пролетарские» —
носся как эполеты,
без ошибок
с Пушкина
списав про вёсны,
выступают
пролетарские поэты,
развернув
рулоны строф повёрстных.
Чем вы — пролетарий,
уважаемый поэт?
Вы
с богемой слились
9 лет назад.
Ну скажите,
уважаемый пролет, —
вы давно
динаму
видели в глаза?
— Извините
нас,
сермяжных,
за стишонок неудачненький.
Не хотите
под гармошку поплясать ли? —
Это,
в лапти нарядившись,
выступают дачники
под заглавием —
«крестьянские писатели».
О, сколько нуди такой городимо,
от которой
мухи падают замертво!
Чего только стоит
один Радимов
с греко-рязанским своим гекзаметром!

Разлунивши
лысины лачки́,
убежденно
взявши
ручку в ручки,
бороденок
теребя пучки,
честно
пишут про Октябрь
попутчики.
Раньше
маленьким казался и Лесков —
рядышком с Толстым
почти не виден.
Ну скажите мне,
в какой же телескоп
в те недели
был бы виден Лидин?!
— На Руси
одно веселье —
пити... —
А к питью
подай краюху
и кусочек сыру.
И орут писатели
до хрипоты
о быте,
увлекаясь
бытом
госиздатовских кассиров.
Варят чепуху
под клубы
трубочного дыма —
всякую уху
сожрет
читатель-Фока.
А неписаная жизнь
проходит
мимо
улицею фыркающих о́кон.

А вокруг
скачут критики
в мыле и пене:
— Здорово пишут писатели, братцы!
— Гений-Казин,
Санников-гений...
Всё замечательно!
Рады стараться! —
С молотка
литература пущена.
Где вы,
сеятели правды
или звезд сиятели?
Лишь в четыре этажа халтурщина:
Гиза,
критика,
читаки
и писателя.
Нынче
стала
зелень веток в редкость,
гол
литературы ствол.
Чтобы стать
поэту крепкой веткой —
выкрепите мастерство!

Апрель 1926

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

Вокзал оцепенел,
онемевает док.
Посты полиции,
заводчикам в угоду.
От каждой буквы
замиранья холодок,
как в первый день
семнадцатого года.
Радио
стальные шеи своротили.

Слушают.
Слушают,
что́ из-за Ламанша.
Сломят?
Сдадут?
Предадут?
Или
красным флагом нам замашут?
Слышу.
Слышу
грузовозов храп...
Лязг оружия...
Цоканье шпор...
Это в док
идут штрейкбрехера.
Море,
им в морду
выплесни шторм!
Слышу,
шлепает дворцовая челядь.
К Болдуину,
не вяжущему лык,
сэр Макдональд
пошел церетелить.
Молния,
прибей соглашательский язык!
Слышу —
плач промелькнул мелько́м.
Нечего есть.
И нечего хлебать.
Туман,
к забастовщикам
теки молоком!
Камни,
обратитесь в румяные хлеба!
Радио стало.
Забастовала высь.
Пусто,
ни слова,
тишь да гладь.

Земля,
не гони!
Земля, — остановись!
Дай удержаться,
дай устоять.
Чтоб выйти
вам
из соглашательской опеки,
чтоб вам
гореть,
а не мерцать, —
вам наш привет
и наши копейки,
наши руки
и наши сердца.
Нам
чужды
политиков шарады, —
большевикам
не надо аллегорий.
Ваша радость —
наша радость,
боль —
это наша боль
и горе.
Мне бы
сейчас
да птичью должность.
Я бы в Лондон.
Целые пять,
пять миллионов
— простите за восторженность! —
взял бы,
обнял
и стал целовать.

Между 4 и 8 мая 1926

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство.
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства:
о месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и угодья
и я обложен
и должен караться.
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
и двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните —
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам,
конечно, известно
явление «рифмы».
Скажем,
строчка
окончилась словом
«отца»,

и тогда
        через строчку,
                слога повторив, мы
ставим
        какое-нибудь:
                ламцадрица-цá.
Говоря по-вашему,
                рифма —
                        вексель.
Учесть через строчку! —
                вот распоряжение.
И ищешь
        мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
                склонений
                        и спряжений.
Начнешь это
        слово
                в строчку всовывать,
а оно не лезет —
                нажал и сломал.
Гражданин фининспектор,
                честное слово,
поэту
        в копеечку влетают слова.
Говоря по-нашему,
                рифма —
                        бочка.
Бочка с динамитом.
                Строчка —
                        фитиль.
Строка додымит,
                взрывается строчка, —
и город
        на воздух
                строфой летит.
Где найдешь,
        на какой тариф,
рифмы,
        чтоб враз убивали, нацелясь?

Может,
пяток
небывалых рифм
только и остался
что в Венецуэле.
И тянет
меня
в холода и в зной.
Бросаюсь,
опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
учтите билет проездной!
— Поэзия
— вся! —
езда в незнаемое.
Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом
с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.
Конечно,
различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
легкость руки!
Тянет,
как фокусник,
строчку изо рта
и у себя
и у других.

Что говорить
о лирических кастратах?!
Строчку
чужую
вставит — и рад.
Это
обычное
воровство и растрата
среди охвативших страну растрат.
Эти
сегодня
стихи и оды,
в аплодисментах
ревомые ревмя,
войдут
в историю
как накладные расходы
на сделанное
нами —
двумя или тремя.
Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
из артезианских
людских глубин.
И сразу
ниже
налога рост.
Скиньте
с обложенья
нуля колесо!
Рубль девяносто
сотня папирос,
рубль шестьдесят
столовая соль.
В вашей анкете
вопросов масса:

— Были выезды?
Или выездов нет? —
А что,
если я
десяток пегасов
загнал
за последние
15 лет?!
У вас —
в мое положение войдите —
про слуг
и имущество
с этого угла.
А что,
если я
народа водитель
и одновремённо —
народный слуга?
Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы,
пролетарии,
двигатели пера.
Машину
души
с годами изнашиваешь.
Говорят:
в архив,
исписался,
пора! —
Всё меньше любится,
всё меньше дерзается,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души.

И когда
это солнце
разжиревшим боровом
взойдет
над грядущим
без нищих и калек, —
я
уже
сгнию,
умерший под забором,
рядом
с десятком
моих коллег.
Подведите
мой
посмертный баланс!
Я утверждаю
и — знаю — не налгу:
на фоне
сегодняшних
дельцов и пролаз
я буду
— один! —
в непролазном долгу.
Долг наш —
реветь
медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.
Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на гóре
проценты
и пени.
Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,

перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.
А зачем
вообще
эта шапка Сене?
Чтобы — целься рифмой
и ритмом ярись?
Слово поэта —
ваше воскресение,
ваше бессмертие,
гражданин канцелярист.
Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот
с фининспекторами,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель,
выправьте
в энкапеэс
на бессмертье билет
и, высчитав
действие стихов,
разложите
заработок мой
на триста лет!
Но сила поэта
не только в этом,
что, вас
вспоминая,
в грядущем икнут.

Нет!
И сегодня
рифма поэта —
ласка
и лозунг,
и штык,
и кнут.
Гражданин фининспектор,
я выплачу пять,
все
нули
у цифры скрестя!
Я
по праву
требую пядь
в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.
А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищи,
мое стило́,
и можете
писать
сами!

Апрель — май 1926

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

Довольно
сонной,
расслабленной праздности!
Довольно
козырянья
в тысячи рук!

Республика искусства
в смертельной опасности —
в опасности краска,
слово,
звук.
Громы
зажаты
у слова в кулаке, —
а слово
зовется
только с тем,
чтоб кланялось
событью
слово-лакей,
чтоб слово плелось
у статей в хвосте.
Брось дрожать
за шкуры скряжьи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!
Зовите рукой
с грядущих кряжей:
«Пролетарий,
сюда!»
Полезли
одиночки
из миллионной давки —
такого, мол,
другого
не увидишь в жисть.
Каждый
рад
подставить бородавки
под увековечливую
ахровскую кисть.
Вновь
своя рубаха
ближе к телу?
А в нашей работе
то и ново,

что в громаде,
класс которую сделал,
не важно
сделанное
Петровым и Ивановым.
Разнообразны
души наши.
Для боя — гром,
для кровати —
шепот.
А у нас
для любви и для боя —
марши.
Извольте
под марш
к любимой шлепать!
Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняемся
ариями
Альфреда и Травиаты?
И любви
придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.
В годы голода,
стужи-злюки
разве
филармонии играли окрест?
Нет,
свои,
баррикадные звуки
нашел
гудков
медногорлый оркестр.
Старью
революцией
поставлена точка.
Живите под охраной
музейных оград.

Но мы
        не предадим
                кустарям-одиночкам
ни лозунг,
        ни сирену,
                ни киноаппарат.
Наша
        в коммуну
                не иссякнет вера.
Во имя коммуны
                жмись и мнись.
Каждое
        сегодняшнее дело
                меряй,
как шаг
        в электрический,
                в машинный коммунизм.
Довольно домашней,
                кустарной праздности!
Довольно
        изделий ловких рук!
Федерация муз
                в смертельной опасности —
в опасности слово,
                краска
                        и звук.

Май 1926

ВЗЯТОЧНИКИ

Дверь. На двери —
                «Нельзя без доклада».
Под Марксом,
                в кресло вкресленный,
с высоким окладом,
                высок и гладок,
сидит
        облеченный ответственный.
На нем
        контрабандный подарок — жилет,

в кармане —
ручка на страже,
в другом
уголочком торчит билет
с длиннющим
подчищенным стажем.
Весь день —
сплошная работа уму.
На лбу —
непролазная дума:
кому
ему
устроить куму,
кому приспособить кума?
Он всюду
пристроил
мелкую сошку,
везде
у него
по лазутчику.
Он знает,
кому подставить ножку
и где
иметь заручку.
Каждый на месте:
невеста —
в тресте,
кум —
в Гум,
брат —
в наркомат.
Всё шире периферия родных,
и
в ведомостичках узких
не вместишь
всех сортов наградных —
спецставки,
тантьемы,
нагрузки!

Он специалист,
но особого рода:
он
в слове
мистику стер.
Он понял буквально
«братство народов»
как счастье братьев,
тёть
и сестер.
Он думает:
как сократить ему штаты?
У Кэт
не глаза, а угли...
А может быть,
место
оставить для Наты?
У Наты формы округлей.
А там
в приемной —
сдержанный гул
и воздух от дыма спирается.
Ответственный жмет плечьми:
— Не могу!
Нормально...
Дела разбираются!
Зайдите еще
через день-другой... —
Но дней не дождаться жданных.
Напрасно
проситель
согнулся дугой.
— Нельзя...
Не имеется данных! —
Пока поймет!
Обшаркав паркет,
порывшись в своих чемоданах,
проситель
кладет на суконце пакет
с листами
новейших данных.

Простился.
Ладонью пакет заслоня
— взрумянились щеки-пончики, —
со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец
считает червончики.
А давший
по учрежденью орет,
от правильной гневности красен:
— Подать резолюцию! —
И в разворот
— во весь! —
на бумаге:
«Согласен»!
Ответственный
мчит
в какой-то подъезд.
Машину оставил
по праву.
Ответственный
ужин с любовницей ест,
ответственный
хлещет «Абрау».
Любовницу щиплет,
весел и хитр.
— Вот это
подарочки Сонечке:
Вот это, Сонечка,
вам на духи.
Вот это
вам на кальсончики... —
Такому
в краже рабочих тыщ
для ширмы октябрьское зарево.
Он к нам пришел,
чтоб советскую нищь
на кабаки разбазаривать.
Я
белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.

Я лишь усмехнусь:
— А здорово вам
наши
намылили шею! —
Укравшему хлеб
не потребуешь кар.
Возможно
простить и убийце.
Быть может, больной,
сумасшедший угар
в душе
у него
клубится.
Но если
скравший
этот вот рубль
ладонью
ладонь мою тронет,
я, руку помыв,
кирпичом ототру
поганую кожу с ладони.
Мы белым
едва обломали рога;
хромает
пока что
одна нога, —
для нас,
полусытых и латочных,
страшней
и гаже
любого врага
взяточник.
Железный лозунг
партией дан.
Он нам
недешево дался!
Долой присосавшихся
к нашим
рядам
и тех,
кто к грошам
присосался!

Нам строиться надо
                        в гигантский рост,
но эти
        обсели кассы.
Каленым железом
                    выжжет нарост
партия
        и рабочие массы.

Май (?) 1926

ЛЮБОВЬ

Мир
    опять
          цветами оброс,
у мира
        весенний вид.
И вновь
        встает
              нерешенный вопрос —
о женщинах
            и о любви.
Мы любим парад,
                нарядную песню.
Говорим красиво,
                выходя на митинг.
Но часто
        под этим —
                  покрытый плесенью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собранье:
                «Вперед, товарищи...»
А дома,
        забыв об арии сольной,
орет на жену,
            что щи не в наваре
и что
      огурцы
            плоховато просолены.

Живет с другой —
киоск в ширину,
бельем —
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
— Компрометируешь
пред коллективом. —
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекозлом
порхает,
летает
и мечется.
Одно ему
в мире
кажется злом —
это
алиментщица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной, —
тиранит
ревностью
всякий пустяк

и мерит
любовь
на калибр револьверный,
неверной
в затылок
пулю пустя.
Четвертый —
герой десятка сражений,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
— ребенок этакий —
уловленье
любимой
в романические сети
с повышеньем
подчиненной по тарифной сетке...
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержать никак —
бегает за клешем
каждого бульварника.
Что ж,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.
— Ишь!
Жених!
— Для кого ж я, милые, женился?

Для себя
или для них? —
У родителей
и дети этакого сорта:
— Что родители?
И мы
не хуже, мол! —
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успев
вписаться в комсомол.
И дальше,
к деревне,
быт без движеньица —
живут, как и раньше,
из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом годик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и мама.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!

Нет.
Но мы живем коммуной
плотно,
в общежитиях
грязнеет кожа тел.
Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел.
Не отвиливай —
мол, я не венчан.
Нас
не поп скрепляет тарабарящий.
Надо
обвязать
и жизнь мужчин и женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товарищи».

Май (?) 1926

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Товарищи,
позвольте
без позы,
без маски —
как старший товарищ,
неглупый и чуткий,
поразговариваю с вами,
товарищ Безыменский,
товарищ Светлов,
товарищ Уткин.
Мы спорим,
аж глотки просят лужения,
мы
задыхаемся
от эстрадных побед,

а у меня к вам, товарищи,
деловое предложение:
давайте
устроим
веселый обед!
Расстелим внизу
комплименты ковровые,
если зуб на кого —
отпилим зуб;
розданные
Луначарским
венки лавровые —
сложим
в общий
товарищеский суп.
Решим,
что все
по-своему правы.
Каждый поет
по своему
голоску!
Разрежем
общую курицу славы
и каждому
выдадим
по равному куску.
Бросим
друг другу
шпильки подсовывать,
разведем
изысканный
словесный ажур.
А когда мне
товарищи
предоставят слово —
я это слово возьму
и скажу:
— Я кажусь вам
академиком
с большим задом,
один, мол, я
жрец
поэзий непролазных.

А мне
в действительности
единственное надо —
чтоб больше поэтов
хороших
и разных.
Многие
пользуются
напостóвской тряскою,
с тем
чтоб себя
обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
мы пролетарские... —
А я, по-вашему, что —
валютчик?
Я
по существу
мастеровой, братцы,
не люблю я
этой
философии нýдовой.
Засучу рукавчики:
работать?
драться?
Сделай одолжение,
а ну, давай!
Есть
перед нами
огромная работа —
каждому человеку
нужное стихачество.
Давайте работать
до седьмого пота
над поднятием количества,
над улучшением качества.
Я меряю
по коммуне
стихов сорта,
в коммуну
душа,
потому влюблена,

что коммуна,
по-моему,
огромная высота,
что коммуна,
по-моему,
глубочайшая глубина.
А в поэзии
нет
ни друзей,
ни родных,
по протекции
не свяжешь
рифм лычки́.
Оставим
распределение
орденов и наградных,
бросим, товарищи,
наклеивать ярлычки.
Не хочу
похвастать
мыслью новенькой,
но по-моему —
утверждаю без авторской спеси —
коммуна —
это место,
где исчезнут чиновники
и где будет
много
стихов и песен.
Стоит
изумиться
рифмочек парой нам —
мы
почитаем поэтика гением.
Одного
называют
красным Байроном,
другого —
самым красным Гейнем.
Одного боюсь —
за вас и сам, —

чтоб не обмелели
наши души,
чтоб мы
не возвели
в коммунистический сан
плоскость раешников
и ерунду частушек.
Мы духом одно,
понимаете сами:
по линии сердца
нет раздела.
Если
вы не за нас,
а мы
не с вами,
то черта ль
нам
остается делать?
А если я
вас
когда-нибудь крою
и на вас
замахивается
перо-рука,
то я, как говорится,
добыл это кровью,
я
больше вашего
рифмы строгал.
Товарищи,
бросим
замашки торгашьи:
моя, мол, поэзия —
мой лабаз!
Всё, что я сделал,
всё это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!
Что может быть
капризней славы
и пепельней?

В гроб, что ли,
брать,
когда умру?
Наплевать мне, товарищи,
в высшей степени
на деньги,
на славу
и на прочую муру!
Чем нам
делить
поэтическую власть,
сгрудим
нежность слов
и слова-бичи,
и давайте
без завистей
и без фамилий
класть
в коммунову стройку
слова-кирпичи.
Давайте,
товарищи,
шагать в ногу.
Нам не надо
брюзжащего
лысого парика!
А ругаться захочется —
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.

1—13 июня 1926

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

Его прислали
для проведенья режима.
Средних способностей.
Средних лет.
В мыслях — планы.
В сердце — решимость.

В кармане — перо
и партбилет.
Ходит,
распоряжается энергичным жестом.
Видно —
занимается новая эра!
Сам совался в каждое место,
всех переглядел —
от зава до курьера.
Внимательный
к самым мельчайшим крохам,
вздувает
сердечный пыл...
Но бьются
слова,
как об стену горохом,
об —
канцелярские лбы.
А что канцелярии?
Внимает мошенница!
Горите
хоть солнца ярче, —
она
уложит
весь пыл в отношеньица,
в анкетку
и в циркулярчик.
Бумажку
встречать
с отвращением нужно.
А лишь
увлечешься ею, —
то через день
голова заталмужена
в бумажную ахинею.
Перепишут всё
и, канителью исходящей нитясь,
на доклады
с папками идут:
— Подпишитесь тут!
Да тут вот подмахнитесь!..

И вот тут, пожалуйста!..
И тут!..
И тут!..—
Пыл
в чернила уплыл
без следа.
Пред
в бумагу
всосался, как клещ...
Среда —
это
паршивая вещь!!
Глядел,
лицом
белее мела,
сквозь канцелярский мрак.
Катился пот,
перо скрипело,
рука свелась
и вновь корпела, —
но без конца
громадой белой
росла
гора бумаг.
Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:
куда,
зачем,
кого?
Собственную
тетушку
назначит римской папою.
Сам себе
подпишет
смертный приговóр.
Совести
партийной
слабенькие писки
заглушает
с днями
исходящий груз.

Раскусил чиновник
пафос переписки,
облизнулся,
въелся
и — вошел во вкус.
Где решимость?
планы?
и молодчество?
Собирает канцелярию,
загривок мыля ей.
— Разузнать
немедля
имя-отчество!
Как
такому
посылать конверт
с одной фамилией??! —
И опять
несется
мелким лайцем:
— Это так-то службу мы несем?!
Написали просто
«прилагается»
и забыли написать
«при сем»! —
В течение дня
страну наводня
потопом
ненужной бумажности,
в машину
живот
уложит —
и вот
на дачу
стремится в важности.
Пользы от него,
что молока от черта,
что от пшенной каши —
золотой руды.

Лишь растут
подвалами
отчеты,
вознося
чернильные пуды.
Рой чиновников
с недели на́ день
аннулирует
октябрьский гром и лом,
и у многих
даже
проступают сзади
пуговицы
дофевральские
с орлом.
Поэт
всегда
и добр и галантен,
делиться выводом рад.
Во-первых:
из каждого
при известном таланте
может получиться
бюрократ.
Вывод второй
(из фельетонной водицы
вытекал не раз
и не сто):
коммунист не птица,
и незачем обзаводиться
ему
бумажным хвостом.
Третий:
поднять бы его за загривок
от бумажек,
разостланных низом,
чтоб бумажки,
подписанные
прямо и криво,
не заслоняли
ему
коммунизм.

Июнь (?) 1926

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ,
ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте, —
в бытность человеком
ты пивал чаи
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтеся —
кому охота!

Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой лунища.
Ну и здóрово!
Залегла,
просторы нáдвое порвав.
Будто нáвек
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.
В коммунизм из книжки
верят средне.
«Мало ли,
что можно
в книжке намолоть!»
А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой.
За нее —
на крест,
и пулею чешите:
это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,

чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

15 июля 1926
Ялта

ТРОПИКИ

(ДОРОГА ВЕРА-КРУЦ — МЕХИКО-СИТИ)

Смотрю:
вот это —
тропики.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд
прет торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.
Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они — священники,
не то они — художники.
Аж сам
не веришь факту:
из всей бузы и вара

встает
растенье — кактус
трубой от самовара.
А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу —
воробейчики,
а видом —
шантеклеры.
Но прежде чем
осмыслил лес,
и бред,
и жар,
и день я —
и день
и лес исчез
без вечера
и без
предупрежденья.
Где горизонта борозда?!
Все линии
потеряны.
Скажи,
которая звезда
и где
глаза пантерины?
Не счел бы
лучший казначей
звезды́
тропических ночей,
настолько
ночи августа
звездой набиты
нагусто.
Смотрю:
ни зги, ни тропки.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд прет
сквозь тропики,
сквозь запахи
банановые.

Лето 1926

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

Куда бы
ты
ни направил разбег,
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи —
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или тупик.
Где я?
В Ялте или в Туле?
Я в Москве
или в Казани?
Разберешься?
Черта в стуле!
Не езда, а — наказанье.
Каждый дюйм
бытия земного
профамилиен
и разыменован.
В голове
от имен
такая каша!
Как общий котел пехотного полка.
Даже пса дворняжку
вместо
«Полкаша»
зовут:
«Собака имени Полкан».
«Крем Коллонтай.
Молодит и холит».
«Гребенки Мейерхольд».
«Мочала
а-ля Качалов».
«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».
После этого
гуди во все моторы,

наизобретай идей мешок,
всё равно —
про Мейерхольда будут спрашивать:
— Который?
Это тот, который гребешок?
Я
к великим
не суюсь в почетнейшие лики.
Я солдат
в шеренге миллиардной.
Но и я
взываю к вам
от всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с ними фамильярно!

Лето 1926

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я
два месяца
шатался по природе,
чтоб смотреть цветы
и звезд огнишки.
Таковых не видел.
Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде —
у скал,
на массивном грузе
Кавказа
и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
на небе,
на пузе
лошади Петра Великого,

от пыли дорожной
до гор,
где грóзы
гремят,
грома потрясав, —
везде
отрывки стихов и прозы,
фамилии
и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».
«Коля и Зина
соединили души».
Стрела
и сердце
в виде груши.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».
На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
а б в г д е ж з к.
А у этого
от лазанья
талант иссяк.
Превыше орлиных зон
просто и мило:
«Исак
Лебензон».
Особенно
людей
винить не будем.
Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли люди.
Они
и на скалу
глядят, как на мандат.

Такому,
глядящему
за чаем
с балконца,
как солнце
садится в чаще,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —
входящее
и исходящее.
Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволах и ска́лах
узнать
подписавшихся малых.
Каждому
в лапки
дать по тряпке,
за спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
и Колям
и Зинам
собственные имена
стирать бензином.
А чтоб энергия
не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
почистить скипидаром.
А кто
до того
к подписям привык,

что снова
к скале полез, —
у этого
навсегда
закрывается лик-
без».

Под декретом подпись
и росчерк броский —
Владимир Маяковский.

Лето 1926
Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

Перья-облака́,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!
Пара
пароходов
говорит на рейде:
то один моргнет,
а то
другой моргнет.
Что сигналят?
Напрягаю я
морщины лба.
Красный раз...
угаснет,
и зеленый...
Может быть,
любовная мольба.
Может быть,
ревнует разозленный.

Может, просит:
«„Красная Абхазия“!
Говорит
«Советский Дагестан».
Я устал,
один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань».
Но в ответ
коварная
она:
«Как-нибудь
один
живи и грейся.
Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный крейсер».
— «Все вы,
бабы,
трясогузки и канальи...
Что ей крейсер,
дылда и пачкун?»
Поскулил
и снова засигналил:
«Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.
Здесь
от скуки
отсыреет и броня...»
Дремлет мир,
на Черноморский округ
синь-слезищу
морем оброня.

Лето 1926

ДВЕ МОСКВЫ

Когда автобус,
                                        пыль развеяв,
прет
            меж часовен восковых,
я вижу ясно:
                                    две их,
их две в Москве —
                                                Москвы.

1

Одна —
                  это храп ломовий и скрип.
Китайской стены покосившийся гриб.
Вот так совсем
                                        и в седые века
здесь
            ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум,
что это
                  бумагу везут в Главбум.
А я убежден,
                                    что, удар изловча,
добро везут,
                                    разбив половчан.
Из подмосковных степей и лон
везут половчанок, взятых в полон.
А там,
                  где слово «Моссельпром»
под молотом
                                    и под серпом,
стоит
            и окна глазом ест
вотяк,
                  приехавший на съезд,
не слышавший,
                                        как печенег,
о монпансье и ветчине.

А вбок
гармошка с пляскою,
пивные двери лязгают.
Хулиганье
по кабакам,
как встарь,
друг другу мнут бока.
А ночью тишь,
и в тишине
нет ни гудка,
ни шины нет...
Храпит Москва деревнею,
и в небе
цвета крем
глухой старухой древнею
суровый
старый Кремль.

2

Не надо быть пророком-провидцем,
всевидящим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
как новое в людях ройтся,
вторая Москва
вскипает и строится.
Великая стройка
уже начата.
И в небо
лесами идут
там
почтамт,
здесь
Ленинский институт.
Дыры
метровые
пóтом политы,
чтоб ветра быстрей
под землей полетел,

из-под покоев митрополитов
сюда чтоб
вылез
метрополитен.
Восторженно видеть
рядом и вместе
пыхтенье машин
и пыли пласты.
Как плотники
с небоскреба «Известий»
плюются
вниз
на Страстной монастырь.
А там
вместо храпа коней от обузы
гремят грузовозы,
пыхтят автобу́сы.
И кажется:
центр-ядро прорвало́
Садовых кольцо
и Коровьих вало́в.
Отсюда
слышится и мне
шипенье приводных ремней.
Как стих,
крепящий бо́лтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».
Растет представленье
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.
Качнется,
встанет,
подтянется сонница,
придется и ей
тракторeть и фордзониться.

Краснеет на шпиле флага тряпица,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.

Сентябрь 1926

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО ПИСАТЕЛЮ АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ

Алексей Максимович,
как помню,
между нами
что-то вышло
вроде драки
или ссоры.
Я ушел,
блестя
потертыми штанами;
взяли Вас
международные рессоры.
Нынче —
и́наче.
Сед височный блеск,
и взоры озарённей.
Я не лезу
ни с моралью,
ни в спасатели,
без иронии,
как писатель
говорю с писателем.
Очень жалко мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.

Думаете —
с Капри,
с горки
Вам видней?
Вы
и Луначарский —
похвалы похвальные,
добряки,
а пишущий
бесстыж —
тычет
целый день
свои
похвальные
листы.
Что годится,
чем гордиться?
Продают «Цемент»
со всех лотков.
Вы
такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков
написал
благодарственный молебен о цементе.
Затыкаешь ноздри,
нос наморщишь
и идешь
верстой болотца длинненького.
Кстати,
говорят,
что Вы открыли мощи
этого...
Калинникова.
Мало знать
чистописаниев ремёсла,
расписать закат
или цветенье редьки.

Вот
    когда
        к ребру душа примерзла,
ты
    ее попробуй отогреть-ка!
Жизнь стиха —
тоже тиха.
Что горенья?
        Даже
            нет и тленья
в их стихе
        холодном
            и лядащем.
Все
    входящие
        срифмуют впечатления
и печатают
        в журнале
            в исходящем.
А рядом
        молотобойцев
            ана́пестам
учит
    профессор Шенге́ли.
Тут
    не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
        в шинке ли?
Алексей Максимович,
        у вас
            в Италии
Вы
    когда-нибудь
        подобное
            видали?
Приспособленность
        и ласковость дворовой,
деятельность
    блюдо-рубле- и тому подобных «лиз»
называют многие
        «здоровый
реализм».

И мы реалисты,
но не на подножном
корму,
не с мордой, упершейся вниз, —
мы в новом,
грядущем быту,
помноженном
на электричество
и коммунизм.
Одни мы,
как ни хвалите халтуры,
но, годы на спины грузя,
тащим
историю литературы —
лишь мы
и наши друзья.
Мы не ласкаем
ни глаза,
ни слуха.
Мы —
это Леф,
без истерики —
мы
по чертежам
деловито
и сухо
строим
завтрашний мир.
Друзья —
поэты рабочего класса.
Их знание
невелико́,
но врезал
инстинкт
в оркестр разногласий
буквы
грядущих веков.
Горько
думать им
о Горьком-эмигранте.
Оправдайтесь,
гряньте!

Я знаю —
            Вас ценит
                        и власть
                                  и партия,
Вам дали б всё —
                      от любви
                                до квартир.
Прозаики
            сели
                 пред Вами
                            на парте б:
— Учи!
       Верти! —
Или жить вам,
                как живет Шаляпин,
раздушенными аплодисментами оляпан?
Вернись
        теперь
              такой артист
назад
     на русские рублики —
я первый крикну:
                   — Обратно катись,
народный артист Республики! —
Алексей Максимыч,
                    из-за Ваших стекол
виден
     Вам
        еще
           парящий сокол?
Или
   с Вами
         начали дружить
по саду
       ползущие ужи?
Говорили
         (объясненья ходкие!),
будто
     Вы
       не едете из-за чахотки.

И Вы
в Европе,
где каждый из граждан
смердит покоем,
жратвой,
валютцей!
Не чище ль
наш воздух,
разреженный дважды
грозою
двух революций!
Бросить Республику
с думами,
с бунтами,
лысинку
южной зарей озарив, —
разве не лучше,
как Феликс Эдмундович,
сердце
отдать
временам на разрыв.
Здесь
дела по горло,
рукав по локти,
знамена неба
алы́,
и соколы —
сталь в моторном клёкоте —
глядят,
чтоб не лезли орлы.
Делами,
кровью,
строкою вот этою,
нигде
не бывшею в найме, —
я славлю
взвитое красной ракетою
Октябрьское,
руганное
и пропетое,
пробитое пулями знамя!

Сентябрь — октябрь 1926

ДОЛГ УКРАИНЕ

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится черно́,
и герб
звездой пятиконечной вточен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днипро́
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада
и Гоголю надо!

Мы знаем,
курит ли,
пьет ли Чаплин;
мы знаем
Италии безрукие руины;
мы знаем,
как Ду́гласа
галстух краплен...
А что мы знаем
о лице Украины?

Знаний груз
у русского
тощ —
тем, кто рядом,
почета мало.
Знают вот
украинский борщ,
знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов —
Бульбы
и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.
А если прижмут —
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов —
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах —
лексиконах алых, —
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»

Разве может быть
затрепанней
да тише
слова
поистасканного
«слышишь»?!
Я
немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь, —
чтобы стали
всех
моих
стихов слова
полновесными,
как слово «чуешь».

Трудно
людей
в одно истолочь,
собой
кичись не очень.
Знаем ли мы украинскую ночь?
Нет,
мы не знаем украинской ночи.

Октябрь 1926

ОКТЯБРЬ

1917—1926

Если
стих
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражь
комсомольцев
и комсомолок.

Дней шоферы
                    и кучера
гонят
        пулей
                время свое,
а как будто
                    лишь вчера
были
        бури
                этих боев.
В шинелях,
                в поддевках идут...
Весть:
        «Победа!»
                        За Смольный порог.
Там Ильич и речь,
                            а тут
пулеметный говорок.
Мир
        другими людьми оброс;
пионеры
            лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
                    глубоких седин.
Вырастает
                времени мол,
день — волна,
                    не в силах противиться;
в смоль-усы
                    оброс комсомол,
из юнцов
                перерос в партийцев.
И партийцы
                    в годах борьбы
против всех
                    буржуазных лис

натрудили
себе
горбы,
многий
стал
и взросл
и лыс.
А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,
от ран.
Лишь колышет
камни
поклон
ото ста
подневольных стран.
На стене,
пропылен
и нем,
календарь как календарь,
но в сегодняшнем
красном дне
воскресает
годов легендарь.
Будет знамя,
а не хоругвь,
будут
пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
в хору
будет бой
и марш,
а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
не можем
не молодеть,
выходя
на праздник — Октябрь.

Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не смолк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок.

Октябрь 1926

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол названивая,
не словами,
украшающими
тепленький уют, —
дать бы
революции
такие же названия,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?
Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо́...»
Нет,
в такую ерунду
не расказёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знамена́.
Будут глотки греметь,
за кордоны катя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей — это пепел,
песок и дым;
юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских ям;
это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —
вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».
А для нас
юбилей —
ремонт в пути,
постоял —
и дальше гуди.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —
а для нас
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный заряд,
поражающий вражеский ряд.

Остановка для вас,
                                   для вас
                                               юбилей —
а для нас —
                       это сплавы лей.
Разобьет
                 врага
                       электрический ход
лучше пушек
                       и лучше пехот.
Юбилей!
А для нас —
                       подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:
               в графиках
                                   довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
                                     что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
                                        приказ Ильича.
Надо
           в каждой пылинке
                                             будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту
                 не будь рассеянней!
Будет:
             под ногами
                                   заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
               перед боем,
                                     топки глуша,
Англия бастующих шахт.

Пусть
китайский язык
мудрен и велик, —
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш
рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже
киты батарей
и полки́.
Воры
с дураками
засели в блинда́жи
растрат
и волокит.
И каждая вывеска:
— рабкооп —
коммунизма тяжелый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах —
рассчитывай,
режь и крой.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать
из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!
Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волховстроя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.

Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не причал.
Сквозь десятки таких девяти,
мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!

Октябрь 1926

НАШЕ НОВОГОДИЕ

«Новый год!»
Для других это просто:
о стакан
стаканом бряк!
А для нас
новогодие —
подступ
к празднованию
Октября.
Мы
лета́
исчисляем снова —
не Христовый считаем род.
Мы
не знаем «двадцать седьмого»,
мы
десятый приветствуем год.
Наших дней
значенью
и смыслу
подвести итоги пора.
Серых дней
обыдённые числа,
на десятый
стройтесь
парад!

Скоро
всем
нам
счет предъявят:
дни свои
ерундой не мельча,
кто
и как
в обыдённой яви
воплотил
слова Ильича?
Что в селе?
Навоз
и скрипучий воз?
Свод небесный
коркою вычерствел?
Есть ли там
уже
миллионы звезд,
расцветающие в электричестве?
Не купая
в прошедшем взора,
не питаясь
зрелищем древним,
кто и нынче
послал ревизоров
по советским
Марьям Андревнам?
Нам
коммуна
не словом крепка́ и люба́
(сдашь без хлеба,
как ни крепи́ся!).
У крестьян
уже
готовы хлеба́
всем,
кто переписью переписан?
Дайте крепкий стих
годочков этак на́ сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,

чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед любимой.
Пусть гремят
барабаны поступи
от земли
к голубому своду.
Занимайте дни эти —
подступы
к нашему десятому году!
Парад
из края в край растянем.
Все,
в любой работе
и чине,
рабочие и драмщики,
стихачи и крестьяне,
готовьтесь
к десятой годовщине!
Всё, что красит
и радует,
всё —
и слова,
и восторг,
и погоду —
всё
к десятому припасем,
к наступающему году.

Декабрь 1926

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

На сотни эстрад бросает меня,
на тысячу глаз молодежи.
Как разны земли моей племена,
и разен язык
и одежи!

Насилу,
пот стирая с виска,
сквозь горло тоннеля узкого
пролез.
И, глуша прощаньем свистка,
рванулся
курьерский
с Курского!
Заводы.
Березы от леса до хат
бегут,
листками вороча,
и чист,
как будто слушаешь МХАТ,
московский говорочек.
Из-за горизонтов,
лесами сломанных,
толпа надвигается
мазанок.
Цветисты бочка́
из-под крыш соломенных,
окрашенные разно.
Стихов навезите целый мешок,
с таланта
можете лопаться —
в ответ
снисходительно цедят смешок
уста
украинца хлопца.
Пространства бегут,
с хвоста нарастав,
их жарит
солнце-кухарка.
И поезд
уже
бежит на Ростов,
далёко за дымный Харьков.
Поля —
на мильоны хлебных тонн —
как будто
их гладят рубанки,

а в хлебной охре
серебряный Дон
блестит
позументом кубанки.
Ревем паровозом до хрипоты,
и вот
началось кавказское —
то го́ловы сахара высят хребты,
то в солнце —
пожарной каскою.
Лечу
ущельями, свист приглушив.
Снегов и папах седи́ны.
Сжимая кинжалы, стоят ингуши,
следят
из седла
осетины.
Верх
гор —
лед,
низ —
жар
пьет,
и солнце льет йод.
Тифлисцев
узнаешь и метров за́ сто:
гуляют часами жаркими,
в моднейших шляпах,
в ботинках носастых,
этакими парижа́ками.
По-своему
всякий
зубрит азы,
аж цифры по-своему снятся им.
У каждого третьего —
свой язык
и собственная нация.

Однажды,
забросив в гостиницу хлам,
забыл,
где я ночую.

Я
адрес
по-русски
спросил у хохла,
хохол отвечал:
— Нэ чую. —
Когда ж переходят
к научной теме,
им
рамки русского
у́зки;
с Тифлисской
Казанская академия
переписывается по-французски.
И я
Париж люблю сверх мер
(красивы бульвары ночью!).
Ну мало ли что —
Бодлер,
Маларме
и эдакое прочее!
Но нам ли,
шагавшим в огне и воде
годами,
борьбой прожженными,
растить
на смену себе
бульвардье
французистыми пижонами!
Используй,
кто был безъязык и гол,
свободу Советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.
Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
всё то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.

Но нету места
злобы мазку,
не мажьте красные души!
Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши!
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.
Когда
Октябрь орудийных бурь
по улицам
кровью лился,
я знаю,
в Москве решали судьбу
и Киевов
и Тифлисов.
Москва
для нас
не державный аркан,
ведущий земли за нами,
Москва
не как русскому мне дорога,
а как огневое знамя!
Три
разных истока
во мне
речевых.
Я
не из кацапов-разинь.
Я
дедом — казак,
другим —
сечевик,
а по рожденью
грузин.

Три
разных капли
в себе совмещав,
беру я
право вот это —
покрыть
всесоюзных совмещан.
И ваших,
и русопетов.

<1927>

МОЯ РЕЧЬ НА ПОКАЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПО СЛУЧАЮ ВОЗМОЖНОГО СКАНДАЛА С ЛЕКЦИЯМИ ПРОФЕССОРА ШЕНГЕЛИ

Я тру
ежедневно
взморщенный лоб
в раздумье
о нашей касте,
и я не знаю:
поэт —
поп,
поп или мастер.
Вокруг меня
толпа малышей, —
едва вкусившие славы,
а во́лос
уже
отрастили до шей
и голос имеют гнусавый.
И, образ подняв,
выходят когда
на толстожурнальный амвон,
я,
каюсь,
во храме
рвусь на скандал,
и крикнуть хочется:
— Вон! —

А вызовут в суд, —
убежденно гудя,
скажу:
— Товарищ судья!
Как знамя,
башку
держу высоко,
ни дух не дрожит,
ни коленки,
хоть я и слыхал
про суровый
закон
от самого
от Крыленки.
Законы
не знают переодевания,
а без
преувеличенности,
хулиганство —
это
озорные деяния,
связанные
с неуважением к личности.
Я знаю
любого закона лютей,
что личность
уважить надо,
ведь масса —
это
много людей,
но масса баранов —
стадо.
Не зря
эту личность
рожает класс,
лелеет
до нужного часа,
и двинет,
и в сердце вложит наказ:

«Иди,
творить,
отличайся!»
Идет
и горит
докрасна́,
добела́...
Да что городить околичность!
Я,
если бы личность у них была,
влюбился б в ихнюю личность.
Но где ж их лицо?
Осмотрите в момент —
без плюсов,
без минусо́в.
Дыра!
Принудительный ассортимент
из глаз,
ушей
и носов!
Я зубы на этом деле сжевал,
я знаю, кому они копия.
В их песнях
поповская служба жива,
они —
зарифмованный опиум.
Для вас
вопрос поэзии —
нов,
но эти,
видите,
молятся.
Задача их —
выделка дьяконов
из лучших комсомольцев.
Скрывает
ученейший их богослов
в туман вдохновения радугу слов,
как чаши
скрывают
церковные.

А я
раскрываю
мое ремесло
как радость,
мастером кованную.
И я,
вскипя
с позора с того,
ругнулся
и плюнул, уйдя.
Но ругань моя —
не озорство,
а долг,
товарищ судья. —
Я сел,
разбивши
доводы глиняные.
И вот
объявляется при́говор,
так сказать,
от самого Калинина,
от самого
товарища Рыкова.
Судьей,
расцветшим розой в саду,
объявлено
тоном парадным:
— Маяковского
по суду
считать
безусловно оправданным!

<1927>

КОНЬ-ОГОНЬ

Сын
отцу твердил раз триста,
за покупкою гоня:

— Я расту кавалеристом.
Подавай, отец, коня! —

О чем же долго думать тут?
Игрушек
в лавке
много вам.
И в лавку
сын с отцом идут
купить четвероногого.
В лавке им
такой ответ:
— Лошадей сегодня нет.
Но, конечно,
может мастер
сделать лошадь
всякой масти. —
Вот и мастер. Молвит он:
— Надо
нам
достать картон.
Лошадей подобных тело
из картона надо делать. —
Все пошли походкой важной
к фабрике писчебумажной.
Рабочий спрашивать их стал:
— Вам толстый
или тонкий? —
Спросил
и вынес три листа
отличнейшей картонки.
— Кстати
нате вам и клей.
Чтобы склеить —
клей налей. —

Тот, кто ездил,
знает сам,
нет езды без колеса.

Вот они у столяра.
Им столяр, конечно, рад.
Быстро,
ровно, а не криво,
сделал им колесиков.
Есть колеса,
нету гривы,
нет
на хвост волосиков.
Где же конский хвост найти нам?
Там,
где щетки и щетина.
Щетинщик возражать не стал, —
чтоб лошадь вышла дивной,
дал
конский волос
для хвоста
и гривы лошадиной.
Спохватились —
нет гвоздей.
Гвоздь необходим везде.
Повели они отца
в кузницу кузнеца.
Рад кузнец.
— Пожалте, гости!
Вот вам
самый лучший гвоздик. —
Прежде чем работать сесть,
осмотрели —
всё ли есть?
И в один сказали голос:
— Мало взять картон и волос.
Выйдет лошадь бедная,
скучная и бледная.
Взять художника и краски,
чтоб раскрасил
шерсть и глазки. —
К художнику,
удал и быстр,
вбегает наш кавалерист.

— Товарищ,
вы не можете
покрасить шерсть у лошади?
— Могу. —
И вышел лично
с краскою различной.
Сделали лошажье тело,
дальше дело закипело.
Компания остаток дня
впустую не теряла
и мастерить пошла коня
из лучших матерьялов.
Вместе взялись все за дело.
Режут лист картонки белой,
клеем лист насквозь пропитан.
Сделали коню копыта,
щетинщик вделал хвостик,
кузнец вбивает гвоздик.
Быстра у столяра рука —
столяр колесаостругал.
Художник кистью лазит,
лошадке
глазки красит.
Что за лошадь,
что за конь —
горячей, чем огонь!
Хоть вперед,
хоть назад,
хочешь — в рысь,
хочешь — в скок.
Голубые глаза,
в желтых яблоках бок.
Взнуздан
и оседлан он,
крепко сбруей оплетен.
На спину сплетенному —
помогай Буденному!

<*1927*>

ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПОДХАЛИМ

В любом учреждении
есть подхалим.
Живут подхалимы,
и неплохо им.
Подчас молодежи,
на них глядя,
хочется
устроиться —
как устроился дядя.
Но как
в доверие к начальству влезть?
Ответственного
не возьмешь на низкую лесть.
Например,
распахивать перед начальством
двери —
не к чему.
Начальство тебе не поверит,
не оценит
энергии
излишнюю трату —
подумает,
что это
ты —
по штату.
Или вот еще
способ
очень грубый:
трубить
начальству
в пионерские трубы.
Еще рассердится:
— Чего, мол, ради
ежесекундные
праздники
у нас
в отряде? —
Надо
льстить
умело и тонко.

Но откуда
тонкость
у подростка и ребенка?!
И мы,
желанием помочь палимы,
выпускаем
«Руководство
для молодого подхалимы».
Например,
начальство
делает доклад —
выкладывает канцелярской премудрости
клад.
Стакан
ко рту
поднесет рукой
и опять
докладывает час-другой.
И вдруг
вопль посредине доклада:
— Время
докладчику
ограничить надо! —
Тогда
ты,
сотрясая здание,
требуй:
— Слово
к порядку заседания!
Доклад —
звезда средь мрака и темени.
Требую
продолжать
без ограничения времени! —
И будь уверен —
за слова за эти
начальство запомнит тебя
и заметит.
Узнав,
что у начальства
сочинения есть,
спеши
печатный отчетишко прочесть.

При встрече
с начальством,
закатывая глазки,
скажи ему
голосом,
полным ласки:
— Прочел отчет.
Не отчет, а роман!
У вас
стихи бы
вышли задарма!
Скажите,
не вы ли
автор «Анти-Дюринга»?
Тоже
написан
очень недурненько. —
Уверен будь —
за оценки за эти
и начальство
оценит тебя
и заметит.
Увидишь:
начальство
едет пьяненький
в казенной машине
и в дамской компанийке.
Пиши
в стенгазету,
возмущенный насквозь:
«Экономия экономии рознь.
Такую экономию —
высмейте смешком!
На что это похоже?!
Еле-еле
со службы
и на службу,
таскаясь пешком,
начканц
волочит свои портфели».

И ты
преуспеешь на жизненной сцене —
начальство
заметит тебя
и оценит.

А если
не хотите
быть подхалимой,
сами
себе
не зажимайте рот:
увидев
безобразие,
не проходите мимо
и поступайте
не по стиху,
а наоборот.

<1927>

КРЫМ

Хожу,
гляжу в окно ли я —
цветы
да небо синее,
то в нос тебе
магнолия,
то в глаз тебе
глициния.

На молоко
сменил
чай
в сияньи
лунных чар.

И днем
и ночью
на Чаир
вода
бежит, рыча.

Под страшной
стражей
волн-борцов
глубины вод гноят
повыброшенных
из дворцов
тритонов и наяд.

А во дворцах
другая жизнь:
насытясь
водной блажью,
иди, рабочий,
и ложись
в кровать
великокняжью.

Пылают горы-горны,
и море синеблузится.
Людей
ремонт ускоренный
в огромной
крымской кузнице.

<1927>

ПО ГОРОДАМ СОЮЗА

Россия — всё:
и коммуна,
и волки,
и давка столиц,
и пустырьная ширь,

стоводная удаль безудержной Волги,
обдорская темь
и сиянье Кашир.

Лед за пристанью за ближней,
оковала Волга рот,
это красный,
это Нижний,
это зимний Новгород.
По первой реке в российском сторечьи
скользим. . .
цепенеем. . .
зацапаны ветром. . .
А за волжским доисторичьем
кресты да тресты,
да разные «центро».
Сумятица торга кипит и клокочет,
клочки разговоров
и дымные клочья,
а к ночи
не бросится говор,
не скрипнут полозья,
столетняя зелень зигзагов кремля,
да под луной,
разметавшей волосья,
замерзающая земля.
Огромная площадь;
прорезав вкривь ее,
неслышную поступь дикарских лап
сквозь северную Скифию
я направляю
в местный ВАПП.

За версты,
за сотни,
за тыщи,
за массу
за это время заедешь, мчась,
а мы
ползли и ползли к Арзамасу
со скоростью верст четырнадцать в час.

Напротив
сели два мужичины:
красные бороды,
серые рожи.
Презрительно буркнул торговый мужчина:
— Сережи! —
Один из Сережей
полез в карман,
достал пироги,
запахнул одежду
и всю дорогу жевал кормá,
ленивые фразы цедя промежду.
— Конешно...
и к Петровý...
и в Покров...
за то и за это пожалте прóцент...
а толку нет...
не дорога, а кровь...
с телегой тони, как ведро в колодце...
На што мой конь — крепыш,
аж и он
сломал по яме ногу...
Раз ты́
правительство,
ты и должóн
чинить на всех дорогах мосты. —
Тогда
на него
второй из Сереж
прищурил глаз, в морщины оправленный.
— Налог-то ругашь,
а пирог-то жрешь... —
И первый Сережа ответил:
— Правильно!
Получше двадцатого,
что толковать,
не голодаем,
едим пироги.
Мукá, дай бог...
хороша такова...

Но што насчет лошажьей ноги...
взыскали прóцент,
а мост не проложать...—
Баючит езда дребезжаньем звонким.
Сквозь дрему
всё время
про мост и про лошадь
до станции с названьем «Зимёнки».

На каждом доме
советский вензель
зовет,
сияет,
режет глаза.
А под вензелями
в старенькой Пензе
старушьим шепотом дышит базар.
Перед нэпачкой баба седа
отторговывает копеек тридцать.
— Купите платочек!
У нас
завсегда
заказывала
сама царица...—

Морозным днем отмелькала Самара,
за ней
начались азиаты.
Верблюдина
сено
провозит, замаран,
в упряжку лошажью взятый.

Университет —
горделивость Казани,
и стены его
и доныне
хранят
любовнейшее воспоминание
о великом своем гражданине.

Далёко
за годы
мысль катя,
за лекции университета,
он думал про битвы
и красный Октябрь,
идя по лестнице этой.
Смотрю в затихший и замерший зал:
здесь
каждые десять на́ сто
его повадкой щурят глаза
и так же, как он,
скуласты.
И смерти
коснуться его
не посметь,
стоит
у грядущего в смете!
Внимают
юноши
строфам про смерть,
а сердцем слышат:
бессмертье.

Вчерашний день
убог и низмен,
старья
премного осталось,
но сердце класса
горит в коммунизме,
и класса грудь
не разбить о старость.

Между 21 января и 7 февраля 1927

«ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ?»

Слух идет
бессмысленен и гадок,
трется в уши
и сердце ёжит.

Говорят,
что воли упадок
у нашей
у молодежи.
Говорят,
что иной братишка,
заработавший орден,
ныне
про вкусноты забывший ротишко
под витриной
кривит в унынье.
Что голодным вам
на зависть
окна лавок в бутылочном тыне,
и едят нэпачи и завы
в декабре
арбузы и дыни.
Слух идет
о грозном сраме,
что лишь радость
развоскресе́нена,
комсомольцы
лейб-гусарами
пьют
да поют под стих Есенина.
И доносится до нас
сквозь губы́ искривленную прорезь:
«Революция не удалась...
За что боролись? ..»
И свои 18 лет
под наган подставят —
и нет,
или горло
впетлят в ко́ски.
И горюю я,
как поэт,
и ругаюсь,
как Маяковский.
Я тебе
не стихи ору,
рифмы в этих делах
ни при чем;

дай
как другу
пару рук
положить
на твое плечо.
Знал и я,
что значит «не есть»,
по бульварам валялся когда, —
понял я,
что великая честь
за слова свои
голодать.
Из-под локона,
кепкой завитого,
вскинь глаза,
не грусти и не злись.
Разве есть
чему завидовать,
если видишь вот эту слизь?
Будто рыбы на берегу —
с прежним плаваньем
трудно расстаться им.
То царев горшок берегут,
то
обломанный шкаф с инкрустациями.
Вы — владыки
их душ и тела,
с вашей воли
встречают восход.
Это —
очень плевое дело,
если б
революция захотела
со счетов особых отделов
эту мелочь
списать в расход.
Но, рядясь
в любезность наносную,
мы —
взамен забытой Чеки

кормим дыней и ананасною,
ихних жен
одеваем в чулки.
И они
за всё за это,
что чулки,
что плачено дорого,
строят нам
дома и клозеты
и бойцов
обучают торгу.
Что ж,
без этого и нельзя!
Сменим их,
гранит догрызя.
Или
наша воля обломалась
о сегодняшнюю
деловую малость?
Нас
дело
должно
пронизать насквозь,
скуленье на мелочность
высмей.
Сейчас
коммуне
ценен гвоздь,
как тезисы о коммунизме.
Над пивом
нашим юношам ли
склонять
свои мысли ракитовые?
Нам
пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу,
мир запрокидывая.

Начало 1927

«ДАЕШЬ ИЗЯЧНУЮ ЖИЗНЬ»

Даже
мерин сивый
желает
жизни изящной
и красивой.
Вертит
игриво
хвостом и гривой.
Вертит всегда,
но особо пылко —
если
навстречу
особа-кобылка.
Еще грациозней,
еще капризней
стремится человечество
к изящной жизни.
У каждого класса
свое понятье,
особые обычаи,
особое платье.
Рабочей рукою
старое выжми —
посыплются фраки,
польются фижмы.
Царь
безмятежно
в могилке спит...
Сбит Милюков,
Керенский сбит...
Но в быту
походкой рачьей
пятятся многие
к жизни фрачьей.
Отверзаю
поэтические уста,
чтоб описать
такого хлюста.
Запонки и пуговицы
и спереди и сзади.

Теряются
и отрываются
раз десять на́ день.
В моде
в каждой
так положено,
что нельзя без пуговицы,
а без головы можно.
Чтоб было
оправдание
для стольких запонок,
в крахмалы
туловище
сплошь заляпано.
На голове
прилизанные волоса,
посредине
пробрита
лысая полоса.
Ноги
давит
узкий хром.
В день
обмозолишься
и станешь хром.
На всех мизинцах
аршинные ногти.
Обломаются —
работу не трогайте!
Для сморкания —
пальчики,
для виду —
платочек.
Торчит
из карманчика
кружевной уголочек.
Толку не добьешься,
что ни спроси —
одни «пардоны»,
одни «мерси».
Чтоб не было
ям
на хилых грудя́х,

ходит,
в петлицу
хризантемы вкрутя.
Изящные улыбки
настолько то́нки,
чтоб только
виднелись
золотые коронки.
Кóсится на косицы —
стрельнуть за кем? —
и пошлость
про ландыш
на слюнявом языке.
А
в очереди
венерической клиники
читает
усердно
«Мощи» Калинникова.
Таким образом
день оттрудясь,
разденет фигуру,
не мытую отродясь.
Зевнет
и спит,
излюблен, испит.
От хлама
в комнате
тесней, чем в каюте.
И это называется:
— Живем-с в уюте! —

Лозунг:
«В ногах у старья не ползай!»
Готов
ежедневно
твердить раз сто:
изящество —
это стопроцентная польза,
удобство одежд
и жилья простор.

Начало 1927

ЛУЧШИЙ СТИХ

Аудитория
сыплет
вопросы колючие,
старается озадачить
в записочном рвении.
— Товарищ Маяковский,
прочтите
лучшее
ваше
стихотворение. —
Какому
стиху
отдать честь?
Думаю,
упершись в стол.
Может быть,
это им прочесть,
а может,
прочесть то?
Пока
перетряхиваю
стихотворную старь
и нем
ждет
зал,
газеты
«Северный рабочий»
секретарь
тихо
мне
сказал...
И гаркнул я,
сбившись
с поэтического тона,
громче
иерихонских хайл:
— Товарищи!
Рабочими
и войсками Кантона
взят
Шанхай! —

Как будто
жесть
в ладонях мнут,
оваций сила
росла и росла.
Пять,
десять,
пятнадцать минут
рукоплескал Ярославль.
Казалось,
буря
вёрсты крыла,
в ответ
на все
чемберленьи ноты
катилась в Китай —
и стальные рыла
отворачивали
от Шанхая
дредноуты.
Не приравняю
всю
поэтическую слякоть,
любую
из лучших поэтических слав,
не приравняю
к простому
газетному факту,
если
так
ему
рукоплещет Ярославль.
О, есть ли
привязанность
большей силищи,
чем солидарность,
прессующая
рабочий улей?!
Рукоплещи, ярославец,
маслобой и текстильщик,
незнаемым
и родным
китайским кули!

21—23 марта 1927

«ЛЕНИН С НАМИ!»

Бывают события:
случатся раз,
из сердца
высекут фразу.
И годы
не выдумать
лучших фраз,
чем сказанная
сразу.
Таков
и в Питер
ленинский въезд
на башне
броневика.
С тех пор
слова
и восторг мой
не ест
ни день,
ни год,
ни века.
Всё так же
вскипают
от этой даты
души
фабрик и хат.
И я
привожу вам
просто цитаты
из сердца
и из стиха.
Февральское пламя
померкло быстро,
в речах
утопили
радость февральскую.
Десять
министров капиталистов
уже
на буржуев
смотрят с ласкою.

Купался
Керенский
в своей победе,
задав
революции
адвокатский тон.
Но вот
пошло по заводу:
— Едет!
Едет!
— Кто едет?
— Он!
«И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик».
Была
простая
машина эта,
как многие,
шла над Невою.
Прошла,
а нынче
по целому свету
дыханье ее
броневое.
«И снова
ветер,
свежий и крепкий,
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
— Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»

И с этих дней
везде
и во всем
имя Ленина
с нами.
Мы
будем нести,
несли
и несем —
его,
Ильичево, знамя.
«— Товарищи! —
и над головою
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил.
— Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья!
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!»
Тогда
рабочий,
впервые спрошенный,
еще нестройно
отвечал:
— Готов! —
А сегодня
буржуй
распластан, сброшенный,
и нашей власти —
десять годов.
«— Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм!

Да здравствует
восстание
за власть Советов!»
Слова эти
слушали
пушки мордастые,
и щерился
белый,
штыками блестя.
А нынче
Советы и партия
здравствуют
в союзе
с сотней миллионов крестьян.
«Впервые
перед толпой обалделой,
здесь же,
перед тобою,
близ —
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
А нынче
в упряжку
взяты частники.
Коопов
стосортных
сети вьем,
показываем
ежедневно
в новом участке
социализм
живьем.
«Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,

встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ».
Коммуна —
еще
не дело дней,
и мы
еще
в окружении врагов,
но мы
прошли
по дороге к ней
десять
самых трудных шагов.

Апрель 1927

ЛЕНА

Встаньте, товарищи,
прошу подняться.
От слез
удержите глаза.
Сегодня
память
о павших
пятнадцать
лет назад.
Хуже каторжных,
бесправней пленных,
в морозе,
зубастей волков
и лютей, —
жили
у жил
драгоценной Лены
тысячи
рабочих людей.

Роя
золото
на пятерки и короны,
рабочий
тощал
голодухой и дырами.
А в Питере
сидели бароны,
паи
запивая
во славу фирмы.
Годы
на тухлой конине
мысль
сгустили
простую:
«Поголодали,
а ныне
больше нельзя —
бастую».
Чего
хотела
масса,
копачей
несчетное число?
Капусты,
получше мяса
и работы
8 часов.
Затягивая
месяца на́ три,
директор
что было сил
уговаривал,
а губернатора
слать
войска
просил.
Скрипенье сапог...
скрипенье льда...
Это
сквозь снежную тишь

жандарма Трещенко
и солдат
шлет
губернатор Бантыш.
А дальше?
Дальше
рабочие шли
просить
о взятых в стачке.
И ротмистр Трещенко
визгнул
«пли!»
и ткнул
в перчатке пальчик.
За пальцем
этим
рванулась стрельба —
второй
после первого залпа.
И снова
в мишень
рабочего лба
жандармская
метится
лапа.

За кофием
утром рано
пишет
жандарм
упитан:
«250 ранено,
270 убито».

Молва
о стрельбе опричины
пошла
шагать
по фабричным.

Делом
растет
молва.
Становится
завод
сотый.
Дрожит
коронованный болван
и пайщики
из Лензоты.
И горе
ревя
по заводам брело:
— Бросьте
покорности
горы
нести! —
И день этот
сломленный
был перелом,
к борьбе перелом
от покорности.

О Лене память
ни дни,
ни года
в сердцах
не сотрут никогда.

Шаг
вбивая
победный
твой
в толщу
уличных плит,
помни,
что флаг
над головой
и ленскою кровью
облит.

Апрель 1927

ТОВАРИЩУ МАШИНИСТКЕ

К пишущему
массу исков
предъявляет
машинистка.
— Ну скажите,
как не злиться? ..
Мы,
в ком кротость щенья,
мы
для юмора —
козлицы
отпущенья.
Как о барышне,
о дуре —
пишут,
нас карикатуря.
Ни кухарка-де,
ни прачка —
ей
ни мыть,
ни лап не пачкать.
Машинисткам-де
лафа ведь —
пианисткой
да скрипачкой
музицируй
на алфáвите.
Жизнь —
концерт.
Изящно,
тонно
стукай
в буквы «Ремингтона».
А она,
лахудрица,
только знает —
пудрится

да сует
завитый локон
под начальственное око.
«Ремингтон»
и не машина,
если
меньше он аршина?
Как тупит он,
как он сушит —
пишущих
машинок
зал!
Как завод,
грохочет в уши.
Почерк
ртутью
ест глаза.
Где тут
взяться
барышням!
Барышня
не пара ж нам.
Нас
взяла
сатира в плети.
Что —
боитесь темы громше?
Написали бы
куплетик
о какой-нибудь наркомше! —
Да, товарищ, —
я
виновен.
Описать вас
надо внове.

Крыльями
копирок
машет.
Наклонилась
низко-низко.

Переписывает
наши
рукописи
машинистка.
Пишем мы,
что день был золот,
у ночей
звезда во лбу.
Им же
кожу лишь мозолят
тысячи
красивых букв.
За спиною
часто-часто
появляется начальство.
«Мне писать, мол,
страшно надо.
Попрошу-с
с машинкой
на дом...»
Знаем женщин.
Трудно им вот.
Быт рабынь
или котят.
Не накрасишься —
не примут,
а накрасься —
сократят.
Не разделишь
с ним
уютца —
скажет
после краха шашен:
«Ишь,
к трудящимся суются
там...
какие-то...
пишмаши...»
За трудом
шестичасовым
что им в радость,
сонным совам?

Аж город,
в гла́за в оба,
сам
опять
работой буквится, —
и цифры
по автобусам
торчат,
как клавиш пуговицы.
Даже если
и комета
пролетит
над крышей тою —
кажется
комета эта
только
точкой с запятою.
Жить на свете
не века,
и
время,
этот счетчик быстрый,
к старости
передвигает
дней исписанных регистры.
Без машин
поэтам
туго.
Жизнь поэта
однорука.
Пишет перышком,
не хитр.
Машинистка,
плюнь на ругань, —
как работнице
и другу
на́
тебе
мои стихи!

Апрель 1927

ВЕСНА

В газетах
пишут
какие-то дяди,
что начал
любовно
постукивать дятел.
Скоро
вид Москвы
скопируют с Ниццы,
цветы создадут
по весенним велениям.
Пишут,
что уже
синицы
оглядывают гнезда
с любовным вожделением.
Газеты пишут:
дни горячей,
налетели
отряды
передовых грачей.
И замечает
естествоиспытательское око,
что в березах
какая-то
циркуляция соков.
А по-моему —
дело мрачное:
начинается
горячка дачная.
Плюнь,
если рассказывает
какой-нибудь шут,
как дачные вечера
милы,
тихи́.
Опишу
хотя б,
как на даче
выделываю стихи.

Не растрачивая энергию
средь ерундовых трат,
решаю твердо
писать с утра.
Но две девицы,
и тощи
и рябы́,
заставили идти
искать грибы.
Хожу в лесу-с,
на каждой колючке
распинаюсь, как Иисус.
Устав до того,
что не ступишь на́ ноги,
принес сыроежку
и две поганки.
Принесши трофей,
еле отделываюсь
от упомянутых фей.
С бумажкой
лежу на траве я,
и строфы
спускаются,
рифмами вея.
Только
над рифмами стал сопеть,
и —
меня переезжает
кто-то
на велосипеде.
С балкона,
куда уселся, мыча,
сбежал
во внутрь
от футбольного мяча.
Полторы строки намарал —
и пошел
ловить комара.
Опрокинув чернильницу,
задув свечу,
подымаюсь,
прыгаю,
чуть не лечу.

Поймал,
и при свете
мерцающих планет
рассматриваю —
хвост малярийный
или нет?
Уселся,
но слово
замерло в горле.
На кухне крик:
— Самовар сперли! —
Адамом,
во всей первородной красе,
бегу
за жуликами
по василькам и росе.
Отступаю
от пары
бродячих дворняжек,
заинтересованных
видом
юных ляжек.
Сел
в меланхолии.
В голову
ни строчки
не лезет более.
Два.
Ложусь в идиллии.
К трем часам —
уснул едва,
а четверть четвертого
уже разбудили.
На луже,
зажатой
берегам в бока,
орет
целуемая
лодочникова дочка...
«Славное море —
священный Байкал,
Славный корабль —
омулевая бочка».

Апрель 1927

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ И ВЯЧЕСЛАВ ПОЛОНСКИЙ

Сегодня я,
поэт,
боец за будущее,
оделся, как дурак.
В одной руке —
венок
огромный
из огромных незабудищей,
в другой —
из чайных —
розовый букет.
Иду
сквозь моторно-бензинную мглу
в Лувр.
Складку
на брюке
выправил нервно;
не помню,
платил ли я за билет;
и вот
зала,
и в ней
Венерино
дезабилье.
Первое смущенье.
Рассеялось когда,
я говорю:
— Мадам!
По доброй воле,
несмотря на блеск,
сюда
ни в жизнь не навострил бы лыж.
Но я
поэт СССР —
ноблес
оближ!
У нас
в республике
не меркнет ваша слава.

Эстеты
мрут от мраморного лоска.
Короче:
я —
от Вячеслава
Полонского.
Носастей грека он.
Он в вас души не чает.
Он
поэлладистей Лициниев и Люциев,
хоть редактирует
и «Мир»,
и «Ниву»,
и «Печать
и революцию».
Он просит передать,
что нет ему житья.
Союз наш
грубоват для тонкого мужчины.
Он много терпит там
от мужичья,
от лефов и мастеровщины.
Он просит передать,
что, «леф» и «праф» костя́,
в Элладу он плывет
надклассовым сознаньем.
Мечтает он
об эллинских гостях,
о тогах,
о сандалиях в Рязани,
чтобы гекзаметром
сменилась
лефовца строфа,
чтобы Радимовы
скакали по дорожке,
и чтоб Радимов
был
не человек, а фавн, —
чтобы свирель,
набедренник
и рожки.

Конечно,
следует иметь в виду —
у нас, мадам,
не все такие там.
Но эту я
передаю белиберду.
На ней
почти официальный штамп.
Велено
у ваших ног
положить
букеты и венок.
Венера,
окажите честь и счастье,
катите
в сны его
элладских дней ладью...
Ну,
будет!
Кончено с официальной частью.
Мадам,
адью! —
Ни улыбки,
ни привета с уст ее.
И пока
толпу очередную
загоняет Кук,
расстаемся
без рукопожатий
по причине полного отсутствия
рук.
Иду —
авто дудит в дуду.
Танцую — не иду.
Домой!
Внимателен
и нем
стою в моем окне.
Напротив окон
гладкий дом
горит стекольным льдом.

Горит над домом
                    букв жара́ —
гараж.
Не гараж —
                сам бог!
«Миль вуатюр,
                    дё сан бокс».
В переводе на простой:
«Тысяча вагонов,
                    двести стойл».
Товарищи!
            Вы
                видали Ройльса?
Ройльса,
            который с ветром сросся?
А когда стоит —
кит.
И вот этого
                автомобильного кита ж
подымают
            на шестой этаж!
Ставши
            уменьшеннее мышей,
тысяча машинных малышей
спит в объятиях
                    гаража-колосса.
Ждут рули —
                дорваться до руки.
И сияют алюминием колеса,
круглые,
            как дураки.
И когда
            опять
                вдыхают на заре
воздух
        миллионом
                    радиаторных ноздрей,
кто заставит
                и какую дуру
нос вертеть
                на Лувры и скульптуру?!

Автомобиль и Венера — старо́-с?
Пускай!
Поновее и АХРРов и роз.
Мещанская жизнь
не стала иной.
Тряхнем и мы футурстариной.
Товарищ Полонский!
Мы не позволим
любителям старых
дворянских манер
в лицо строителям
тыкать мозоли,
веками
натертые
у Венер.

Май 1927

ГОСПОДИН «НАРОДНЫЙ АРТИСТ»

Парижские «Последние новости» пишут: «Шаляпин пожертвовал священнику Георгию Спасскому на русских безработных в Париже 5000 франков. 1000 отдана бывшему морскому агенту, капитану 1-го ранга Дмитриеву, 1000 роздана Спасским лицам, ему знакомым, по его усмотрению, и 3000 — владыке митрополиту Евлогию».

Вынув бумажник из-под хвостика фрака,
добрейший
Федор Иваныч Шаляпин
на русских безработных
пять тысяч франков
бросил
на дно
поповской шляпы.
Ишь сердобольный,
как заботится!
Конешно,
плохо, если жмет безработица.

Но...
удивляют получающие пропитанье.
Почему
у безработных
званье капитанье?
Ведь не станет
лезть
морское капитанство
на завод труда
и в шахты пота.
Так чего же ждет
Евлогиева паства,
и какая
ей
нужна работа?
Вот если
за нынешней
грозою нотною
пойдет война
в орудийном аду —
шаляпинские безработные
живо
себе
работу найдут.
Впервые
тогда
комсомольская масса,
раскрыв
пробитые пулями уши,
сведет
знакомство
с шаляпинским басом
через бас
белогвардейских пушек.
Когда ж
полями,
кровью политыми,
рабочие
бросят
руки и ноги, —
вспомним тогда
безработных митрополита
Евлогия.

Говорят,
артист —
большой ребенок.
Не знаю,
есть ли
у Шаляпина бонна.
Но если
бонны
нету с ним,
мы вместо бонны
ему объясним.
Есть класс пролетариев
миллионногорбый
и те,
кто покорен фаустовскому тельцу́.
На бой
последний
класса оба
сегодня
сошлись
лицом к лицу.
И песня,
и стих —
это бомба и знамя,
и голос певца
подымает класс,
и тот,
кто сегодня
поет не с нами,
тот —
против нас.
А тех,
кто под ноги атакующим бросится,
с дороги
уберет
рабочий пинок.

С барина
с белого
сорвите, наркомпросцы,
народного артиста
красный венок!

Май 1927

НУ, ЧТО Ж!

Раскрыл я
 с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
 порохом
от всех границ.

Не вновь,
 которым за́ двадцать,
в грозе расти.
Нам не с чего
 радоваться,
но нечего
 грустить.

Бурна вода истории.
Угрозы
 и войну
мы взрежем
 на просторе,
как режет
 киль волну.

Июнь 1927

ОТВЕТ НА «МЕЧТУ»

1. Мечта

Мороз повел суровым глазом,
с таким морозом быть греху, —
мое пальто подбито газом,
мое пальто не на меху.

Пускай, как тряпки, полы реют
и ноги пляшут тра-та-ты...

Одни мечты мне сердце греют —
такие знойные мечты!

Мороз. Врачом я скоро буду,
уж чую в воздухе банкет.
Я скоро-скоро позабуду
пору стипендий и анкет.

Нужды не будет и помину,
тогда пойдет совсем не то.
Уж скоро-скоро я покину
тебя, дырявое пальто!

Одену шубу подороже,
одену шляпу набекрень,
и в первый раз без всякой дрожи
я выйду в первый зимний день.

Затем — семейная картина.
Вернусь я вечером домой,
и будем греться у камина
вдвоем с молоденькой женой.

Я буду пользовать бесплатно
иль за гроши крестьянский люд.
Обедать буду аккуратно —
обед из трех приличных блюд.

А там... пойдут, как надо, детки.
Глядишь — я главврачом зовусь.
Окончат детки семилетку,
потом поступят детки в вуз.

Вузовец

2. Ответ

Что ж!
Напишу и я про то же.
Я
всё мечтательное чту.

Мне хочется
слегка продолжить
поэта-вузовца *«мечту»*.

Вузовец вырос.
Уже главврачом.
Живет, как в раю,
не тужа ни о чем.
Супружницы ласки
роскошны и пылки.
Бифштексы к обеду —
каждому фунт.
На каждого —
пива по две бутылки.
У каждого —
пышная шуба в шкафу.
И дети,
придя
из различнейших школ,
играют,
к папаше воссев на брюшко...
Рабочий не сыт.
Крестьянин мрачен.
Полураздетая мерзнет страна.
Но светятся
счастьем
глазки главврачьи:
— Я сыт,
и дело мое —
сторона. —
И вдруг
начинают приказы взывать:
«Ничем
от войны
не могли схорониться.
Спешите
себя
мобилизовать,
враги обступают Советов границы».

Главврач прочитал
и солидную ногу
направил обратно
домой,
в берлогу.
— Авось
они
без меня отобьются.
Я —
обыватель
и жажду уютца. —
А белые прут.
Чего им лениться?!
И взяли за ворот
поэта больницы.
Товарищ главврач,
на мечтательность плюньте!
Пух
из перин
выпускают ножницы.
Жену
твою
усастый унтер
за ко́сы
к себе
волочит в наложницы.
Лежит
плашмя
на пороге дочка.
Платок —
и кровь краснее платочка.
А где сынишка?
Высшую меру
суд
полевой
присудил пионеру.

Пошел
главврач
в лоскутном наряде
с папертей
с ихних
просить христа-ради.

Такой
уют
поджидает тех,
кто, бросив
бороться
за общее *лучше*,
себе самому
для своих утех
мечтает
создать
канарейный уютчик.
Вопрос
о личном счастье
не прост.
Когда
на республику
лезут громилы,
личное счастье —
это
рост
республики нашей
богатства и силы.
Сегодня
мир
живет на вулкане.
На что ж
мечты об уюте дали́сь?!
Устроимся все,
если в прошлое канет
проклятое слово
«капитализм».

Июнь 1927

ВОЗЬМЕМ ВИНТОВКИ НОВЫЕ

Возьмем винтовки новые,
на штык флажки!
И с песнею
в стрелковые
пойдем кружки.
Раз,
два!
Все
в ряд!
Впе-
ред,
от-
ряд.
Когда
война-метелица
придет опять —
должны уметь мы целиться,
уметь стрелять.
Ша-
гай
кру-
че!
Цель-
ся
луч-
ше!
И если двинет армии
страна моя —
мы будем
санитарами
во всех боях.
Ра-
нят
в ле-
су,
к сво-
им
сне-
су.
Бесшумною разведкою —

тиха нога —
за камнем
и за веткою
найдем врага.
Пол-
зу
день,
ночь
мо-
им
по-
мочь.
Блестят винтовки новые,
на них
флажки.
Мы с песнею
в стрелковые
идем кружки.
Раз,
два!
Под-
ряд!
Ша-
гай,
от-
ряд!

Июнь (?) 1927

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Вена.
Дрожит
от рева медного.
Пулями
лепит
пулеметный рокот...
Товарищи,
не забудем
этого
предметного
урока.

Просты
основания
этой были.
Всё ясно.
Всё чисто.
Фашисты,
конечно,
рабочих убили, —
рабочие
бросились на фашистов.
Кровью
черных
земля мокра,
на победу
растим надежду!
Но
за социал-демократом
социал-демократ
с речами
встали
между.
— Так, мол, и так,
рабочие,
братцы... —
стелются
мягкими ковёрчиками.
— Бросьте забастовку,
бросьте драться,
уладим
всё
разговорчиками. —
Пока
уговаривали,
в окраинные улицы
вступали
фашистские войска, —
и вновь
револьверное дульце
нависло
у рабочего виска.

57 гробов,
а в гробах —
убитые пулями
черных рубах.
Каждый театр
набит и открыт
по приказу
бургомистра,
эсдека Зейца.
Дескать,
под этот
рабочий рыд
лучше
еще
оперетты глазеются.
Партер
сияет,
весел и чист,
и ты,
галерочник,
смотри и учись.
Когда
перед тобою
встают фашисты,
обезоруженным
не окажись ты.
Нечего
слушать
рулады
пенья эсдечьего.
Во всех
уголках
земного шара
рабочий лозунг
будь таков:
разговаривай
с фашистами
языком пожаров,
словами пуль,
остротами штыков.

Июль 1927

ЧУДЕСА!

Как днище бочки,
правильным диском
стояла
луна
над дворцом Ливадийским.
Взошла над землей
и пошла заливать ее,
и льется на море,
на мир,
на Ливадию.
В царевых дворцах —
мужики-санаторники.
Луна, как дура,
почти в исступлении,
глядят
глаза
блинорожия плоского
в афишу на стенах дворца:
«Во вторник
выступление
товарища Маяковского».
Сам самодержец,
здесь же,
рядом,
гонял по залам
и по биллиардам.
И вот,
где Романов
дулся с маркёрами,
шары
ложа́
под свитское ржание,
читаю я
крестьянам
о форме
стихов —
и о содержании.
Звонок.
Луна
отодвинулась тусклая,

и я,
в электричестве,
стою на эстраде.
Сидят предо мною
рязанские,
тульские,
почесывают бороды русские,
ерошат пальцами
русые пряди.
Их лица ясны,
яснее, чем блюдце,
где надо — хмуреют,
где надо —
смеются.
Пусть тот,
кто Советам
не знает цену,
со мною станет
от радости пьяным:
где можно
еще
читать во дворце —
что?
Стихи!
Кому?
Крестьянам!
Такую страну
и сравнивать не с чем, —
где еще
мыслимы
подобные вещи?!
И думаю я
обо всем,
как о чуде.
Такое настало,
а что еще будет!
Вижу:
выходят
после лекции
два мужика
слоновьей комплекции.

Уселись
вдвоем
под стеклянный шар,
и первый
второму
заметил:
— Мишка,
очченно хороша —
эта
последняя
была рифмишка. —

И долго еще
гудят ливадийцы
на желтых дорожках,
у синей водицы.

Между 22 августа и 28 сентября 1927

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ

Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб»...

«Комс. правда»

В Ленинграде девушка-работница отравилась, потому что у нее не было лакированных туфель точно таких же, какие носила ее подруга Таня...

«Комс. правда»

Из тучки месяц вылез,
молоденький такой...
Маруська отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Маруське
один
с недавних пор:

нафабренные усики,
расчесанный пробор.
Он был
монтером Ваней,
но...
в духе парижан,
себе
присвоил званье:
«электротехник Жан».
Он говорил ей часто
одну и ту же речь:
— Ужасное мещанство —
невинность
зря
беречь. —
Сошлись и погуляли,
и хмурит
Жан
лицо, —
нашел он,
что
у Ляли
красивше бельецо.
Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
— Ужасное мещанство —
семейный
этот
плен. —
Он с ней
расстался
ровно
через пятнадцать дней,
за то
что лакированных
нет туфелек у ней.
На туфли
денег надо,
а денег
нет и так...

Себе
Маруся
яду
купила
на пятак.
Короткой
жизни
точка.
— Смер-тель-ный
я-яд
испит...
В малиновом платочке
в гробу
Маруся
спит.
Развылся ветер гадкий.
На вечер,
ветру в лад,
в ячейке
об упадке
поставили
доклад.

Почему?

В сердце
без лесенки
лезут
эти песенки.
Где родина
этих
бездарных романсов?
Там,
где белые
лаются моською?
Нет!
Эту песню
родила масса —
наша
комсомольская.

Легко
врага
продырявить наганом.
Или —
голову с плеч,
и саблю вытри.
А как
сейчас
нащупать врага нам?
Таится.
Хитрый!
Во что б ни обулись,
что б ни надели —
обноски
буржуев
у нас на теле.
И нет
тебе
пути-прямика.
Нашей
культуришке
без году неделя,
а ихней —
века!
И растут
черные
дурни
и дуры,
ничем не защищенные
от барахла культуры.
На улицу вышел —
глаза разопри!
В каждой витрине
буржуевы обноски:
какая-нибудь
шляпа
с пером «распри»,
и туфли
показывают
лакированные носики.

Простенькую
блузу нам
и надеть конфузно.
На улицах,
под руководством
Гарри Пилей,
расставило
сети
Совкино, —
от нашей
сегодняшней
трудной были
уносит
к жизни к иной.
Там
ни единого
ни Ваньки,
ни Пети,
одни
Жанны,
одни
Кэти.
Толча комплименты,
как воду в ступке,
люди
совершают
благородные поступки.
Всё
бароны,
графы — всё,
живут
по разным
роскошным городам,
ограбят
и скажут:
— Мерси, мусье, —
изнасилуют
и скажут:
— Пардон, мадам. —
На ленте
каждая —
графиня минимум.

Перо в шляпу
да серьги в уши.
Куда же
сравниться
с такими графинями
заводской
Феклуше да Марфуше?
И мальчики
пачками
стреляют за нэпачками.
Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
нэпачки
на рояльчике.
А сунешься в клуб —
речь рвотная.
Чешут
языками
чиновноустые.
Раз международное,
два международное,
но нельзя же до бесчувствия!
Напротив клуба
дверь пивнушки.
Веселье,
грохот,
как будто пушки!
Старается
разная
музыкальная челядь
пианинить
и виолончелить.
Входите, товарищи,
зайдите, подружечки,
выпейте,
пожалуйста,
по пенной кружечке!

Что?

Крóю
пиво пенное, —
только что вам
с этого?!
Что даю взамен я?
Что вам посоветовать?
Хорошо
и целоваться,
и вино.
Но...
вино и поэзия,
и если
ее
хоть раз
по-настоящему
испили рты,
ее
не заменит
никакое питье,
никакие пива,
никакие спирты.
Помни
ежедневно,
что ты
зодчий
и новых отношений
и новых любовей, —
и станет
ерундовым
любовный эпизодчик
какой-нибудь Любы
к любому Вове.
Можно и кепки,
можно и шляпы,
можно
и перчатки надеть на лапы.
Но нет
на свете
прекрасней одежи,
чем бронза мускулов
и свежесть кожи.

И если
подыметесь
чисты́ и стройны́,
любую
одежу
заказывайте Москвошвею,
и. . .
лучшие
девушки
нашей страны
сами
бросятся
вам на шею.

Сентябрь 1927

ПИСЬМО К ЛЮБИМОЙ МОЛЧАНОВА, БРОШЕННОЙ ИМ,

КАК О ТОМ СООБЩАЕТСЯ В № 219 «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» В СТИХЕ ПО ИМЕНИ «СВИДАНИЕ»

Слышал —
вас Молчанов бросил,
будто
он
предпринял это,
видя,
что у вас
под осень
нет
«изячного» жакета.
На косынку
цвета синьки
смотрит он
и цедит еле:
— Что вы
ходите в косынке?
да и. . .
мордой постарели?

Мне
        пожалте
                грудь тугую.
Ну,
    а если
            нету этаких...
Мы найдем себе другую
в разызысканной жакетке. —
Припомадясь
                и прикрасясь,
эту
    гадость
            вливши в стих,
хочет
        он
            марксистский базис
под жакетку
                подвести.
«За боль годов,
за все невзгоды
глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
хочу смеяться
и любить».
Сказано веско.
Посмотрите, дескать:
шел я верхом,
                шел я низом,
строил
        мост в социализм,
недостроил
            и устал
и уселся
        у мостá.
Травка
        выросла
                у мóста,
по мостý
        идут овечки,

мы желаем
— очень просто! —
отдохнуть
у этой речки.
Заверните ваше знамя!
Перед нами
ясность вод,
вбок —
цветочки,
а над нами —
мирный-мирный небосвод.

Брошенная,
не бойтесь красивого слога
поэта,
музой венчáнного!
Просто
и строго
ответьте
на лиру Молчанова:
— Прекратите ваши трели!
Я не знаю,
я стара ли,
но вы,
Молчанов,
постарели,
вы
и ваши пасторали.
Знаю я —
в жакетах в этих
на Петровке
бабья банда.
Эти
польские жакетки
к нам
провозят
контрабандой.
Чем, служа
у муз
по найму,

на мое
тряпье
коситься,
вы б
индустриальным займом
помогли
рожденью
ситцев.
Череп,
што ль,
пустеет чаном,
выбил
мысли
грохот лирный?
Это где же
вы,
Молчанов,
небосвод
узрели
мирный?
В гущу
ваших ро́здыхов,
под цветочки,
на́ реку
заграничным воздухом
не до́носит гарьку?
Или
за любовной блажью
не видать
угрозу вражью?

Литературная шатия,
успокойте ваши нервы,
отойдите —
вы мешаете
мобилизациям и маневрам.

Между 25 сентября и 4 октября 1927

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЛЧАНОВЕ ИВАНЕ И О ПОЭЗИИ

Я взял газету
и лег на диван.
Читаю:
«Скучает
Молчанов Иван».
Не скрою, Ванечка:
скушно и нам.
И ваши стишонки —
скуки вина.
Десятый Октябрь
у всех на носу,
а вы
ухватились
за чью-то косу.
Люби́те
и Машу
и косы ейные.
Это
ваше
дело семейное.
Но что нам за толк
от вашей
от бабы?!
Получше
стишки
писали хотя бы.
Но плох ваш роман.
И стих неказист.
Вот так
любил бы
любой гимназист.
Вы нам обещаете,
скушный Ваня,
на случай нужды
пойти, барабаня.
Де, будет
туман.
И отверзнете рот,

на весь
        на туман
заорете:
        — Вперед! —
Де, выше взвивайте
красное знамя!
Вперед, переплетчики,
а я —
        за вами. —
Орать
        «Караул!»,
попавши в туман?
На это
        не надо
большого ума.
Сегодняшний
        день
возвеличить вам ли,
в хвосте
        у событий
о девушках мямля?!
Поэт
        настоящий
вздувает
        заранее
из искры
        неясной —
ясное знание.

Октябрь 1927

«МАССАМ НЕПОНЯТНО»

Между писателем
        и читателем
                стоят посредники,
и вкус
        у посредника
                самый средненький.

Этаких
средненьких
из посреднической рати
тыща
и в критиках
и в редакторате.
Куда бы
мысль твоя
ни скакала,
этот
всё
озирает сонно:
— Я
человек
другого закала.
Помню, как сейчас,
в стихах
у Надсóна...
Рабочий
не любит
строчек коротеньких.
А еще
посредников
кроет Асеев.
А знаки препинания?
Точка —
как родинка.
Вы
стих украшаете, точки рассеяв.
Товарищ Маяковский,
писали б ямбом,
двугривенный
на строчку
прибавил вам бы. —
Расскажет
несколько
средневековых легенд,
объяснение
часа на четыре затянет,
и ко всему
присказывает
унылый интеллигент:

— Вас
не понимают
рабочие и крестьяне. —
Сникает
автор
от сознания вины.
А этот самый
критик влиятельный
крестьянина
видел
только до войны,
при покупке
на даче
ножки телятины.
А рабочих
и того менее —
случайно
двух
во время наводнения.
Глядели
с моста
на места и картины,
на разлив,
на плывущие льдины.
Критик
обошел умиленно
двух представителей
из десяти миллионов.
Ничего особенного —
руки и груди...
Люди как люди!
А вечером
за чаем
сидел и хвастал:
— Я вот
знаю
рабочий класс-то.
Я
душу
прочел
за их молчанием —
ни упадка,
ни отчаяния.

Кто может
читаться
в этаком классе?
Только Гоголь,
только классик.
А крестьянство?
Тоже.
Никак не иначе.
Как сейчас, помню —
весною, на даче... —
Этакие разговорчики
у литераторов
у нас
часто
заменяют
знание масс.
И идут
дореволюционного образца
творения слова,
кисти
и резца.
И в массу
плывет
интеллигентский дар —
грезы,
розы
и звон гитар.
Прошу
писателей,
с перепугу бледных,
бросить
высюсюкивать
стихи для бедных.
Понимает
ведущий класс
и искусство
не хуже вас.
Культуру
высокую
в массы двигай!
Такую,
как и прочим.

Нужна
и понятна
хорошая книга —
и вам,
и мне,
и крестьянам,
и рабочим.

1927

ГОЛУБОЙ ЛАМПАС

В Новочеркасске на 60 000 жителей 7 000 вузовцев.

Чернеют
небеса — шалаш.
Меняет вечер краску.
Шел снег.
И поезд шел.
И шла
ночь к Новочеркасску.
Туман,
пятна.
Темно,
непонятно.

С трудом себя карабкал
по ночи...
по горе ли...
И что ни дом —
коробка,
черней, чем погорелец.
Город —
идет в гору.
Но лишь
взобрался город-оборвыш —
тут тебе —
площадь,
ширь —
собор вишь!

Путь
до небес
разделú пополам —
дотуда дойдут купола!
А за собором
средь сора и дерьма,
эдакой медной гирей,
стоит казак,
казак Ермак,
Ермак —
покоритель Сибири.
Ермак не один:
из ночи и льдин
встает генерал Каледин.
За ним другие.
Из снега и тумана,
из старого времени клятого
скачут по улице,
по улице атамана
Платова.
Мчит на рысях
«краса Расеева»!
С-под шапок свисают пряди.
Може, едет и дед Асеева,
може, и мой прадед.
Из веков
испокон,
будто снова
в огонь,
под бубны
и тулумбасы —
трется конь о конь,
золотится погон,
и желтеют
на ляжках
лампасы.

Электроглаз
под стеклянной каской
мигнул и потух. . .
Конфузится!

По-новому
улицы Новочеркасска
черны сегодня —
от вузовцев.
И вместо звяканья
сабель и шпор
на дурнях
с выправкой цапли —
звенит
комсомольский
смех и спор
да мысли, острее сабли.
Закройся,
ушедших дней лабаз!
Нет
шпорного
диня и дона.
Ушли
генералы
в бессрочный запас, —
один на Кубани сияет лампас —
лампас голубой
Волго-Дона.

Между 24 декабря 1927 и 26 февраля 1928

ТРИ ТЫСЯЧИ И ТРИ СЕСТРЫ

Помните
раньше
дела провинций? —
Играть в преферанс,
прозябать
и травиться.
Три тысячи три,
до боли скул,
скулили сестры,
впадая в тоску.
В Москву!
В Москву!!
В Москву!!!
В Москву!!!!

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна.
Но нам ли
столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы
для Союза узок.
И вижу я —
за столицей столица
растет
из безмерной силы Союза.
Где вóроны
вились,
над падалью каркав,
в полотна
железных дорог
забинтованный,
столицей
гудит
украинский Харьков,
живой,
трудовой
и железобетонный.
За горами углѝ
и рельс
поезда
не устанут свистать.
Блок про это писал:
«Загорелась
мне Америки новой звезда!»
Где раньше
сýшу
китов и акул
лизало
безрыбое море,
в дворцах
и бульварах
ласкает Баку —
того,
кто трудом измóрен.

А здесь,
где афиши
щипала коза:
«Исполнят
такие-то арии...» —
сказанием
встает Казань,
столица
Красной Татарии.
Москве взгрустнулось.
Старушка, што ты?!
Смотри
и радуйся, простолицая:
вылупливаются,
во все Советские Штаты,
новорожденные столицы!

<1928>

ДОМ ГЕРЦЕНА
(ТОЛЬКО В ПОЛНОЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ)

Расклокотался в колокол Герцен,
чуть
языком
не отбил бочок...
И дозвонился!
Скрипнули дверцы,
все повалили
в его кабачок.

Обыватель любопытен —
всё узнать бы о пиите!
Увидать
в питье,
в едении
автора произведения.
Не удержишь на веревке!
Люди лезут...
Валят валом.

Здесь
свои командировки
пропивать провинциалам.
С «шимми»,
с «фоксами» знакомясь,
мечут искры из очков
на чудовищную помесь —
помесь вальса
с казачком.
За ножками котлет свиных
компания ответственных.
На искусительнице-змие
глазами
чуть не женятся,
но буркают —
«Буржуазия...
богемцы...
разложеньице...»

Не девицы —
а растраты.
Раз
взглянув
на этих дев,
каждый
должен
стать кастратом,
навсегда охолодев.
Вертят глазом
так и этак,
улыбаются уста
тем,
кто вписан в финанкете
скромным именем —
«кустарь».

Ус обвис намокшей веткой,
желтое,
как йод,

пиво
на шальвары в клетку
сонный русский льет...
Шепчет дева,
губки крася,
юбок выставя ажур:
«Ну, поедем...
что ты, Вася!
Вот те крест —
не заражу...»
Уехал в брюках клетчатых.
«Где вы те-пе-рь...»
Кто лечит их?

Богемою
себя не пачкая,
сидит холеная нэпачка;
два иностранца
ее,
за духи,
выловят в танцах
из этой ухи.

В конце
унылый начинающий —
не укупить ему вина еще.
В реках пива,
в ливнях водок,
соблюдая юный стыд,
он сидит
и ждет кого-то,
кто придет
и угостит.

Сидят они,
сижу и я,
во славу Герцена жуя

Герцен, Герцен,
загробным вечером,
скажите, пожалуйста,
вам не снится ли,

как вас
удивительно увековечили
пивом,
фокстротом
и венским шницелем?

Прав
один рифмач упорный,
в трезвом будучи уме,
на дверях
мужской уборной
бодро
вывел резюме:
«Хрен цена
вашему дому Герцена».
Обычно
заборные надписи плоски,
но с этой — согласен!
В. Маяковский.

<1928>

ТРУС

В меру
и черны́ и русы,
пряча взгляды,
пряча вкусы,
боком,
тенью,
в стороне, —
пресмыкаются тру́сы
в славной
смелыми
стране.
Каждый зав
для труса —
туз.
Даже
от его родни

опускает глазки трус
и уходит
в воротник.
Влип
в бумажки
парой глаз,
ног
поджаты циркуля:
«Схорониться б
за приказ...
Спрятаться б
за циркуляр...»
Не поймешь,
мужчина,
рыба ли, —
междометья
зря
не выпалит.
Где уж
подпись и печать!
«Только бы
меня не выбрали,
только б
мне не отвечать...»
Ухо в метр
— никак не менее —
за начальством
ходит сзади,
чтоб, услышав
ихнье
мнение,
завтра
это же сказать им.
Если ж
старший
сменит мнение,
он
усвоит
мненье старшино:

— Мненье —
это не именье,
потерять его
не страшно. —
Хоть грабьте,
хоть режьте возле него,
не будет слушать ни плач,
ни вой.
«Наше дело
маленькое —
я сам по себе
не великий немой,
и рот
водою
наполнен мой,
вроде
умывальника я».
Трус
оброс
бумаг
корою.
«Где решать?!
Другие пусть.
Вдруг не выйдет?
Вдруг покроют?
Вдруг
возьму
и ошибусь?»
День-деньской
сплетает тонко
узы
самых странных свадеб —
увязать бы
льва с ягненком,
с кошкой
мышь согласовать бы.
Весь день
сердечко
ужас кройт,
предлогов для трепета —
кипа.

Боится автобусов
и Эркаи,
начальства,
жены
и гриппа.
Месткома,
домкома,
просящих взаймы,
кладби́ща,
милиции,
леса,
собак,
погоды,
сплетен,
зимы
и
показательных процессов.
Подрожит
и ляжет житель,
дрожью
ночь
корежит тело...
Товарищ,
чего вы дрожите?
В чем,
собственно,
дело?!
В аквариум,
что ли,
сажать вас?
Революция требует,
чтобы имелась
смелость,
смелость
и еще раз —
с-м-е-л-о-с-т-ь.

<*1928*>

ЕКАТЕРИНБУРГ — СВЕРДЛОВСК

Из снегового,
слепящего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои —
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин.
Под Екатеринбургом
рыли каратики,
вгрызались
в мерзлые
породы и ру́ды —
чтоб на грудях
коронованной Катьки
переливались
изумруды.
У штолен
в боках
корпели,
пока —
Октябрь
из шахт
на улицы ринул,
и...
разослала
октябрьская ломка
к чертям
орлов Екатерины
и к богу —
Екатерины
потомка.
И, грабя
и испепеляя,

орда растакая-то
прошла
по городу,
войну волоча.
Порол Пепеляев.
Свирепствовал Га́йда.
Орлом
клевался
верховный Колчак.
Потухло
знамен
и пожаров пламя,
и лишь
от него
как будто ожог,
сегодня
горит —
временам на память —
в свердловском небе
красный флажок.
Под ним
с простора
от снега светлого
встает
новоро́жденный
город Све́рдлова.
Полунебоскребы
лесами по́днял,
чтоб в электричестве
мыть вечера́,
а рядом —
гриб,
дыра,
преисподняя,
как будто
у города
нету
«сегодня»,
а только —
«завтра»
и «вчера».

В санях
промежду
бирж и трестов
свисти
во весь
широченный проспект.
И...
заколдованное место:
вдруг
проспект
обрывает разбег.
Просыпали
в ночь
расчернее могилы
звезды-табачишко
из неба-кисета.
И грудью
топок
дышат Тагилы,
да трубки
заводов
курят в Исети.

У этого
города
нету традиций,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.
У нас
на глазах
городище родится
из воли
Урала,
труда
и энергии!

26—28 января 1928

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ

Я пролетарий.
Объясняться лишне.
Жил,
как мать произвела, родив.
И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой,
рабочий,
кооператив.
Во — ширина!
Высота — во!
Проветрена,
освещена
и согрета.
Всё хорошо.
Но больше всего
мне
понравилось —
это!
Это
белее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,
это —
да что говорить об этом,
это —
ванная.
Вода в кране —
холодная крайне.
Кран
другой
не тронешь рукой.
Можешь
холодной
мыть хохол,
горячей —
пот пор.

На кране
одном
написано:
«Хол.»,
на кране другом —
«Гор.».
Придешь усталый,
вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься —
и мертвый расхохочется
от этого
плещущего щекотания.
Как будто
пришел
к социализму в гости,
от удовольствия —
захватывает дых.
Брюки на крюк,
блузу на гвоздик,
мыло в руку
и...
бултых!
Сядешь
и моешься
долго, долго.
Словом,
сидишь,
пока охота.
Просто
в комнате
лето и Волга —
только что нету
рыб и пароходов.
Хоть грязь
на тебе
десятилетнего стажа,
с тебя
корою с дерева,

чуть не лыком,
сходит сажа,
смывается, стерва.
И уж распаришься,
разжаришься уж!
Тут —
вертай ручки:
и каплет
прохладный
дождик-душ
из дырчатой
железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
никакой
не возьмет упадок:
погладит волосы,
потреплет уши
и течет
по желобу
промежду лопаток.
Воду
стираешь
с мокрого тельца
полотенцем,
как зверь, мохнатым.
Чтобы суше пяткам —
пол
стелется,
извиняюсь за выражение,
пробковым матом.
Себя разглядевши
в зеркало вправленное,
в рубаху
в чистую —
влазь.
Влажу и думаю:
«Очень правильная
эта,
наша,
Советская власть».

28 января 1928
Свердловск

КАЗАНЬ

Стара,
коса
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»
По-родному
тараторя,
снегом
лужи
намарав,
у подворья
в коридоре
люди
смотрят номера.
Кашляя
в рукава,
входит
робковат,
глаза таращит.
Приветствую товарища.

Я
в языках
не очень натаскан —
что норвежским,
что шведским мажь.
Входит татарин:
«Я
на татарском
вам
прочитаю
„Левый марш“».
Входит второй.
Косой в скуле.
И говорит,
в карманах порыскав:

«Я —
мариец.
Твой
«Левый»
дай
тебе
прочту по-марийски».
Эти вышли.
Шедших этих
в низкой
двери
встретил третий.
«Марш
ваш —
наш марш.
Я —
чуваш,
послушай,
уважь.
Марш
вашинский
так по-чувашски...»

Как будто
годы
взял за чуб я —
станьте
и не пылите-ка! —
рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика».
Народы,
жившие
въямясь в нужду,
притершись
Уралу ко льду,

ворвались в дверь,
идя
на штурм,
на камень,
на крепость культур.
Крива,
коса
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»

Между январем и июлем 1928

ИМПЕРАТОР

Помню —
то ли пасха,
то ли —
рождество:
вымыто
и насухо
расчищено торжество.
По Тверской
шпалерами
стоят рядовые,
перед рядовыми —
пристава.
Приставов
глазами
едят городовые:
— Ваше благородие,
арестовать? —
Крутит
полицмейстер
за уши ус.

Пристав козыряет:
— Слушаюсь! —
И вижу —
катится ландо,
и в этой вот ланде
сидит
военный молодой
в холеной бороде.
Перед ним,
как чурки,
четыре дочурки.
И на спинах булыжных,
как на наших горбах,
свита
за ним
в орлах и в гербах.
И раззвонившие колокола
расплылись
в дамском писке:
«Уррра!
царь-государь Николай,
император
и самодержец всероссийский!»

Снег заносит
косые кровельки,
серебрит
телеграфную сеть,
он схватился
за холод проволоки
и остался
на ней
висеть.
На всю Сибирь,
на весь Урал
метельная мура.
За Исетью,
где шахты и кручи,
за Исетью,
где ветер свистел,

приумолк
исполкомовский кучер
и встал
на девятой версте.
Вселенную
снегом заволокло.
Ни зги не видать —
как назло́.
И только
следы
от брюха волков
по следу
диких козлов.
Шесть пудов
(для веса ровного!),
будто правит
кедров полком он,
снег хрустит
под Парамоновым,
председателем
исполкома.
Распахнулся весь,
роют
снег
пимы.
— Будто было здесь?!
Нет, не здесь.
Мимо! —
Здесь кедр
топором перетроган,
зарубки
под корень коры,
у корня,
под кедром,
дорога,
а в ней —
император зарыт.
Лишь тучи
флагами плавают,
да в тучах
птичье вранье,

крикливое и одноглавое,
ругается воронье.

Прельщают
многих
короны лучи.
Пожалте,
дворяне и шляхта,
корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой.

Начало 1928
Свердловск

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Дрянь адмиральская,
пан
и барон
шли
от шестнадцати
разных сторон.
Пушка —
французская,
а́нглийский танк.
Белым
папаша —
антантовый стан.
Билась
Советская
наша страна,
дни
грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет —

мы
защищаем
поля
и завод.
Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
голодные,
в рвани
и вшах.
Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
— Стой! —
Били Деникина,
били
Махно, —
так же
любого
с дороги смахнем.
Хрустнул,
проломанный,
Крыма хребет.
Красная
крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце —
рабочих,
сердце —
крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стомиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход

двинут
дивизии
Красных пехот.
Помня
принятие
красных присяг,
лава
Буденных
пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные
птицы
займут облака.
Крепни
и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!

Начало 1928

ПИСАТЕЛИ МЫ

Раньше
уважали
исключительно гениев.
Уму
от массы
какой барыш?
Скажем,
такой
Иван Тургенев
приезжает
в этакий Париж.
Изящная жизнь,
обеды,
танцы...

Среди
великосветских нег
писатель,
подогреваемый
«пафосом дистанции»,
обдумывает
прошлогодний снег.
На собранные
крепостные гроши
исписав
карандашей
не один аршин,
принимая
разные позы,
писатель смакует —
«Как хороши,
как свежи были розы».

А теперь
так
делаются
литературные вещи.
Писатель
берет факт,
живой
и трепещущий.
Не затем,
чтоб себя
узнавал в анониме,
пишет,
героями потрясав.
Если герой —
даешь имя!
Если гнус —
пиши адреса!
Не для развлечения,
не для краснобайства —
за коммунизм,
против белой шатии.

Одно обдумывает
мозг лобастого —
чтобы вернее,
короче,
сжатее.
Строка —
патрон.
Статья —
обойма.
Из газет —
не из романов толстых —
пальбой подымаем
спящих спокойно,
бьем врагов,
сгоняя самодовольство.
Другое —
роман.
Словесный курорт.
Покоем
несет
от страниц зачитанных.
А
газетчик —
старья прокурор,
строкой
и жизнью
стройки защитник.
И мне,
газетчику,
надо одно,
так чтоб
резала
пресса,
чтобы в меня,
чтобы в окно
целил
враг
из обреза.
А кто
и сейчас
от земли и прозы

в облака
подымается,
рея, —
пускай
растит
бумажные розы
в журнальных
оранжереях.

В газеты!
Не потому, что книга плоха,
мне любо
с газетой бодрствовать!
А чистое искусство —
в МКХ,
в отдел
садоводства.

Май 1928

«ЖИД»

Черт вас возьми,
черносотенная слизь,
вы
схоронились
от пуль,
от зимы
и расхамились —
только спаслись.
Черт вас возьми,
тех,
кто —
за коммунизм
на бумаге
ляжет костьми,
а дома
добреет
довоенным скотом.
Черт вас возьми,

тех,
которые —
коммунисты
лишь
до трех с восьми,
а потом
коммунизм
запирают с конторою.
Черт вас возьми,
вас,
тех,
кто, видя
безобразие
обоими глазми,
пишет
о прелестях
лирических утех.
Если стих
не поспевает
за былью плестись —
сырыми
фразами
бей, публицист!
Сегодня
шкафом
на сердце лежит
тяжелое слово —
«жид».
Это слово
над селами
вороном машет.
По трактирам
забилось
водке в графин.
Это слово —
пароль
для попов,
для монашек
из недодавленных графинь.
Это слово
шипело
над вузовцем Райхелем,

царских
дней
подымая пыльцу,
когда
«христиане»-вузовцы
ахали
грязной галошей
«жида»
по лицу.
Это слово
слесарню
набило до вéрха
в день,
когда деловито и чинно
чуть не нáсмерть
«жиденка» Бейраха
загоняла
пьяная мастеровщина.
Поэт
в пивной
кого-то «жидом»
честит
под бутылочный звон
за то, что
ругала
бездарный том —
фамилия
с окончанием
«зон».
Это слово
слюнявит
коммунист недочищенный
губами,
будто скользкие
миски,
разгоняя
тучи
начальственной
тощищи
последним
еврейским
анекдотом подхалимским.

И начнет
громить
христианская паства,
только
лозунг
подходящий выставь:
жидов победнее,
да каждого очкастого,
а потом
подряд
всех «сицилистов».
Шепоток в очередях:
«топчись и жди,
расстрелян
русский витязь-то...
везде...
жиды...
одни жиды...
спекулянты,
советчики,
правительство».
Выдернем
за шиворот —
одного,
паршивого.
Рапортуй
громогласно,
где он,
«валютчик»?!
Как бы ни были
они
ловки́ —
за плотную
ограду
штыков колючих,
без различия
наций
посланы в Соловки.
Еврея не видел?
В Крым!
К нему!

Камни обшарпай ногами!
Трудом упорным
еврей
в Крыму
возделывает
почву — камень.
Ты знаешь,
язык
у тебя
чей?
Кто
мысли твоей
причина?
Встает
из-за твоих речей
фабрикантова личина.
Буржуй
бежал,
подгибая рессоры,
сел
на английской мели́;
в его интересах
расперессорить
народы
Советской земли.
Это классов борьба,
но злее
и тоньше, —
говоря короче,
сколько
побито
бедняков «Соломонишек»,
и ни один
Соломон Ротшильд.
На этих Ротшильдов,
от жира освиневших,
на богатых,
без различия наций,

всех трудящихся,
работавших
и не евших,
и русских
и евреев —
зовем подняться.
Помните вы,
хулиган и погромщик,
помните,
бежавшие в парижские кабаре, —
вас,
если надо,
покроет погромше
стальной оратор,
дремлющий в кобуре.
А кто,
по дубовой своей темноте
не видя
ни зги впереди,
«жидом»
и сегодня бранится,
на тех
прикрикнем
и предупредим.
Мы обращаемся
снова и снова
к беспартийным,
комсомольцам,
Россиям,
Америкам,
ко всему
человеческому собранию:
— Выплюньте
это
омерзительное слово,
выкиньте
с матерщиной и бранью!

Май 1928

СЛУЖАКА

Появились
молодые
превоспитанные люди —
Мопров
знаки золотые
им
увенчивают груди.
Парт-комар
из МКК
не подточит
парню
носа:
к сроку
вписана
строка
проф-
и парт-
и прочих взносов.
Честен он,
как честен вол.
В место
в собственное
вросся
и не видит
ничего
дальше
собственного носа.
Коммунизм
по книге сдав,
перевызубривши «измы»,
он
покончил навсегда
с мыслями
о коммунизме.
Что заглядывать далече?!
Циркуляр
сиди
и жди.
— Нам, мол,
с вами
думать неча,

если
думают вожди. —
Мелких дельцев
пару шор
он
надел
на глаза оба,
чтоб служилось
хорошо,
безмятежно,
узколобо.
День — этап
растрат и лести,
день,
когда
простор подлизам, —
это
для него
и есть
самый
рассоциализм.
До коммуны
перегон
не покрыть
на этой кляче,
как нарочно
создан
он
для чиновничьих делячеств.
Блещут
знаки золотые,
гордо
выпячены
груди,
ходят
тихо
молодые
приспособленные люди.
О коряги
якорятся
там,
где тихая вода...

А на стенке
декорацией
Карлы-марлы борода.

Мы томимся неизвестностью,
что нам делать
с ихней честностью?

Комсомолец,
живя
в твои лета́,
октябрьским
озоном
дыша,
помни,
что каждый день —
этап,
к цели
намеченной
шаг.
Не наши —
которые
времени в зад
уперли
лбов
медь;
быть коммунистом —
значит дерзать,
думать,
хотеть,
сметь.
У нас
еще
не эдем и рай —
мещанская
тина с цвелью.
Работая,
мелочи соразмеряй
с огромной
поставленной целью.

Июнь 1928

ДАЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Я
нынешний год
проживаю опять
в уже
классическом Пушкино.
Опять
облесочкана
каждая пядь,
опушками обопушкана.
Приехали гости.
По праздникам надо.
Одеты —
под стать гостью́.
И даже
один
удержал из оклада
на серый
английский костюм.
Одёжным
жирком
отложились года,
обуты —
прилично очень.
«Товарищи»
даже,
будто «мадам»,
шелками обчулочены.
Пошли,
пообедав,
живот разминать.
А ну,
не размякнете!
Нуте-ка!
Цветов
детвора
обступает меня,
так называемых —
лютиков.
Вверху
зеленеет
березная рядь,
и ветки
радугой дуг...

Пошли
вола вертеть
и врать,
и тут —
и вот —
и вдруг...
Обфренчились
формы
костюма ладного,
яркие,
прямо зря,
все
достают
из кармана
из заднего
браунинги
и маузера.
Ушедшие
подымались года,
и бровь
по-прежнему сжалась,
когда
разлетался пень
и когда
за пулей
пуля сажалась.
Поляна —
и ливень пуль на нее,
огонь
отзвенел и замер,
лишь
вздрагивало
газеты рваньё,
как белое
рваное знамя.
Компания
дальше в ка́шках пошла,
рево́львер
остыл давно,
пошла
беседа,
в меру пошла́.

Но —
знаю:
революция
еще не седа,
в быту
не слепнет кротóво, —
революция
всегда,
всегда
молода и готова.

Июнь 1928

ПОМПАДУР

Член ЦИКа тов. Рухула Алы оглы Ахундов ударил по лицу пассажира в вагоне-ресторане поезда Москва — Харьков за то, что пассажир отказался закрыть занавеску у окна. При составлении дознания тов. Ахундов выложил свой циковский билет.

«Правда», № 111/3943

Мне неведомо,
в кого я попаду,
знаю только —
попаду в кого-то...
Выдающийся
советский помпадур
выезжает
отдыхать
на вóды.

Как шар,
положенный
в намеченную лузу,
он
лысой головой
для поворотов —
туг

и носит
синюю
положенную блузу,
как министерский
раззолоченный сюртук.
Победу
масс,
позволивших
ему
надеть
незыблемых
мандатов латы,
немедля
приписал он
своему уму,
почел
пожизненной
наградой за таланты.
Со всякой массою
такой
порвал давно.
Хоть политический,
но капиталец —
нажит.
И кажется ему,
что навсегда
дано
ему
над всеми
«володеть и княжить».
Внизу
какие-то
проходят, семеня, —
его
не развлечешь
противною картиной.
Как будто говорит:
«Не трогайте
меня
касанием плотвы
густой,
но беспартийной».

С его мандатами
какой,
скажите,
риск?
С его знакомствами
ему
считаться не с кем.
Соседу по столу,
напившись в дым и дрызг,
орет он:
«Гражданин,
задернуть занавеску!»
Взбодрен заручками
из ЦИКа и из СТО,
помешкавшего
награждает оплеухой,
и собеседник
сверзился под стол,
придерживая
окровавленное ухо.
Расселся,
хоть на лбу
теши дубовый кол, —
чего, мол,
буду объясняться зря я?!
Величественно
положил
мандат на протокол:
«Прочесть
и расходиться, козыряя!»
Но что случилось?
Не берут под козырек?
Сановник
под значком
топырит
грудью
платье.
Не пыжьтесь, помпадур!
Другой зарок
дала
великая
негнущаяся партия.

Метлою лозунгов
звенит железо фраз,
метлою бурь
по дура́кам подуло.
— Товарищи,
подымем ярость масс
за партию,
за коммунизм,
на помпадуров! —

Неизвестно мне,
в кого я попаду,
но уверен —
попаду в кого-то...
Выдающийся
советский помпадур
ехал
отдыхать на во́ды.

Между 15 мая и 23 июля 1928

КРЫМ

И глупо звать его
«Красная Ницца»,
и скушно
звать
«Всесоюзная здравница».
Нашему
Крыму
с чем сравниться?
Не́ с чем
нашему
Крыму
сравниваться!
Надо ль,
не надо ль —
цветов наряды,
лозою
шесточек задран.

Вином
и цветами
пьянит Ореанда,
в цветах
и в вине —
Массандра.
Воздух —
желт.
Песок —
желт.
Сравнишь —
получится ложь ведь!
Солнце
шпарит.
Солнце —
жжет.
Как лошадь.
Цветы
природа
растрачивает, соря —
для солнца
светлоголового.
И всё это
наслаждало
одного царя!
Смешно —
честное слово!
А теперь
играет
меж цветочных ливней
ветер,
пламя флажков теребя.
Стоят санатории
разных имеyей:
Ленина,
Дзержинского,
Десятого Октября.
Братва —
рада,
надела трусики.

Уже
виногралы
закручивают усики.
Рад
город.
При этаком росте
с гор
скоро
навезут грозди.
Посмотрите
под тень аллей,
что ни парк —
народом полон.
Санаторники
занимаются
«волей»,
или
попросту «валяй болом».
Винтовка
мишень
на полене долбит,
учатся
бить Чемберлена.
Целься лучше:
у лордов
лбы
тверже,
чем полено.
Третьи
на пляжах
себя расположили,
нагоняют
на брюхо
бронзу.
Четвертые
дуют кефир
или
нюхают
разную розу.
Рвало
здесь
землетрясение
дороги петли,

сакли
расшатало, ухватив за край,
развезувился
старик Ай-Петри.
Ай, Петри!
А-я-я-я-яй!
Но пока
выписываю
эти стихи я,
подрезая
ураганам
корни,
рабочий Крыма
надевает стихиям
железобетонный намордник.

25 июля 1928
Алупка

ЕВПАТОРИЯ

Чуть вздыхает волна,
и, вторя ей,
ветерок
над Евпаторией.
Ветерки эти самые
рыскают,
гладят
щеку евпаторийскую.
Ляжем
пляжем
в песочке рыться мы
бронзовыми
евпаторийцами.
Скрип уключин,
всплески
и крики —
развлекаются
евпаторийки.

В дым черны,
в тюбетейках ярких
караимы —
евпаторьянки.
И, сравняясь,
загорают рьяней
москвичи —
евпаторьяне.
Всюду розы
на ножках тонких.
Радуются
евпаторёнки.
Все болезни
выжмут
горячие
грязи
евпаторячьи.
Пуд за лето
с любого толстого
соскребет
евпаторство.
Очень жаль мне
тех,
которые
не бывали
в Евпатории.

3 августа 1928
Евпатория

ШУТКА, ПОХОЖАЯ НА ПРАВДУ

Скушно Пушкину.
Чугунному ропщется.
Бульвар
хорош
пижонам холостым.
Пушкину
требуется
культурное общество,
а ему
подсунули
Страстной монастырь.

От Пушкина
до «Известий»
шагов двести.
Как раз
ему б
компания была,
но Пушкину
почти
не видать «Известий» —
мешают
писателю
чертовы купола.
Страстной
попирает
акры торцов.
Если бы
кто
чугунного вывел!
Там
товарищ
Степанов-Скворцов
принял бы
и напечатал
в «Красной ниве».
Но между
встал
проклятый Страстной,
всё
заслоняет
купол-гру́шина...
А «Красной ниве»
и без Пушкина красно́,
в меру красно
и безмерно скушно.
«Известиям»
тоже
не весело, братцы,
заскучали
от Орешиных и Зозуль.
А как
до настоящего писателя добраться?

Страстной монастырь —
бельмом на глазу.
«Известиям»
Пушкина
Страстной заслонил,
Пушкину
монастырь
заслонил газету,
и оба-два
скучают они,
и кажется
им,
что выхода нету.
Возрадуйтесь,
найден выход
из
положения этого:
снесем Страстной
и выстроим Гиз,
чтоб радовал
зренье поэтово.
Многоэтажься, Гиз,
и из здания
слова
печатные
лей нам,
чтоб радовались
Пушкины
своим изданиям,
роскошным,
удешевленным
и юбилейным.
И «Известиям»
приятна близость.
Лафа!
Резерв товарищам.
Любых
сотрудников
бери из Гиза,
из этого
писательского
резервуарища.

Пускай
по-новому
назовется площадь,
асфальтом расплещется,
и над ней —
страницы
печатные
мысль располощут
от Пушкина
до наших
газетных дней.
В этом
заинтересованы
не только трое,
займитесь стройкой,
зря не временя́,
и это,
увидите,
всех устроит:
и Пушкина,
и Гиз,
и «Известия»...
и меня.

Август (?) 1928

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Нет,
не те «молодежь»,
кто, забившись
в лужайку да в лодку,
начинает
под визг и галдеж
прополаскивать
водкой
глотку.
Нет,
не те «молодежь»,
кто весной
ночами хорошими,

раскривлявшись
модой одеж,
подметают
бульвары
клешами.
Нет,
не те «молодежь»,
кто восхода
жизни зарево,
услыхав в крови
зудеж,
на романы
разбазаривает.
Разве
это молодость?
Нет!
Мало
быть
восемнадцати лет.
Молодые —
это те,
кто бойцовым
рядам поределым
скажет
именем
всех детей:
«Мы
земную жизнь переделаем!»
Молодежь —
это имя —
дар
тем,
кто влит в боевой КИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

Август 1928

ГАЛОПЩИК ПО ПИСАТЕЛЯМ

Тальников
в «Красной нови»
про меня
пишет
задорно и храбро,
что лиру
я
на агит променял,
перо
променял на швабру.
Что я
по Европам
болтался зря,
в стихах
ни вздохи, ни ахи,
а только
грублю,
случайно узря
Шаляпина
или монахинь.
Растет добродушие
с ростом бород.
Чего
обижать
маленького?!
Хочу не ругаться,
а, наоборот,
понять
и простить Тальникова.
Вы молоды, верно,
сужу по мазкам,
такой
резвун-шалунишка.
Уроки
сдаете
приятным баском
и любите
с бонной,
на радость мозгам,

гулять
в коротких штанишках.
Чему вас учат,
милый барчук, —
я
вас
расспросить хочу.
Успела ли
бонна
вам рассказать
(про это —
и песни поются) —
вы знаете,
10 лет назад
у нас
была
революция.
Лиры
крыл
пулемет-обормот,
и, взяв
лирические манатки,
сбежал Северянин,
сбежал Бальмонт
и прочие
фабриканты патоки.
В Европе
у них
ни агиток, ни швабр —
чиста
ажурная строчка без шва.
Одни —
хореи да ямбы,
туда бы,
к ним бы,
да вам бы.
Оставшихся
жала
белая рать
и с севера
и с юга.

Нам
требовалось переорать
и вьюги,
и пушки,
и ругань!
Их стих,
как девица,
читай на диване,
как сахар
за чаем с блюдца, —
а мы
писали
против плеваний,
ведь сволочи —
все плюются.
Отбившись,
мы ездим
по странам по всем,
которые
в картах наляпаны,
туда,
где пасутся
долла́рным посевом
любимые вами
Шаляпины.
Не для романсов,
не для баллад
бросаем
свои якоря мы —
лощеным ушам
наш стих грубоват
и рифмы
будут корявыми.
Не лезем
мы
по музеям,
на колизеи глазея.
Мой лозунг —
одну разглазей-ка
к революции лазейку...

Теперь
для меня
равнодушная честь,
что чу́дные
рифмы рожу я.
Мне
как бы
только
почище уесть,
уесть покрупнее буржуя.
Поэту,
по-моему,
слабый плюс
торчать
у веков на выкате.
Прощайте, Тальников,
я тороплюсь,
а вы
без меня чирикайте.
С поэта
и на поэта
в галоп
скачите,
сшибайтесь лоб о лоб.
Но
скидывайте галоши,
скача
по стихам, как лошадь.
А так скакать —
неопрятно:
от вас
по журналам...
пятна.

Между 16 августа и 8 сентября 1928

ЛУЧШЕ ТОНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Я
не терплю книг:
от книжек
мало толку —
от тех,
которые
дни
проводят,
взобравшись на полку.
Книг
не могу терпеть,
которые
пудом-прессом
начистят
застежек медь,
гордясь
золотым обрезом.
Прячут
в страничную тыщь
бунтующий
времени гул, —
таких
крепостей-книжи́щ
я
терпеть не могу.
Книга —
та, по-моему,
которая
худощава с лица,
но вложены
в страницы-обоймы
строки
пороха и свинца.
Меня ж
печатать прошу
летучим
дождем
брошюр.

Сентябрь 1928

СТОЛП

Товарищ Попов
чуть-чуть не от плуга.
Чуть
не от станка
и сохи.
Он —
даже партиец,
но он
перепуган,
брюзжит
баритоном сухим:
«Раскроешь газетину —
в критике вся, —
любая
колеблется
глыба.
Кроют.
Кого?
Аж волосья́
встают
от фамилий
дыбом.
Ведь это —
подрыв,
подкоп ведь это...
Критику
осторожненько
до́лжно вести.
А эти —
критикуют,
не щадя авторитета,
ни чина,
ни стажа,
ни должности.
Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!

Ну можно ль
позволить
низам —
подряд,
всем! —
заниматься критиканством?!
О мерзостях
наших
трубим и поем.
Иди
и в газетах срамись я!
Ну, я ошибся...
Так в тресте ж,
в моем,
имеется
ревизионная комиссия.
Ведь можно ж,
не задевая столпов,
в кругу
своих,
братишек, —
вызвать,
сказать:
— Товарищ Попов,
орудуй...
тово...
потише... —
Пристали
до тошноты,
до рвот...
Обмазывают
кистью густою.
Товарищи,
ведь это же ж
подорвет
государственные устои!
«Кого критикуют? —
вопит, возомня,
аж голос
визжит
тенорком. —

Вчера —
Иванова,
сегодня —
меня,
а завтра —
Совнарком!»

Товарищ Попов,
оставьте скулеж.
Болтовня о подрывах —
ложь!
Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила.
И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Сентябрь 1928

СПЛЕТНИК

Петр Иванович Сорокин
в страсти —
холоден как лед.
Все
ему
чужды пороки:
и не курит
и не пьет.
Лишь одна
любовь
рекой
залилá
и в бездну клонит —

любит
этакой серьгой
повисеть на телефоне.
Фарширован
сплетен
кормом,
он
вприпрыжку,
как коза,
к первым
вспомненным
знакомым
мчится
новость рассказать.
Задыхаясь
и сипя,
добредя
до вашей
дали,
он
прибавит от себя
пуд
пикантнейших деталей.
«Ну... —
начнет,
пожавши руки, —
обхохочете живот.
Александр
Петрович
Брюкин —
с секретаршею живет.
А Иван Иваныч Тестов —
первый
в тресте
инженер —
из годичного отъезда
возвращается к жене.
А у той,
простите,
скоро —
прибавленье!
Быть возне!

Кстати,
вот что —
целый город
говорит,
что раз
во сне...»
Скрыл
губу
ладоней ком,
стал
от страха остролицым.
«Новость:
предъявил...
губком...
ультиматум
австралийцам».
Прослюнявив новость
вкупе
с новостишкой
странной
с этой,
быстро
всем
доложит —
в супе
что
варилось у соседа,
кто
и что
отправил в рот,
нет ли,
есть ли
хахаль новый,
и из чьих
таких
щедрот
новый
сак
у Ивановой.
Когда
у такого
спросим мы

желание
самое важное —
он скажет:
«Желаю,
чтоб был
мир
огромной
замочной скважиной.
Чтоб в скважину
в эту
влезши на треть,
слюну
подбирая еле,
смотреть
без конца,
без края смотреть —
в чужие
дела и постели».

Осень 1928

СТИХИ О РАЗНИЦЕ ВКУСОВ

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:
«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».
Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь разве ты?!
Ты
просто-напросто —
верблюд недоразвитый».
И знал лишь
бог седобородый,
что это —
животные
разной породы.

Между 15 октября и 3 декабря 1928

СТИХОТВОРЕНИЕ О ПРОДАННОЙ ТЕЛЯТИНЕ

«Париж!
Париж!..
приедешь, угоришь!»
Не зря
эта рифма
притянута рифмачами.
Воришки,
по-ихнему —
«нуво-риш»,
жизнь
прожигают
разожженными ночами.
Мусье,
мадамы,
возбужденней петухов,
прут
в парфюмерии,
в драгоценном звоне.
В магазинах
в этих
больше духов,
чем у нас
простой
человечьей вони.
Падкие
до всякой
титулованной рекламки,
всё
на свете
долларом выценя,
по тысячам
франков
раскупают американки
разных
наших
князей Голицыных.
Рекламы
угробливают
световыми колами;

аршины
буквы
подымают ор,
богатых соблазняют,
всучивают рекламы:
гусиную печенку,
авто,
ликер.
И въевшись в печенку,
промежду повис
плакат
на заборе каменистом:
«Я,
основатель комсомола,
Морис
Лапорт,
бросаю партию коммунистов».
Сбоку нарисовано, —
как не затосковать! —
сразила
насмешка дерзкая, —
нарисовано:
коммунистам
сыплет Москва
золото коминтернское.
С другого
портрет —
французик как французики,
за такого
лавочники
выдают дочек.
Пудреная мордочка,
черненькие усики,
из карманчика
шелковый платочек.
По карточке
сосуночек
первый сорт, —
должно быть,
либеральничал
под руководством мамаши.

Ласковый теленок
двух маток сосет —
и нашим,
и вашим.
Вырос Морис,
в грудях трещит,
влюбился Лапорт
с макушки по колени.
Что у Лапорта?
Усы и прыщи, —
а у
мадмуазель —
магазин бакалейный.
А кругом
с приданым
Ротшильды и Коти́
Комсомальчик
ручку
протягивает с опаской.
Чего задумался?
Хочется?
Кати
колбаской!
А билет партийный —
девственная плева.
Лишайтесь —
с Коти
пируя вечерочками.
Где уж
нам уж
ваших переплевать
с нашими
советскими червончиками!
Морис,
вы продались
нашему врагу, —
вас
укупили,
милый теленок,
за редерер,
за кроликовое рагу,
за шелковые портьеры
уютных квартиренок.

Обращаюсь,
оборвав
поэтическую строфу,
к тем,
которыми
франки дадены:
— Мусью,
почем
покупали фунт
этой
свежей
полицейской телятины? —
Секрет
коммунистов
Лапортом разболтан.
Так что ж, молодежь, —
без зазренья ори:
— Нас всех
подкупило
советское золото,
золото
новорожденной
Советской зари!

Между 15 октября и 3 декабря 1928

СТИХИ О КРАСОТАХ АРХИТЕКТУРЫ

В Париже, в Венсене, рухнул дом, придавивший 30 рабочих. Министры соболезновали. 200 коммунистов и демонстрантов арестовано.

Из газет

Красивые шпили
домов-рапир
видишь,
в авто несясь.
Прекрасны
в Париже
пале ампир,
прекрасны
пале ренессанс.

Здесь чтут
красоту,
бульвары метя,
искусству
почет здоро́в —
сияют
векам
на дворцовых медях
фамилии архитекторов.
Собакой
на Сене
чернеют дворцы
на желтизне
на осенней,
а этих самых
дворцов
творцы
сейчас
синеют в Венсене.
Здесь не плачут
и не говорят,
надвинута
кепка
на бровь.
На глине
в очередь к богу
в ряд
тридцать
рабочих гробов.
Громок
парижских событий содом,
но это —
из нестоящих:
хозяевам
наспех
строили дом,
и дом
обвалился на строящих.
По балкам
будто
растерли томат.
Каменные
встали над я́миною —

каменное небо,
каменные дома
и горе,
огромное и каменное.
Закат кончается.
Час поздноват.
Вечер
скрыл искалеченности.
Трудно
любимых
опознавать
в человечьем
рагу из конечностей.
Дети,
чего испугались крови?!
Отмойте
папе
от крови щеку!
Строить
легочь
небесных кровель
папе —
небесному кровельщику.
О папе скорбь
глупа и пуста,
он —
ангел французский,
а впрочем,
ему
и на небе
прикажут стать
божьим чернорабочим.
Сестра,
чего
склонилась, дрожа, —
обвисли
руки-плети?!
Смотри,
как прекрасен
главный ажан
в паре
солнц-эполетин.

Уймись, жена,
угомонись,
слезы
утри
у щек на коре...
Смотри,
пришел
премьер-министр
мусье Пуанкаре.
Богатые,
важные с ним господа,
на портфелях
корон отпечатки.
Мусье министр
поможет,
подаст...
пухлую ручку в перчатке.
Ажаны,
косясь,
оплывают гроба
по краю
горя мокрого.
Их дело одно —
«пасэ а табак»,
то есть —
«бей до́ крови».
Слышите:
крики
и песни клочки
домчались
на спинах ветро́в...
Это ажаны
в нос и в очки
наших
бьют у метро.
Пусть
глупые
хвалят
свой насест —
претит
похвальба отеческая.

Я славлю тебя,
«репюблик франсэз»,
свободная
и демократическая.
Свободно, братья,
свободно, отцы,
ждите
здесь
вознесения,
чтоб новым Людовикам
пале и дворцы
легли
собакой на Сене.
Чтоб город
верхами
до бога дорос,
чтоб видеть,
в авто несясь,
как чудны
пале
Луи Каторз,
ампир
и ренессанс.

Во внутренности
не вмешиваюсь, гостя́,
лишь думаю,
куря папироску:
мусье Париж,
на скольких костях
твоя
покоится роскошь?

Между 15 октября и 3 декабря 1928

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КОСТРОВУ ИЗ ПАРИЖА О СУЩНОСТИ ЛЮБВИ

Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строф
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:
входит
красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
Я
эту красавицу взял
и сказал:
— правильно сказал
или неправильно? —
Я, товарищ, —
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее.
Девушкам
поэты любы.
Я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы —
только
слушать согласись.
Не поймать
меня
на дряни,
на прохожей
паре чувств.

Я ж
навек
любовью ранен —
еле-еле волочусь.
Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила —
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать, —
тридцать...
с хвостиком.
Любовь
не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут у́гольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.
Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей рваных,

срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы —
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле
огней — до неба...
В синем небе
звезд —
до черта.
Если б я
поэтом нé был,
я бы
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.

Мчат
авто
по улице,
а не свалят на́земь.
Понимают
умницы:
человек —
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.

Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданьи,
простаивая,
прислушиваюсь:
любовь загудит —
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.
Кто
сумеет
совладать?
Можете?
Попробуйте...

Между 15 октября и 3 декабря 1928

ПИСЬМО ТАТЬЯНЕ ЯКОВЛЕВОЙ

В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен
пламенеть.
Я не люблю
парижскую любовь:
любую самочку
шелками разукрасьте,
потягиваясь, задремлю,
сказав —
тубо —
собакам
озверевшей страсти.

Ты одна мне
ростом вровень,
стань же рядом
с бровью брови,
дай
про этот
важный вечер
рассказать
по-человечьи.
Пять часов,
и с этих пор
стих
людей
дремучий бор,
вымер
город заселенный,
слышу лишь
свисточный спор
поездов до Барселоны.
В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме —
не гроза,
а это
просто
ревность
двигает горами.
Глупых слов
не верь сырью,
не пугайся
этой тряски, —
я взнуздаю,
я смирю
чувства
отпрысков дворянских.
Страсти корь
сойдет коростой,
но радость
неиссыхаемая,

буду долго,
буду просто
разговаривать стихами я.
Ревность,
жены,
слезы...
ну их! —
вспухнут веки,
впору Вию.
Я не сам,
а я
ревную
за Советскую Россию.
Видел
на плечах заплаты,
их
чахотка
лижет вздохом.
Что же,
мы не виноваты —
ста мильонам
было плохо.
Мы
теперь
к таким нежны —
спортом
выпрямишь не многих, —
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.
Не тебе,
в снега
и в тиф
шедшей
этими ногами,
здесь
на ласки
выдать их
в ужины
с нефтяниками.

Ты не думай,
щурясь просто
из-под выпрямленных дуг.
Иди сюда,
иди на перекресток
моих больших
и неуклюжих рук.
Не хочешь?
Оставайся и зимуй,
и это
оскорбление
на общий счет нанижем.
Я всё равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

Между 15 октября и 3 декабря 1928

ОТВЕТ НА БУДУЩИЕ СПЛЕТНИ

Москва
меня
обступает, сипя,
до шепота
голос понижен:
«Скажите,
правда ль,
что вы
для себя
авто
купили в Париже?
Товарищ,
смотрите,
чтоб не было бед,
чтоб пресса
на вас не нацыкала.
Купили бы дрожки...
велосипед...

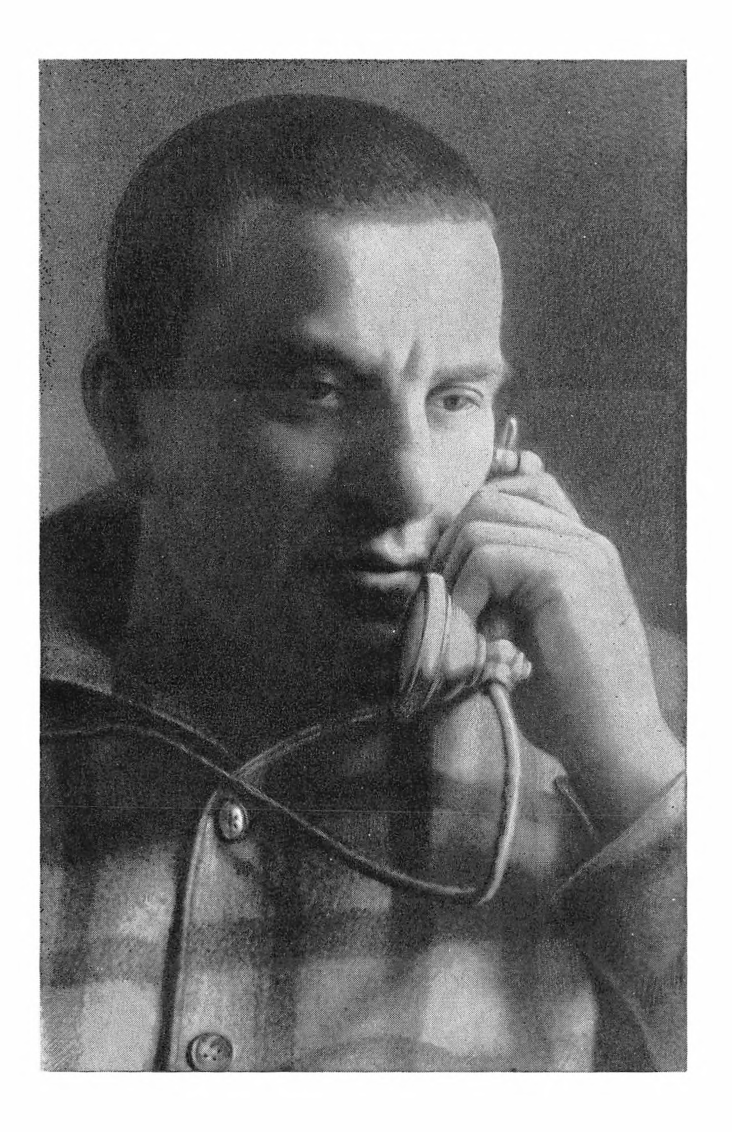
Ну
   не более же ж мотоцикла!»
С меня
         эти сплетни
                  как с гуся вода;
надел
      хладнокровия панцырь.
— Купил — говорите?
                  Конешно,
                        да.
Купил,
      и бросьте трепаться.
Довольно я шлепал,
                  дохл
                     да тих,
на разных
         кобылах-выдрах.
Теперь
      забензинено
               шесть лошадих
в моих
      четырех цилиндрах.
Разят
      желтизною
            из медных глазниц
глаза —
      не глаза,
            а жуть!
И целая
      улица
         падает ниц,
когда
      кобылицы ржут.
Я рифм
      накосил
            чуть-чуть не стог,
аж в пору
         бухгалтеру сбиться.
Две тыщи шестьсот
               бессоннейших строк
в руле,
      в рессорах
            и в спицах.

И мчишься,
и пишешь,
и лучше, чем в кресле.
Напрасно
завистники злятся.
Но если
объявят опасность
и если
бой
и мобилизация —
я, взяв под уздцы,
кобылиц подам
товарищу комиссару,
чтоб мчаться
навстречу
жданным годам
в последнюю
грозную свару.
Не избежать мне
сплетни дрянной.
Ну что ж,
простите, пожалуйста,
что я
из Парижа
привез Рено,
а не духи
и не галстук.

Конец 1928

ОНИ И МЫ

В даль глазами лезу я...
Низкие лесёнки;
мне
сия Силезия
влезла в селезенки.
Граница.
Скука польская.
Дальше —
больше.

От дождика
скользкая
почва Польши.
На горизонте —
белое.
Снега
и Негорелое.
Как приятно
со́ снегу
вдруг
увидеть сосенку.
Конешно —
березки,
снегами припарадясь,
в снежном
лоске
большущая радость.
Километров тыщею
на Москву
рвусь я.
Голая,
нищая
бежит
Белоруссия.
Приехал —
слеза у знакомых картин:
вокзал
Белорусско-Балтийский.
Как будто
у про́клятых
лозунг один:
толкайся,
плюйся
да тискай.
Му́ка прямо.
Ездить —
особенно.
Там —
яма,
здесь —
колдобина.
Загрустил, братцы, я!

Дыры —
дразнятся.
Мы
и Франция...
Какая разница!
Но вот,
врабатываясь
и оглядывая,
как штопается
каждая дырка,
насмешку
снова
ломаешь надвое
и перестаешь
европейски фыркать.
Долой
подхихикивающих разинь!
С пути,
джентльмены лаковые!
Товарищ,
сюда становись,
из грязи
рабочую
жизнь
выволакивая!

Между 3 декабря 1928 и 14 февраля 1929

ПЕРЕКОПСКИЙ ЭНТУЗИАЗМ!

Часто
сейчас
по улицам слышишь
разговорчики
в этом роде:
«Товарищи, легше,
товарищи, тише.
Это
вам
не 18-й годик!»

В нору
влезла
гражданка Кротиха,
в нору
влез
гражданин Крот.
Радуются:
«Живем ничего себе,
тихо.
Это
вам
не 18-й год!»
Дама
в шляпе рубликов нá сто
кидает
кому-то,
запахивая котик:
«Не толкаться!
Но-но!
Без хамства!
Это
вам
не 18-й годик!»
Малого
мелочь
работой скосила.
В уныньи
у малого
опущен рот...
«Куда, мол,
девать
молодецкие силы?
Это
нам
не 18-й год!»

Эти
потоки
слюнявого яда
часто
сейчас
по улице льются...

Знайте, граждане!
И в 29-м
длится
и ширится
Октябрьская революция.
Мы живем
приказом
октябрьской воли.
Огонь
«Авроры»
у нас во взоре.
И мы
обывателям
не позволим
баррикадные дни
чернить и позорить.
Года
не вымерить
по единой мерке.
Сегодня
равноценны
храбрость и разум.
Борись
и в мелочах
с баррикадной энергией,
в стройку
влей
перекопский энтузиазм!

<1929>

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.
Должно быть,
под ним
проходят тысячи...
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен,
хочется —
идти,
приветствовать,
рапортовать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищь и оголь,
ширится
добыча
угля и руды...
А рядом с этим,
конешно,
много,
много
разной
дряни и ерунды.

Устаешь
            отбиваться и отгрызаться.
Многие
           без вас
                     отбились от рук.
Очень
        много
                 разных мерзавцев
ходят
        по нашей земле
                            и вокруг.
Нету
       им
          ни числа,
                    ни клички,
целая
        лента типов
                     тянется.
Кулаки
          и волокитчики,
подхалимы,
                 сектанты
                            и пьяницы, —
ходят,
         гордо
                 выпятив груди,
в ручках сплошь
                       и в значках нагрудных...
Мы их
          всех,
                 конешно, скрутим,
но всех
          скрутить
                      ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
                      по фабрикам дымным,
по землям,
                покрытым
                            и снегом
                                        и жнивьём,

вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!..»

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате.
Я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

<1929>

МРАЧНОЕ О ЮМОРИСТАХ

Где вы,
бодрые задиры?
Крыть бы розгой!
Взять в слезу бы!
До чего же
наш сатирик
измельчал
и обеззубел!
Для подхода
для такого
мало,
што ли,
жизнь дрянна?
Для такого
Салтыкова —
Салтыкова-Щедрина?
Заголовком
жирно-алым

мозжечок
прикрывши
тощий,
ходят
тихо
по журналам
дореформенные тещи.
Саранчой
улыбки выев,
ходят
нэпманам на страх
анекдоты гробовые —
гроб
о фининспекторах.
Или,
злобой измусоля
сотню
строк
в бумажный крах,
пишут
про свои мозоли
от зажатья в цензорах.
Дескать,
в самом лучшем стиле,
будто
розы на заре,
лепестки
пораспустили б
мы
без этих цензорей.
А поди
сними рогатки —
этаких
писцов стада
пару
анекдотов гадких
ткнут —
и снова пустота.
Цензоров
обвыли воем.

Я ж
другою
мыслью ранен:
жалко бедных,
каково им
от прочтенья
столькой дряни?
Обличитель,
меньше крему,
очень
темы
хороши.
О хорошенькую тему
зуб
не жалко искрошить.
Дураков
больших
обдумав,
взяли б
в лапы
лупы вы.
Мало, што ли,
помпадуров?
Мало —
градов Глуповых?
Припаси
на зубе
яд,
в километр
жало вызмей
против всех,
кто зря
сидят
на труде,
на коммунизме!
Чтоб не скрылись,
хвост упрятав,
крупных
вылови налимов —

кулаков
и бюрократов,
дураков
и подхалимов.

Измельчал
и обеззубел,
обэстетился сатирик.
Крыть бы в розги,
взять в слезу бы!
Где вы,
бодрые задиры?
<*1929*>

ПТИЧКА БОЖИЯ

Он вошел,
склонясь учтиво.
Руку жму.
«Товарищ —
сядьте!
Что вам дать?
Автограф?
Чтиво?»
— «Нет.
Мерси вас.
Я —
писатель».
— «Вы?
Писатель?
Извините.
Думал —
вы пижон.
А вы...
Что ж,
прочтите,
зазвените
грозным
маршем
боевым.

Вихрь идей
у вас,
должно быть.
Новостей
у вас
вагон.
Что ж,
пожалте в уха в оба.
Рад товарищу».
А он:
«Я писатель.
Не прозаик.
Нет.
Я с музами в связи».
Слог
изыскан, как борзая.
Сконапель
ля поэзи́.
На затылок
нежным жестом
он
кудрей
закинул шелк,
стал
барашком златошерстым
и заблеял,
и пошел.
Что луна, мол,
над долиной,
мчит
ручей, мол,
по ущелью.
Тинтидликал
мандолиной,
дундудел виолончелью.
Нимб
обвил
волосьев копны.
Лоб
горел от благородства.

Я терпел,
терпел
и лопнул
и ударил
лапой
óб стол.
«Попрошу вас
покороче.
Бросьте вы
поэта корчить!
Посмотрю
с лица ли,
сзади ль,
вы тюльпан,
а не писатель.
Вы,
над облаками рея,
птица
в человечий рост.
Вы, мусье,
из канареек,
чижик вы, мусье,
и дрозд.
В испытанье
битв
и бед
с вами,
што ли,
мы
полезем?
В наше время
тот —
поэт,
тот —
писатель,
кто полезен.
Уберите этот торт!
Стих даешь —
хлебов подвозу.

В наши дни
                писатель тот,
кто напишет
                марш
                        и лозунг!»
<1929>

СТИХИ О ФОМЕ

Мы строим коммуну,
                        и жизнь
                                сама
трубит
        наступающей эре.
Но между нами
                ходит
                        Фома,
и он
        ни во что не верит.
Наставь
        ему
            достижений любых
на каждый
        вкус
            и вид, —
он лишь
        тебе
            половину губы
на достиженья
                скривит.
Идем
        на завод
                отстроенный
                                мы —
смирись
        перед ликом
                        факта.
Но скептик
        смотрит
                глазами Фомы:

— Нет, что-то
не верится как-то. —
Покажешь
Фомам
вознесенный дом
и ткнешь их
и в окна,
и в двери.
Ничем
не расцветятся
лица у Фом.
Взглянут —
и вздохнут:
«Не верим!»
Послушайте,
вы,
товарищ Фома!
У вас
повадка плохая.
Не надо
очень
большого ума,
чтоб всё
отвергать
и хаять.
И толк
от похвал,
разумеется, мал.
Но слушай,
Фоминая шатия!
Уж мы
обойдемся
без ваших похвал —
вы только
труду не мешайте.
<1929>

Я СЧАСТЛИВ!

Граждане,
у меня
огромная радость.
Разулыбьте
сочувственные лица.
Мне
обязательно
поделиться надо,
стихами
хотя бы
поделиться.
Я
сегодня
дышу как слон,
походка
моя
легка,
и ночь
пронеслась,
как чудесный сон,
без единого
кашля и плевка.
Неизмеримо
выросли
удовольствий дозы.
Дни осени —
баней воняют,
а мне
цветут,
извините, —
розы,
и я их,
представьте,
обоняю.
И мысли,
и рифмы
покрасивели
и особенные,
аж вытаращит
глаза
редактор.

Стал вынослив
и работоспособен,
как лошадь
или даже —
трактор.
Бюджет
и желудок
абсолютно превосходен,
укреплен
и приведен в равновесие.
Стопроцентная
экономия
на основном расходе —
и поздоровел
и прибавил в весе я.
Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие торта —
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных
апартаментах
рта.
Голова
снаружи
всегда чиста,
а теперь
чиста и изнутри.
В день
придумывает
не меньше листа,
хоть Толстому
ноздрю утри.
Женщины
окружили,
платья испестря,
все
спрашивают
имя и отчество,

я стал
определенный
весельчак и остряк —
ну просто —
душа общества.
Я
порозовел
и пополнел в лице,
забыл
и гриппы
и кровать.
Граждане,
вас
интересует рецепт?
Открыть?
или...
не открывать?
Граждане,
вы
утомились от жданья,
готовы
корить и крыть.
Не волнуйтесь,
сообщаю:
граждане,
я
сегодня —
бросил курить.

<1929>

МЫ

Мы —
Эдисоны
невиданных взлетов,
энергий
и светов.
Но главное в нас —
и это
ничем не заслóнится, —

главное в нас —
это наша
Страна Советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.
Внедряйтесь
и взлетайте
и вширь
и ввысь.
Взвивай,
изобретатель,
рабочую
мысль!
С памятник ростом
будут
наши капусты
и наши моркови,
будут лучшими в мире
наши
коровы
и кони.
Массы —
плоть от плоти
и кровь от крови,
мы
советской деревни
титаны Маркони.
Пошла
борьба
и в знании,
класс
на класс.
Дострой
коммуны здание
смекалкой
масс.
Сонм
электростанций,
зажгись
пустырями сонными.

Спрессуем
в массовый мозг
мозга
людские клетки.
Станем гигантскими,
станем
невиданными Эдисонами
и пяти-,
и десяти-
и пятидесятилетки.
Вредителей
предательство
и белый
знаний
лоск
забей
изобретательством,
рабочий
мозг.
Мы —
Маркони
гигантских взлетов,
энергий
и светов,
но главное в нас —
и это
ничем не заслóнится, —
главное в нас —
это наша
Страна Советов,
советская стройка,
советское знамя,
советское солнце.

<1929>

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ

Добьемся урожая мы —
втройне,
земля,
рожай!

Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!
Чтоб даром не потели мы
по одному,
по два —
колхозами,
артелями
объединись, братва.
Земля у нас хорошая,
землица неплоха,
да надобно
под рожь ее
заранее вспахать.
Чем жить, зубами щелкая
в голодные года,
с проклятою
с трехполкою
покончим навсегда.
Вредителю мы
начисто
готовим карачун.
Сметем с полей
кулачество,
сорняк
и саранчу.
Разроем складов завали.
От всех
ответа ждем —
чтоб тракторы
не ржáвели
впустую под дождем.
Поля
пройдут науку
под ветром-игруном...
Даешь
на дружбу руку,
товарищ агроном!
Земля
не хочет более

терпеть
плохой уход, —
готовься,
комсомолия,
в передовой поход.
Кончай
с деревней серенькой,
вставай,
который сер!
Вперегонки
с Америкой
иди, СССР!
Добьемся урожая мы —
втройне,
земля,
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай!

Между 16 января и 3 февраля 1929

ЗАГРАНИЧНАЯ ШТУЧКА

Париж,
как сковородку желток,
заливал
электрический ток.
Хоть в гости,
хоть на дом —
женщины
тучею.
Время —
что надо —
распроституче.
Но с этих ли
утех
французу
распалиться?

Прожили, мол,
всех,
кроме
полиции.
Парижанин
глух.
Но все
мусьи
подмигивают
на углу
бульвар де Капюси́н.
Себя
стеля
идущим
дорогою,
на двух
костылях
стоит
одноногая.
Что
была
за будущность?
Ну —
были ноги.
Была
одной из будочниц
железной
дороги.
Жила,
в лохмотьях кроясь,
жуя
понемногу.
И вдруг
на счастье
поезд
ей
срезал ногу.
Пролечена
выплата.
Поправлена
еле,

работница
выплюнута
больницей
в панели.
Что толку
в ногатых?
Зеваешь,
блуждая.
Пресыщенность
богатых
безножье
возбуждает.
Доказательство —
налицо.
Налицо —
факт.
Дрянцо
с пыльцой,
а девушка
нарасхват.
Платье
зеленое
выпушено
мехом,
девушка
определенно
пользуется
успехом.
Стихом
беспардонным
пою,
забывши
меру, —
как просто
за кордоном
сделать
карьеру.

Между февралем и июнем 1929

ПАРИЖАНКА

Вы себе представляете
парижских женщин
с шеей разжемчуженной,
разбриллиантенной
рукой...
Бросьте представлять себе!
Жизнь —
жестче —
у моей парижанки
вид другой.
Не знаю, право,
молода
или стара она,
до желтизны
отшлифованная
в лощеном хамье.
Служит
она
в уборной ресторана —
маленького ресторана —
Гранд-Шомьер.
Выпившим бургундского
может захотеться
для облегчения
пойти пройтись.
Дело мадмуазель
подавать полотенце,
она
в этом деле
просто артист.
Пока
у трюмо
разглядываешь прыщик,
она,
разулыбив
облупленный рот,
пудрой подпудрит,
духами попрыщет,
подаст пипифакс
и лужу подотрет.

Раба чревоугодий
торчит без солнца,
в клозетной шахте
по суткам
клопея,
за пятьдесят сантимов
(по курсу червонца
с мужчины
около
четырех копеек)!
Под умывальником
ладони омывая,
дыша
диковиной
парфюмерных зелий,
над мадмуазелью
недоумевая,
хочу
сказать
мадмуазели:
— Мадмуазель,
ваш вид,
извините,
жалок.
На уборную молодость
губить не жалко вам?
Или
мне
наврали про парижанок,
или
вы, мадмуазель,
не парижанка.
Выглядите вы
туберкулезно
и вяло.
Чулки шерстяные...
Почему не шелка́?
Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька? —

Мадмуазель молчала,
грохот наваливал
на трактир,
на потолок,
на нас.
Это,
кружа
веселье карнавалово,
весь
в парижанках
гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,
за стих раскрежещенный
и
за описанные
вонючие лужи,
но очень
трудно
в Париже
женщине,
если
женщина
не продается,
а служит.

Между февралем и июнем 1929

КРАСАВИЦЫ

(РАЗДУМЬЕ НА ОТКРЫТИИ GRAND OPÉRA [1])

В смокинг вштопорен,
побрит что надо.
По гранд
по опере
гуляю грандом.

---

[1] Большого оперного театра. — *Ред.*

Смотрю
в антракте —
красавка на красавице.
Размяк характер —
всё мне
нравится.
Талии —
кубки.
Ногти —
в глянце.
Крашеные губки
розой убиганятся.
Ретушь —
у глаза.
Оттеняет синь его.
Спины
из газа
цвета лососиньего.
Упадая
с высоты,
пол
метут
шлейфы.
От такой
красоты
сторонитесь, рефы.
Повернет —
в брильянтах уши.
Пошевéлится шаля —
на грудинке
ряд жемчужин
обнажают
шеншиля.
Платье —
пухом.
Не дыши.
Аж на старом
на морже
только фай
да крепдешин,
только
облако жоржет.

Брошки блещут —
на́ тебе! —
с платья
с полуголого.
Эх,
к такому платью бы
да еще бы...
голову.

Март—апрель 1929

МОНТЕ-КАРЛО

Мир
в тишине
с головы до пят.
Море —
не запятни́тся.
Спят люди.
Лошади спят.
Спит —
Ницца.
Лишь
у ночи
в черной марле
фары
вспыхивают ярки —
это мчится
к Монте-Карле
автотранспорт
высшей марки.
Дым над морем —
пух как будто,
продолжая пререкаться,
это
входят
яхты
в бухты,
подвозя американцев.

Дворцы
и палаццо
монакского принца...
Бараны мира,
пожалте бриться!
Обеспечены
годами
лет
на восемьдесят семь,
дуют
пиковые дамы,
продуваясь
в сто систем.
Демонстрируя обновы,
выигравших подсмотрев,
рядом
с дамою бубновой
дует
яро
дама треф.
Будто
горы жировые,
дуют,
щеки накалив,
настоящие,
живые
и тузы
и короли.
Шарик
скачет по рулетке,
руки
сыпят
франки в клетки,
трутся
карты
лист о лист.
Вздув
карман
кредиток толщью

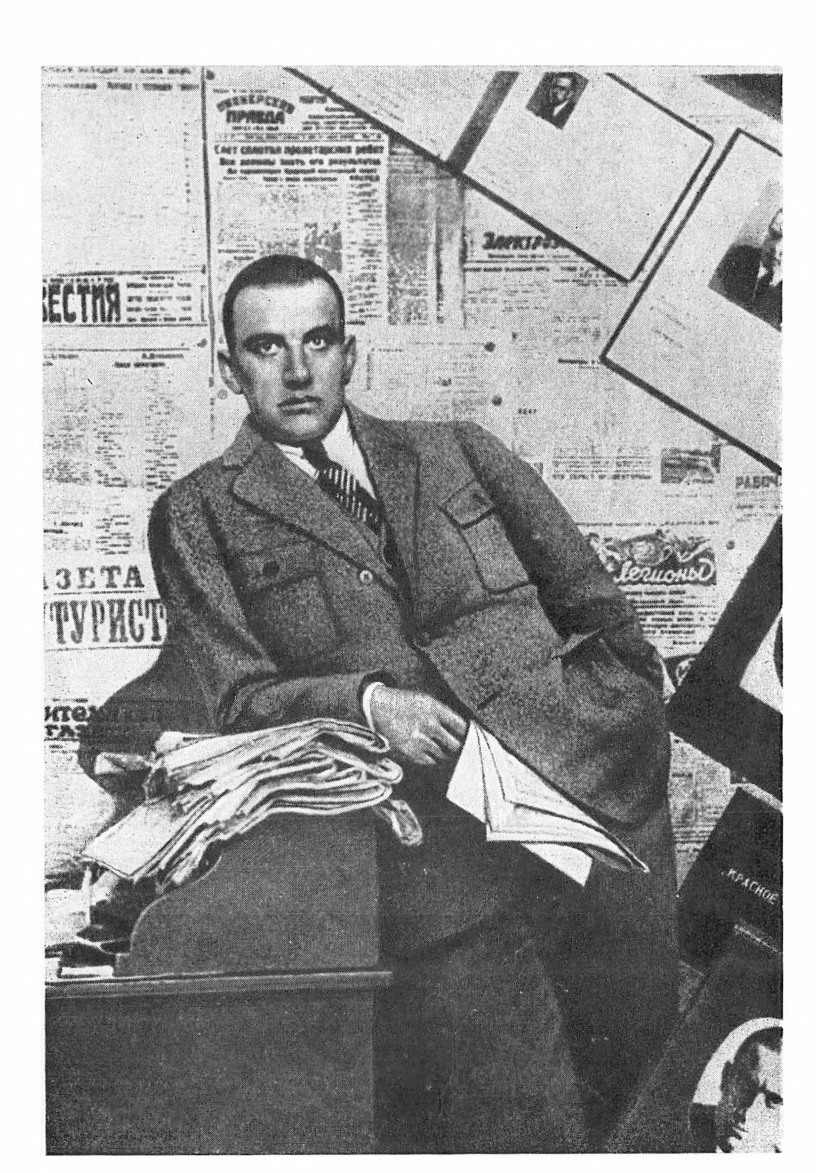
— хоть бери
его
наощупь! —
вот он —
капиталист.
Вот он,
вот он —
вор и лодырь —
из
бездельников-деляг,
мечет
с лодырем
колоды,
мир
ограбленный
деля.
Чтобы после
на закате,
мозг
расчетами загадив,
отягчая
веток сеть,
с проигрыша
повисеть.
Запрут
под утро
азартный зуд,
вылезут
и поползут.
Завидев
утра полосу,
они ползут,
и я ползу.
Сквозь звезды
утро протекало;
заря
ткалась
прозрачно, ало,
и грязью
в розоватой кальке
на грандиозье Монте-Карло
поганенькие монтекарлики.

Апрель—май 1929

НА ЗАПАДЕ ВСЁ СПОКОЙНО

Как совесть голубя,
чист асфальт.
Как лысина банкира —
тротуара плиты
(после того
как трупы
на грузовозы взвалят
и кровь отмоют
от плит поли́тых).
В бульварах
буржуеныши,
под нянин сказ,
медведям
игрушечным
гладят плюшики
(после того
как баллоны
заполнил газ
и в полночь
прогрохали
к Польше
пушки).
Миротворцы
сияют
цилиндровым глянцем,
мозолят язык,
состязаясь с мечом
(после того
как посланы
винтовки афганцам,
а бомбы —
басмачам).
Сидят
по кафе
гусары спешенные.
Пехота
развлекается
в штатской лени.

А под этой
идиллией —
взлихораденно-бешеные
военные
приготовления.
Кровавых капель
пунктирный путь
ползет по земле, —
недаром кругла!
Кто-нибудь
кого-нибудь
подстреливает
из-за угла.
Целят —
в сердце.
В самую точку.
Одно
стрельбы командирам
надо —
бунтовщиков
смирив в одиночку,
погнать
на бойню
баранье стадо.
Сегодня
кровишка
мелких стычек,
а завтра
в толпы
танки тыча,
кровищи
вкус
война поймет, —
пойдет
хлестать
с бронированных птичек
железа
и газа
кровавый помет.

ВЕСТИЯ
ЗЕТА
ТУРИСТ
КРАСНОЕ

Смотри,
выступает
из близких лет,
костьми постукивает
лошадь-краса.
На ней
войны
пожелтелый скелет,
и сталью
синеет
смерти коса.
Мы,
излюбленное
пушечное лакомство,
мы,
оптовые потребители
костылей
и протез, —
мы
выйдем на улицу,
мы
1 августа
аж к небу
гвоздями
прибьем протест.
Долой
политику
пороховых бочек!
Довольно
до́ма
пугливо щуплиться!
От первой республики
крестьян и рабочих
отбросим
войны
штыкастые щупальцы.
Мы
требуем мира.
Но если
тронете,
мы
в роты сожмемся,
сжавши рот.

Зачинщики бойни
увидят
на фронте
один
восставший
рабочий фронт.

Май—июнь 1929

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плевое.

С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским левою.
Глазами
доброго дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский —
глядят,
как в афишу коза.
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда, мол,
и что это за
географические новости?
И, не повернув
головы кочан
и чувств
никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.

Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал
змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначаще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.
Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.
Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.

К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Июль 1929

АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЯЮТСЯ

Обмерев,
с далекого берега
СССР
глазами выев,
привстав на цыпочки,
смотрит Америка,
не мигая,
в очки роговые.
Что это за люди
породы редкой
копошатся стройкой
там,
поодаль?
Пофантазировали
с какой-то пятилеткой...
А теперь
выполняют
в 4 года!
К таким
не подойдешь
с американской меркою.
Их не соблазняют
ни долларом,
ни гривною,

и они
во всю
человечью энергию
круглую
неделю
дуют в непрерывную.
Что это за люди?
Какая закалка!
Кто их
так
в работу вкли́нил?
Их
не гонит
никакая палка —
а они
сжимаются
в стальной дисциплине!
Мистеры,
у вас
практикуется исстари
деньгой
окупать
строительный норов.
Вы
не поймете,
пухлые мистеры,
корни
рвения
наших коммунаров.
Буржуи,
дивитесь
коммунистическому берегу —
на работе,
в аэроплане,
в вагоне
вашу
быстроногую
знаменитую Америку
мы
и догоним
и перегоним.

Сентябрь 1929

РАССКАЗ ХРЕНОВА О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

> К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.
>
> *Из разговора*

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старою
телегою
рабочие лежат.
И слышит
шепот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут,
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:

«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шепот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.

Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».
Рос
шепоток рабочего
над темью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».
Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

Ноябрь 1929

МАРШ УДАРНЫХ БРИГАД

Вперед
тракторами по целине!
Домны
коммуне
подступом!
Сегодня
бейся, революционер,
на баррикадах
производства.
Раздувай
коллективную
грудь-меха,
лозунг
мчи
по рабочим взводам.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.
Вперед,
в египетскую
русскую темь,
как
гвозди,
вбивай
лампы!
Шаг держи!
Не теряй темп!
Перегнать
пятилетку
нам бы.
Распрабабкиной техники
скидывай хлам.
Днепр,
турбины
верти по заводьям.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.

Вперед!
Коммуну
из времени
вод
не выловишь
золото-рыбкою.
Накручивай,
наворачивай ход
без праздников —
непрерывкою.
Трактор
туда,
где корпела соха,
хлеб
штурмуй
колхозным
походом.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.
Вперед
беспрогульным
гигантским ходом!
Не взять нас
буржуевым гончим!
Вперед!
Пятилетку
в четыре года
выполним,
вымчим,
закончим.
Электричество
лей,
река-лиха!
Двигай фабрики
фырком зловодым.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов
к ударным заводам.

Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным
сиянием радужным.
Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошним.
Этот лозунг
неси
бряцаньем стиха,
размалюй
плакатным разводом.
От ударных бригад
к ударным цехам,
от цехов —
к ударным заводам.

Декабрь 1929

ЭПИГРАММЫ

БЕЗЫМЕНСКОМУ

Томов гробóвых
камень веский,
на камне надпись —
«Безыменский».
Он усвоял
наследство дедов,
столь сильно
въевшись
в это едово,
что слег
сей вридзам Грибоедов
от несваренья грибоедова.
Трехчасовой
унылый «Выстрел»
конец несчастного убыстрил.

АДУЕВУ

Я скандалист!
Я не монах.
Но как
под ноготь
взять Адуева?
Ищу
у облака в штанах,
но как
в таких штанах найду его?

СЕЛЬВИНСКИЙ

Чтоб желуди с меня
удобней воровать,
поставил под меня
и кухню, и кровать.
Потом переиздал, подбавив собственного сала.
А дальше —
слово
товарища Крылова:
«И рылом
подрывать
у дуба корни стала».

БЕЗЫМЕНСКОМУ

Уберите от меня
этого
бородатого комсомольца! —
Десять лет
в хвосте семеня,
он
на меня
или неистово молится,
или
неистово
плюет на меня.

УТКИНУ

О бард,
сгитарьте тарарайра нам!
Не вам
строчить
агитки хламовые.
И бард поет,
для сходства с Байроном
на русский
на язык
прихрамывая.

ГАНДУРИНУ

Подмяв моих комедий глыбы,
сидит Главрепертком Гандурин.
— А вы ноктюрн сыграть могли бы
на этой треснувшей бандуре?

9—14 января 1930

ЛЕНИНЦЫ

Если
блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война горяча —
это потому,
что примером,
мерилом
было
слово
и мысль Ильича.

— Вперед
за республику
лавой атак!

На первый
военный клич! —
Так
велел
защищаться
Ильич.
Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.
Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!
Так
работать
велел Ильич.
«Снижай себестоимость,
выведи брак!» —
гудков
вызывает
зыч, —
так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.
Огнем
пустыри расфабричь!
Так
Советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак.

Траты
учись стричь, —
так
хозяйничать
звал Ильич.
Огнями ламп
просверливай мрак,
республику
разэлектричь, —
так
велел
рассветиться
Ильич.
Религия — опиум,
религия — враг,
довольно
поповских притч, —
так
жить
велел Ильич.
Достань
бюрократа
под кипой бумаг,
рабочей
ярости
бич, —
так
бороться
велел Ильич.
Не береги
от критики
лак,
чин
в оправданье
не тычь, —
так
велел
держаться
Ильич.
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,

справа
в уныньи не хнычь, —
так
идти
наказал Ильич.
Намордник фашистам!
Довольно
собак
спускать
на рабочую «дичь»!
Так
велел
наступать Ильич.

Не хнычем,
а торжествуем
и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

Январь 1930

* * *

Во весь
медногорлый
гудочный клич,
всеми
раскатами
тракторного храпа,
тебе,
товарищ
Владимир Ильич,
сегодня
республика
делает рапорт.

Новь
пробивается
во все углы.
Строй старья —
разболтан.
Обещаем тебе,
работники иглы,
работники серпа
и молота:
— Мы счистим подлиз
и вредителей слизь,
мы труд
разупорствуем
втрое,
но твой
человеческий
социализм
на всей
планете
построим!

Январь 1930

ПОЭМЫ

(1924—1930)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Российской
Коммунистической **партии**
посвящаю

Время —
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более,
время
потому,
что резкая тоска
стала ясною,
осознанною болью.
Время,
снова
ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
растекаться
слезной лужею, —
Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знанье —
сила
и оружие.
Люди — лодки.
Хотя и на суше.

Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных раку́шек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий
ленинский
огромный лоб.
Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.

За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
Промерзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?
Слово зá словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слóва мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,

мала
    календарная мера,
мы говорим —
        «эпоха»,
мы говорим —
        «эра».
Мы
  спим
    ночь.
Днем
    совершаем поступки.
Любим
    свою толочь
воду
    в своей ступке.
А если
    за всех смог
направлять
        потоки явлений,
мы говорим —
        «пророк»,
мы говорим —
        «гений».
У нас
    претензий нет, —
не зовут —
        мы и не лезем;
нравимся
        своей жене,
и то
    довольны донéльзя.
Если ж,
    телом и духом слит,
прет
    на нас непохожий,
шпилим —
        «царственный вид»,
удивляемся —
        «дар божий».
Скажут так —
        и вышло
            ни умно, ни глупо.

Повисят слова
                        и уплывут, как ды́мы.
Ничего
          не выколупишь
                                  из таких скорлупок.
Ни рукам,
              ни голове не ощутимы.
Как же
          Ленина
                        таким аршином мерить!
Ведь глазами
                        видел
                              каждый всяк —
«эра» эта
              проходила в двери,
даже
        головой
                    не задевая о косяк.
Неужели
            про Ленина тоже:
«вождь
          милостью божьей»?
Если б
          был он
                    царствен и божествен,
я б
    от ярости
                  себя не поберег,
я бы
      стал бы
                  в перекоре шествий,
поклонениям
                  и толпам поперек.
Я б
    нашел
            слова
                  проклятья громоустого,
и пока
          растоптан
                        я
                        и выкрик мой,

я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
долой!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба —
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.
Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью,
сердце, холодей.
Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.

Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,

становил
рабочей — человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.
И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
о́тдал?!
Да не я один!
Да что я,
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!

Что он сделал
кто он
и откуда
Этот
самый человечный человек

Рождение
21 апреля 70 год
смерть 21 января 23го
~~Теперь~~ Короткая
от рождения
до смертных мгновений
нам
известна жизнь
~~жизнь~~ ~~дни~~ Ульянова
Но ~~жизнь~~ долгую жизнь
~~живого~~
товарища Ленина
надо
писать
и писать заново

Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажьих
покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный
и луженый,

прорезая
древние века, —
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покоренной
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы зá небо:
— Нами
к золоту
пути мостúте.
Мы родим,
пошлем,
придет когда-нибудь
человек,
борец,
каратель,
мститель! —
И уже
смешались
облака и ды́мы,
будто
рядовые
одного полка.

Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.
Товары
растут,
меж нищими высясь.
Директор,
лысый черт,
пощелкал счетами,
буркнул:
«кризис!»
и вывесил слово:
«расчет».
Крапило
сласти
мушиное се́ево,
хлеба́
зерном
в элеваторах портятся,
а под витринами
всех Елисеевых,
живот подведя,
плелась безработица.
И бурчало
у трущоб в утробе,
покрывая
детвориный плачик:
— Под работу,
под винтовку ль,
на́ —
ладони обе!
Приходи,
заступник
и расплатчик! —
Эй,
верблюд,
открыватель колоний!
Эй,
колонны стальных кораблей!

Марш
в пустыни,
огня раскаленней!
Пеньте пену
бумаги белей!
Начинают
черным лата́ться
оазисы
пальмовых нег.
Вон
среди
золотистых плантаций
засеченный
вымычал негр:
— У-у-у-у-у,
у-у-у!
Нил мой, Нил!
Приплещи
и выплещи
черные дни!
Чтоб чернее были,
чем я во сне,
и пожар чтоб
крови вот этой красней.
Чтоб во всем этом кофе,
враз вскипелом,
вариться пузатым —
черным и белым.
Каждый
добытый
слоновий клык —
тык его в мясо,
в сердце тык.
Хоть для правнуков,
не зря чтоб
кровью литься,
выплыви,
заступник солнцелицый.
Я кончаюсь, —
бог смертей
пришел и поманил.

Помни
это заклинанье,
Нил,
мой Нил! —
В снегах России,
в бреду Патагонии
расставило
время
станки потогонные.
У Ива́нова уже
у Вознесенска
каменные туши
будоражат
выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина».
Внуки
спросят:
— Что такое капиталист? —
Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?.. —
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно́!

Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
Люди
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил
детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык — парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвел —
не увидишь такого!

Художник
— не один! —
по стенам поерзал.
Пол ампиристый,
потолок рококóвый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторза.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя —
распродает
старухам
дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец
и он
перерос себя,
за него
работает раб.

Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!! —
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей!
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат —
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм — западня.
Для нас
это слово —
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.
Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам:
— Мы прорвемся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет.
С этих нар
рабочий сын —
пролетариатоводец. —
Им
уже
земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить
чужой горлéц.

Идут,
железом
клацая и лацкая.
— Убивайте!
Двум буржуям тесно! —
Каждое село —
могила братская,
города́ —
завод протезный.
Кончилось —
столы
накрыли чайные.
Пирогом
победа на столе.
— Слушайте
могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
нас
увидите
в военной яви.
Эту
время
не простит вину.
Он расплатится,
придет он
и объявит
вам
и вашинской войне
войну! —
Вырастают
на земле
слезы́ озёра,
слишком
непролазны
крови топи.
И клонились
одиночки фантазеры
над решением
немыслимых утопий.

Голову
об жизнь
разбили филантропы.
Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?
И уже
бессилен
сам капиталист,
так
его
машина размахалась, —
строй его
несет,
как пожелтелый лист,
кризисов
и забастовок ха́ос.
— В чей карман
стекаем
золотою лавой?
С кем идти
и на кого пенять? —
Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
себя понять.
Время
часы
капитала
крало,
побивая
прожекторов яркость.
Время
родило
брата Карла —
старший
ленинский брат
Маркс.
Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.

Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя стóймя,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого,
до быка
доросшего тельца.

Нам казалось —
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля́.
Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы, —
Маркс
рабочего
поставил на́ ноги
и повел
колоннами
стройнее цифр.
Вел
и говорил: —
Сражаясь, лягте,
дело —
корректура
выкладкам ума.
Он придет,
придет
великий практик,
поведет
полями битв,
а не бумаг! —
Жерновами дум
последнее меля́
и рукой
дописывая
восковой,

знаю,
Марксу
виделось
видение Кремля
и коммуны
флаг
над красною Москвой.
Назревали,
зрели дни,
как дыни,
пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отвесные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
сколько гроз
гудит
от нарастаний.
Завершается
восстанием
гнева нарастание,
нарастают
революции
за вспышками восстаний.
Крут
буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стеная,
тени прадедов,
парижских коммунаров,
и сейчас
вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!

Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс. —
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колес
землища двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос вовсю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи...
По всему поэтому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.

▲

Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы —
на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.
Скажут —
это
о булавках а́хи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи

сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными славянскими
крюками,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственною головой
прошел он
этот путь.
Сверху
взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синей,
чем вода весной,
синяки
Руси крепостной.
Ты
с боков
на Россию глянь —
и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу в склянь
горы,
каторги
и рудники.
Но и каторг
больнее была
у фабричных станков
кабала.

Были страны
богатые более,
красивее видал
и умней.
Но земли
с еще большей болью
не довиделось
видеть
мне.
Да, не каждый
удар
сотрешь со щеки.
Крик крепчал:
— Подымайтесь
за землю и волю вы! —
И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за рево́львер.
Хорошо
в царя
вогнать обойму!
Ну, а если
только пыль
взметнешь у колеса?!
Подготовщиком
цареубийства
пойман
брат Ульянова,
народоволец
Александр.
Одного убьешь —
другой
во весь свой пыл
пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
И Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.

И тогда
сказал
Ильич семнадцатигодовый —
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдем путем другим! —
Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
нá плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце:
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.

Капитализм — враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
подымем восстанием.
Мы уже
не тише вод,
травинок ниже —
гнев
трудящихся
густится в туче.
Режет
молниями
Ильичевых книжек.
Сыпет
градом
прокламаций и летучек.
Бился
об Ленина
темный класс,
тёк
от него
в просветленьи,

и, обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин.
И уже
превращается в быль
то,
в чем юношей
Ленин кля́лся:
— Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса. —
Ленинизм идет
всё далее
и более
вширь
учениками
Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.
Нынче
нами
шар земной заверчен.
Даже
мы,
в кремлевских креслах если, —
скольким
вдруг
из-за декретов Нерчинск
кандалами
раззвенится в кресле!

Вам
    опять
        напомню птичий путь я.
За волчком —
        трамваев
            электрическая рысь.
Кто
    из вас
        решетчатые прутья
не царапал
        и не грыз?!
Лоб
    разбей
        о камень стенки тесной —
за тобою
        смыли камеру
            и замели.
«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».
Полюбилась Ленину
            в какой из ссылок
этой песни
        траурная сила?
Говорили —
        мужичок
            своей пойдет дорогой,
заведет
    социализм
            бесхитростен и прост.
Нет,
    и Русь
        от труб
            становится сторо́гой.
Город
    дымной бородой оброс.
Не попросят в рай —
            пожалуйста,
                войдите —
через труп буржуазии
            коммунизма шаг.
Ста крестьянским миллионам
            пролетариат — водитель.

Ленин —
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эсерик прыткий,
сам охочий до рабочих шей, —
Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья, —
мы
в марксовом всеоружии
одна
на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе
в глаза
вонзается теперь
РКП
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.

Слова
      у нас
            до важного самого
в привычку входят,
                  ветшают, как платье.
Хочу
      сиять заставить заново
величественнейшее слово
                        «ПАРТИЯ».
Единица!
            Кому она нужна?!
Голос единицы
                  тоньше писка.
Кто ее услышит? —
                  Разве жена!
И то
      если не на базаре,
                        а близко.
Партия —
            это
                  единый ураган,
из голосов спрессованный
                        тихих и тонких,
от него
      лопаются
                  укрепления врага,
как в канонаду
                  от пушек
                        перепонки.
Плохо человеку,
                  когда он один.
Горе одному,
                  один не воин —
каждый дюжий
                  ему господин,
и даже слабые,
                  если двое.
А если
      в партию
                  сгрудились малые —
сдайся, враг,
            замри
                  и ляг!

Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?

Мы говорим — Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим —
партия,
подразумеваем —
Ленин.
Еще
горой
коронованные гла́вы,
и буржуи
чернеют,
как во́роны в зиме,
но уже
горение
рабочей лавы
по кратеру партии
рвется из-под земель.
Девятое января.
Конец гапонщины.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснется.

Ильич уже здесь.
Он изо дня нá день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека!
Смотрите,
как здесь,
связавши зá локти,
рабочих нáсмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и всё изгадили.

Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружье браться. —
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —
И этот год
в кровавой пене,
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.
И Ленин
снова
в своем изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.

Он учит
и сам вбирает знание,
он партию
вновь
собирает разбитую.
Смотри —
забастовки
вздымают год,
еще —
и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.
Так пишут —
солдат-де
раскурит трубку,
балакать пойдет
о походах древних,
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,
к Плевне?!
Империализм
во всем оголении —
живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени —
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы —
патриоты —
приспособились Вовы —
пишут,
руки предавшие вымыв:
— Рабочий,
дерись
до последней крови! —

Земля —
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и рваль.
Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.
Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над —
мысли,
ярче
всякого пожарища,
голос,
громче
всех канонад.
Оттуда —
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек, —
скуластый
и лысый
один человек.
— Солдаты!
Буржуи,
предав и про́дав,
к туркам шлют,
за Верден,
на Двину.
Довольно!
Превратим
войну народов
в гражданскую войну!

Довольно
разгромов,
смертей и ран,
у наций
нет
никакой вины.
Против
буржуазии всех стран
подымем
знамя
гражданской войны! —
Думалось:
сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдунет гнилью,
потом поди
ищи человечка,
поди
вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и вывших,
друг другу
страны
орут —
на колени!
Додрались,
и вот
никаких победивших —
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!
Мы
истощили
терпенье ангельское.
Ты
восставшею
Россией прорвана
от Тавриза
и до Архангельска.

Империя —
это тебе не ку́ра!
Клювастый орел
с двухглавою властью.
А мы,
как докуренный окурок,
просто
сплюнули
их династью.
Огромный,
покрытый кровавою ржою,
народ,
голодный и голоштанный,
к Советам пойдет
или будет
буржую
таскать,
как и встарь,
из огня каштаны?
— Народ
разорвал
оковы царьи,
Россия в буре,
Россия в грозе, —
читал
Владимир Ильич
в Швейцарии,
дрожа,
волнуясь
над кипой газет.
Но что
по газетным узнаешь клочьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,
на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль.

Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!
Питерцы
всё еще,
всем на радость,
лобзались,
скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарадясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг —
и дойдут до точки,
дойдут
и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.
Сначала мелочь —
вроде мальков.
Потом повзрослее —
от шпротов до килечек.
Потом Дарданелльский,
в девичестве Милюков,
за ним
с коронацией
прет Михаильчик.
Премьер
не власть —
вышивание гладью!

Это
тебе
не грубый нарком.
Прямо девушка —
иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
поет тенорком.
Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев —
уже хворостинки —
«марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славненького,
нас предававшие
и до
и потóм,
вокруг
сторожами
эсеры да Савинковы,
меньшевики —
ученым котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.

Литейный
залили
блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил. —
— Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья.
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть Советов! —
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,

встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщь
окрутивших
соглашательских веревок
слова Ильича
ударами топора.
И речь
прерывало
обвалами рева:
«Правильно, Ленин!
Верно!
Пора!»
Дом
Кшесинской,
за дрыгоножество
подаренный,
нынче —
рабочая блузница.
Сюда течет
фабричное множество,
здесь
закаляется
в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй».
Уж лезет
к сидящим
в хозяйском стуле —
как живете
да что жуете?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.
Буржуевы зубья
ощерились разом.

— Раб взбунтовался!
Плетями,
да в кровь его! —
И ручку
Керенского
водят приказом —
на мушку Ленина!
В Кресты Зиновьева!
И партия
снова
ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
Ильич в Финляндии.
Но ни чердак,
ни шалаш,
ни поле
вождя
не дадут
озверелой банде их.
Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
работа движется как,
видна
направляющая
ленинская мысль,
видна
ведущая
ленинская рука.
Словам Ильичевым —
лучшая почва:
падают,
сейчас же
дело растя,
и рядом
уже
с плечом рабочего —
плечи
миллионов крестьян.
И когда
осталось
на баррикады выйти,

день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель!
Гнет капитала,
голод-уродина,
войн бандитизм,
интервенция во́рья —
будет! —
покажутся
белее родинок
на теле бабушки,
древней истории. —
И оттуда,
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
десяти тысячелетий
к векам
коммуны
сияющий перевал.
Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет лета́,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.

И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что про́жил,
и роюсь в днях —
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же —
двадцать пятое,
первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там. —

— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт! —
— По приказу
товарища Троцкого! —
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло —
«Аврора».
Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.
Уже
Ильичем
поведенные в битвы,
еще
не зная
его по портретам,
толкались,
орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,

шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за́ спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —

фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным. —
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! —
Буржуи
прочли
— погодите,
выловим, —
животики пятят
доводом веским —
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керéнским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли —
деревня
и город
декретами зáлит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,
какое такое бывает
«ужо».
Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.
Земля —
подстилка под ихними порками,
и вдруг
ее,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжетщики,
злобой похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.
С окопов
летело
в немецкие уши:
— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползался
в улитки теплушек.

Такую ли
течь
загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористей,
сотрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:
— Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время. —
Чтоб не передо́хнуть
нам
в передышку,
чтоб знал —
запомнят удары мои,
себя
не муштровкой —
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.

Историки
с гидрой плакаты выдерут,
— чи эта гидра была,
чи нет? —
а мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берег.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят с плеча.

Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.
Эсеры
целят
не очень верно —
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьвéрных
осада голода,
осада тифóв.
Смотрите —
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году, —
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите, —
завод за картошку —
кому он не жалок!
И десятикорпусный
судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
простой и верненький —

запрячь хлеба́
да зарой в кубышки
николаевки
да ке́ренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.

Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка —
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!
Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!

Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются, воя,
но так
лишь Ильич умел и мог —
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
— купля —
— продажа —
— нэп.
Прищурился Ленин:
— Чинитесь пока чего,
аршину учись,
не научишься —
плох. —
Команду
усталую
берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
что за подвох?
Залив
Ильичем
указан глубокий
и точка
смычки-причала
найдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.

И Ленин
сам
где железо,
где дерево
носил
чинить
пробитое место.
Стальными листами
вздымал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.
И снова
становится
Ленин штурман,
огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился —
на берег
за вóрот.
Теперь вперед!
Отступленье окончено.
РКП,
команду на борт!
Коммуна — столетия,
что десять лет для ней?
Вперед —
и в прошлом
скроется нэпчик.
Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче.

Вот этой
мелкобуржуазной стихии
еще
колышется
мертвая зыбь,
но, тихие
тучи
молнией выев,
уже —
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет —
над миром
зажжем небеса,
но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать.
Теперь,
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем —
пролетариат — победитель,
и Ленин —
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея —
шагов Ильича
от победы к победе.

Революции —
тяжелые вещи,
один не подымешь —
согнется нога.
Но Ленин
меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.
Подымаются страны
одна за одной —
рука Ильича
указывала верно:
народы —
черный,
белый
и цветной —
становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны —
буржуи
пяти частей света,
вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичевой республике Советов.
Нам
не страшно
усилие ничье,
мчим
вперед
паровозом труда...
и вдруг
стопудовая весть —
с Ильичем
удар.

▲

Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.
Еще бы —
такое
не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас банды
Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! — ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
— Да здравствует коммунизм! —
Кресло за креслом,
ряд в ряд
эта сталь,
железо это
вваливалось
двадцать второго января
в пятиэтажное здание
Съезда Советов.
Усаживались,
кидались усмешкою,
решали
пóходя
мелочь дел.
Пора открывать!
Чего они мешкают?

Чего
президиум,
как вырубленный, поредел?
Отчего
глаза
краснее ложи?
Что с Калининым?
Держится еле.
Несчастье?
Какое?
Быть не может!
А если с ним?
Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
Слёзы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене:
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.

День
        векам
                войдет
                        в тоскливое преданье.
Ужас
        из железа
                        выжал стон.
По большевикам
                        прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
                Самих себя же
                        выволакивали
                                волоком.
Разузнать —
                когда и как?
                        Чего таят!
В улицы
            и в переулки
                        катафалком
плыл
        Большой театр.
Радость
            ползет улиткой.
У горя
        бешеный бег.
Ни солнца,
            ни льдины слитка —
всё
    сквозь газетное ситко
черный
        засеял снег.
На рабочего
            у станка
весть набросилась.
                    Пулей в уме.
И как будто
            слезы́ стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
            видавший виды,
смерти
        в глаз
            смотревший не раз,

отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.
Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьезничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые.
Ветер
всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло —
и видите под...
Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ.
Улица
будто рана сквозная —
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает

по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,
что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердца́ ему
ветками елок стели.
Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий —
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.
Он зе́мли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.
И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
шепчут:
— Любимый и милый!

Живи,
и не надо
судьбы прекрасней —
сто раз сразимся
и ляжем в могилы! —
Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть
и его разбудят, —
плотина улиц
враспашку раство́рится,
и с песней
на́ смерть
ринутся люди.
Но нету чудес,
и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
гроб
и согнутые плечи.
Он был человек
до конца человечьего —
неси
и казнись
тоской человечьей.
Вовек
тако́го
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому Союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,

а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную,
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвенит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.
Желтое солнце,
косое и лаковое,
взойдет,
лучами к подножью кидается.
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы.
Вплывали
ночи
на спинах дней,
часы меняя,
путая даты.

Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.

Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб его́ лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за...
Может быть,
в глаза без слез
увидеть можно больше.
Не в такие
я
смотрел глаза.
Знамен
плывущих
склоняется шелк
последней
почестью отданной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь, благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —
как будто
идешь
по проволоке про́вода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звенящего марша вода
относит
тело мое невесомое.

Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.
Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бой, —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и веками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!

Пройдут
и на́верх
смотрят с опаской,
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамен в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.

У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.
Но вот
издалёка,
оттуда,
из алого,
в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос —
как будто Муралова —
«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже —
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая
тело-тяжесть,
с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,
ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:

— Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине клоповой!
Товарищ секретарь!
На́ тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,
весь завод... —
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.
— Товарищ секретарь,
бери ручку...
Говорят — заменим...
Надо, мол...
Я уже стар —
берите внучика,
не отстает —
подай комсомол. —
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.

«По морям,
по морям,
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
тра́-та-та-та́-та
та́-та-та-та́.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.

С этого знамени,
с каждой складки
снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.

1924

ХОРОШО!
ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЭМА

1

Время —
вещь необычайно длинная, —
были времена —
прошли былинные.
Ни былин,
ни эпосов,
ни эпопей.
Телеграммой
лети,
строфа!
Воспаленной губой
припади
и попей
из реки
по имени — «Факт».
Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.

Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.
Я хочу,
чтобы, с этою
книгой побыв,
из квартирного
мирка
шел опять
на плечах
пулеметной пальбы,
как штыком,
строкой
просверкав.
Чтоб из книги —
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого,
в мускулы
усталые
лилась
строящая
и бунтующая сила.
Этот день
воспевать
никого не наймем.
Мы
распнем
карандаш на листе,
чтобы шелест страниц,
как шелест знамен,
надо лбами
годов
шелестел.

2

«Кончайте войну!
Довольно!
Будет!
В этом
голодном году —
невмоготу.
Врали:
«народа —
свобода,
вперед,
эпоха,
заря...» —
и зря.
Где
земля,
и где
закон,
чтобы землю
выдать
к лету? —
Нету!
Что же
дают
за февраль,
за работу,
за то,
что с фронтов
не бежишь? —
Шиш.
На шее
кучей
Гучковы,
черти,
министры,
Родзянки...
Мать их за́ ноги!

Власть
к богатым
рыло
воротит —
чего
подчиняться
ей?!.
Бей!!»

То громом,
то шепотом
этот ропот
сползал
из Керенской
тюрьмы-решета.
В деревни
шел
по травам и тропам,
в заводах
сталью зубов скрежетал.
Чужие
партии
бросали швырком.
— На что им
сбор
болтунов
дался́?! —
И отдавали
большевикам
гроши,
и силы,
и голоса.
До са́мой
мужичьей
земляной башки
докатывалась слава, —
лила́сь
и слы́ла,

что есть
за мужиков
какие-то
«большаки»
— у-у-у!
Сила! —

3

Царям
дворец
построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
старели.
Дворец
не думал
о вертлявом постреле,
не гадал,
что в кровати,
царицам вверенной,
раскинется
какой-то
присяжный поверенный.
От орлов,
от власти,
одеял
и кру́жевца
голова
присяжного поверенного
кружится.
Забывши
и классы
и партии,
идет
на дежурную речь.
Глаза
у него
бонапартьи
и цвета
защитного
френч.

Слова и слова.
Огнесловая лава.
Болтает
сорокой радостной.
Он сам
опьянен
своею славой
пьяней,
чем сорокаградусной.
Слушайте,
пока не устанете,
как щебечет
иной адъютантик:
«Такие случаи были —
он едет
в автомобиле.
Узнавши,
кто
и который, —
толпа
распрягла моторы!
Взамен
лошадиной силы
сама
на руках носила!»
В аплодисментном
плеске
премьер
проплывает
над Невским,
и дамы,
и дети-пузанчики
кидают
цветы и розанчики.
Если ж
с безработы
загрустится,
сам
себя
уверенно и быстро

назначает —
то военным,
то юстиции,
то каким-нибудь
еще
министром.
И вновь
возвращается,
сказанув,
ворочать дела
и вертеть казну.
Подмахивает подписи
достойно
и старательно.
«Аграрные?
Беспорядки?
Ряд?
Пошлите,
этот,
как его, —
карательный
отряд!
Ленин?
Большевики?
Арестуйте и выловите!
Что?
Не дают?
Не слышу без очков.
Кстати...
об его превосходительстве...
Корнилове...
Нельзя ли
сговориться
сюда
казачков?!.
Их величество?
Знаю.
Ну да!..
И руку жал.
Какая ерунда!

Императора?
На воду?
И черную корку?
При чем тут Совет?
Приказываю
туда,
в Лондон,
к королю Георгу».

Пришит к истории,
пронумерован
и скреплен,
и его
рисуют —
и Бродский и Репин.

4

Петербургские окна.
Синё и темно.
Город
сном
и покоем скован,
НО
не спит
мадам Кускова.
Любовь
и страсть вернулись к старушке.
Кровать
и мечты
розоватит восток.
Ее
волос
пожелтелые стружки
причудливо
склеил
слезливый восторг.
С чего это
девушка
сохнет и вянет?

Молчит...
но чувство,
видать, велико́.
Ее
утешает
усастая няня,
видавшая виды, —
Пе Эн Милюков.
«Не спится, няня...
Здесь так душно...
Открой окно
да сядь ко мне».
— Кускова,
что с тобой? —
«Мне скушно...
Поговорим о старине».
— О чем, Кускова?
Я,
бывало,
хранила
в памяти
немало
старинных былей,
небылиц —
и про царей
и про цариц.
И я б,
с моим умишкой хилым, —
короновала б
Михаила.
Чем брать
династию
чужую...
Да ты
не слушаешь меня?! —
«Ах, няня, няня,
я тоскую.
Мне тошно, милая моя.
Я плакать,
я рыдать готова...»

— Господь помилуй
и спаси...
Чего ты хочешь?
Попроси.
Чтобы тебе
на нас
не дуться,
дадим свобод
и конституций...
Дай
окроплю
речей водою
горящий бунт...—
«Я не больна.
Я...
знаешь, няня...
влюблена...»
— Дитя мое,
господь с тобою! —
И Милюков
ее
с мольбой
крестил
профессорской рукой.
— Оставь, Кускова,
в наши лета
любить
задаром
смысла нету.—
«Я влюблена»,—
шептала
снова
в ушко
профессору
она.
— Сердечный друг,
ты нездорова.—
«Оставь меня,
я влюблена».

— Кускова,
нервы, —
полечись ты..., —
«Ах, няня,
он
такой речистый...
Ах, няня-няня!
няня!
Ах!
Его же ж
носят на руках.
А как поет он
про свободу...
Я с ним хочу, —
не с ним,
так в воду».
Старушка
тычется в подушку,
и только слышно:
«Саша! —
Душка!»
Смахнувши
слезы
рукавом,
взревел усастый нянь:
— В кого?
Да говори ты нараспашку! —
«В Керенского...»
— В какого?
В Сашку? —
И от признания
такого
лицо
расплылось
Милюкова.
От счастия
профессор ожил:
— Ну, это что ж —
одно и то же!

При Николае
и при Саше
мы
сохраним доходы наши. —

Быть может,
на брегах Невы
подобных
дам
видали вы?

5

Звякая
шпорами
довоенной выковки,
аксельбантами
увешанные до пупов,
говорили —
адъютант
(в «Селекте» на Лиговке)
и штабс-капитан
Попов.
«Господин адъютант,
не возражайте,
не дам, —
скажите,
чего еще
поджидаем мы?
Россию
жиды
продают жидам,
и кадровое
офицерство
уже под жидами!
Вы, конешно,
профессор,
либерал,
но казачество,
пожалуйста,
оставьте в покое.

Например,
мое положенье беря,
это...
черт его знает, что это такое!
Сегодня с денщиком:
ору ему
— Эй,
наваксь
щиблетину,
чтоб видеть рыло в ней! —
И конешно —
к матушке,
а он *меня*
к *моей*,
к матушке,
к свет
к Елизавете Кирилловне!»
— «Нет,
я не за монархию
с коронами,
с орлами,
НО
для социализма
нужен базис.
Сначала демократия,
потом
парламент.
Культура нужна.
А мы —
Азия-с!
Я даже —
социалист.
Но не граблю,
не жгу.
Разве можно сразу?
Конешно, нет!
Постепенно,
понемногу,
по вершочку,
по шажку,
сегодня,
завтра,
через двадцать лет.

А эти?
От Вильгельма кресты да ленты.
В Берлине
выходили
с билетом перронным.
Деньги
штаба —
шпионы и агéнты.
В Кресты бы
тех,
кто ездит в пломбирóванном!»
— «С этим согласен,
это конешно,
этой сволочи
мало повешено».
— «Ленина,
который
смуту сеет,
председателем,
што ли,
совета министров?
Что ты?!
Рехнулась, старушка Расея?
Касторки прими!
Поправьсь!
Выздоровь!
Офицерам —
Суворова,
Голенищева-Кутузова,
благодаря
политикам ловким,
быть
под началом
Бронштейна бескартузого,
какого-то
бесштанного
Лёвки?!
Дудки!
С казачеством
шутки плохи́ —
повыпускаем
им
потроха...»

И всё адъютант
— ха да хи —
Попов
— хи да ха.
«Будьте дважды прокляты
и трижды поколейте!
Господин адъютант,
позвольте ухо:
их
...превосходительство
...ерал
Каледин,
с Дону,
с плеточкой,
извольте понюхать!
Его превосходительство...
Да разве он один?!
Казачество кубанское,
Днепр,
Дон...»
И всё стаканами —
дон и динь,
и шпорами —
динь и дон.
Капитан
упился, как сова.
Челядь
чайники
бесшумно подавала.
А в конце у Лиговки
другие слова
подымались
из подвалов.
«Я,
товарищи, —
из военной бюры.
Кончили заседание —
то́ка-то́ка.

Вот тебе,
к маузеру,
двести бери,
а это —
сто патронов
к винтовкам.
Пока
соглашатели
замазывали рты,
подходит
казатчина
и самокатчина.
Приказано
питерцам
идти на фронты,
а сюда
направляют
с Гатчины.
Вам,
которые
с Выборгской стороны,
вам
заходить
с моста́ Литейного.
В сумерках,
тоньше
дискантовой струны,
не галдеть
и не делать
заведенья питейного.
Я
за Лашевичем
беру телефон, —
не задушим,
так нас задушат.
Или
возьму телефон,
или вон
из тела
пролетарскую душу.

Сам
приехал,
в пальтишке рваном, —
ходит,
никем не опознан.
Сегодня,
говорит,
подыматься рано.
А послезавтра —
поздно.
Завтра, значит.
Ну, несдобровать им!
Быть
Керенскому
биту и ободрану!
Уж мы
подымем
с царёвой кровати
эту
самую
Александру Федоровну».

6

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами,
как дуют
при капитализме.
За Троицкий
дули
авто и трамы,
обычные
рельсы
вызмеив.

Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...

От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься.

В бешеном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий,
вроде
упакованной трубы,
за Гатчину,
забившись,
улепетывал бывший —
«В рог,
в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»

Видят
редких звезд глаза,
окружая
Зимний
в кольца,
по Мильонной
из казарм
надвигаются кексгольмцы.

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в места атак
флажки.

Лучше
власть
добром оставь,
никуда
тебе
не деться!

Ото всех
идут
застав
к Зимнему
красногвардейцы.

Отряды рабочих,
матросов,
голи —
дошли,
штыком домерцав,
как будто
руки
сошлись на горле,
холёном
горле
дворца.
Две тени встало.
Огромных и шатких.
Сдвинулись.
Лоб о лоб.
И двор
дворцовый
руками решетки
стиснул
торс
толп.
Качались
две
огромных тени
от ветра
и пуль скоростей, —
да пулеметы,
будто
хрустенье
ломаемых костей.
Серчают стоящие павловцы.
«В политику...
начали...
баловаться...

Куда
    против нас
        бочкаревским дурам?!
Приказывали б
        на штурм».
Но тень
    боролась,
        спутав лапы, —
и лап
    никто
        не разнимал и не рвал.
Не выдержав
    молчания,
        сдавался слабый —
уходил
    от испуга,
        от нервá.
Первым,
    боязнью одолен,
снялся
    бабий батальон.
Ушли с батарей
        к одиннадцати
михайловцы или константиновцы...
А Кéренский —
        спрятался,
            попробуй
                вымань его!
Задумывалась
        казачья башка.
И
 редели
    защитники Зимнего,
как зубья
    у гребешка.

И долго
    длилось
        это молчанье,
молчанье надежд
        и молчанье отчаянья.

А в Зимнем,
в мягких мебеля́х
с бронзовыми вы́крутами,
сидят
министры
в меди блях,
и пахнет
гладко выбритыми.
На них не глядят
и их не слушают —
они
у штыков в лесу.
Они
упадут
переспевшей грушею,
как только
их
потрясут.
Голос — редок.
Шепотом,
знаками.
— Ке́ренский где-то?
— Он?
За казаками. —
И снова молча.
И только
по́д вечер:
— Где Прокопович?
— Нет Прокоповича. —
А из-за Николаевского
чугунного моста́,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.
И вот
высоко
над воротником
поднялось
лицо Коновалова.

Шум,
который
тек родником,
теперь
прибоем наваливал.
Кто длинный такой?..
Дотянуться смог!
По каждому
из стекол
удары палки.
Это —
из трехдюймовок
шарахнули
форты Петропавловки.
А поверху
город
как будто взорван:
бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна, —
над Петропавловской
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак.
— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворвáлись.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров.

Как будто
водою
комнаты по́лня,
текли,
сливались
над каждой потерей,
и схватки
вспыхивали
жарче полдня
за каждым диваном,
у каждой портьеры.
По этой
анфиладе,
приветствиями о́ранной
монархам,
несущим
короны-клады, —
бархатными залами,
раскатистыми коридорами
гремели,
бились
сапоги и приклады.
Какой-то
смущенный
сукин сын,
а над ним
путило́вец —
нежней папаши:
— Ты,
парнишка,
выкладывай
ворованные часы —
часы
теперича
наши! —
Топот рос
и тех
тринадцать
сгреб,
забил,
зашиб,
затыркал.

Забились
под галстух —
за что им приняться? —
Как будто
топор
навис над затылком.
За двести шагов...
за тридцать...
за двадцать...
Вбегает
юнкер:
«Драться глупо!»
Тринадцать визгов:
— Сдаваться!
Сдаваться! —
А в двери —
бушлаты,
шинели,
тулупы...
И в эту
тишину
раскатившийся всласть
бас,
окрепший
над реями рея:
— Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время. —
И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как об чем-то простом
и несложном:
— Я,
председатель Реввоенкомитета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным. —

А в Смольном
толпа,
растопырив груди,
покрывала
песней
фейерверк сведений.
Впервые
вместо:
— и это будет... —
пели:
— и это есть
наш последний... —
До рассвета
осталось
не больше аршина, —
руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный».
Умолк пулемет.
Угодил толкóв.
Умолкнул
пуль
звенящий улей.
Горели,
как звезды,
грани штыков,
бледнели
звезды небес
в карауле.
Дул,
как всегда,
октябрь
ветрáми.
Рельсы
по мосту вызмеив,

гонку
свою
продолжали трамы
уже —
при социализме.

7

В такие ночи,
в такие дни,
в часы
такой поры
на улицах
разве что
одни
поэты
и воры́.
Сумрак
на мир
океан катну́л.
Синь.
Над кострами —
бур.
Подводной
лодкой
пошел ко дну
взорванный
Петербург.
И лишь
когда
от горящих вихров
шатался
сумрак бурый,
опять вспоминалось:
с боков
и с верхов
непрерывная буря.
На воду
сумрак
похож и так —
бездонна
синяя прорва.

А тут
еще
и виденьем кита
туша
Авророва.
Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты́.
И лишь
хорохорятся
костры
в сумерках
густых.
И здесь,
где земля
от жары вязка́,
с испугу
или со льда́,
ладони
держа
у огня в языках,
греется
солдат.
Солдату
упал
огонь на глаза,
на клок
волос
лег.
Я узнал,
удивился,
сказал:
«Здравствуйте,
Александр Блок.
Лафа футуристам,
фрак старья
разлазится
каждым швом».

Блок посмотрел —
костры горят —
«Очень хорошо».
Кругом
тонула
Россия Блока...
Незнакомки,
дымки севера
шли
на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.
И сразу
лицо
скупее менял,
мрачнее,
чем смерть на свадьбе:
«Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...
библиотéку в усадьбе».
Уставился Блок —
и Блокова тень
глазеет,
на стенке привстав...
Как будто
оба
ждут по воде
шагающего Христа.
Но Блоку
Христос
являться не стал.
У Блока
тоска у глаз.

Живые,
с песней
вместо Христа,
люди
из-за угла.

Вставайте!
Вставайте!
Вставайте,
работники
и батраки!
Зажмите,
косарь и кователь,
винтовку
в железо руки!
Вверх —
флаг!
Рвань —
встань!
Враг —
ляг!
День —
дрянь.
За хлебом!
За миром!
За волей!
Бери
у буржуев
завод!
Бери
у помещика поле!
Братайся,
дерущийся взвод!
Сгинь —
стар.
В пух,
в прах.
Бей —
бар!
Трах!
тах!

Довольно,
довольно,
довольно
покорность
нести
на горбах.
Дрожи,
капиталова дворня!
Тряситесь,
короны,
на лбах!
Жир
ёжь
страх
плах!
Трах!
тах!
Тах!
тах!

Эта песня,
перепетая по-своему,
доходила
до глухих крестьян —
и вставали села,
содрогая воем,
по дороге
топоры крестя.

Но-
жи-
чком
на
месте чик
лю-
то-
го
по-
мещика.

Гос-
по-
дин
по-
мещичек,
со-
би-
райте
вещи-ка!
До-
шло
до поры,
вы-
хо-
ди,
босы,
вос-
три
топоры,
подымай косы.
Чем
хуже
моя Нина?!
Ба-
рыни сами.
Тащь
в хату
пианино,
граммофон с часами!
Под-
хо-
ди-
те, орлы!
Будя —
пограбили.
Встречай в колы,
провожай
в грабли!
Дело
Стеньки
с Пугачевым,
разгорайся жарче-ка!

Все
поместья
богачевы
разметем пожарчиком.
Под-
пусть
петуха!
Подымай вилы!
Эх,
не
потухай,
пет-
тух милый!
Черт
ему
теперь
родня!
Головы —
кочаном.
Пулеметов трескотня
сыпется с тачанок.
«Эх, яблочко,
цвета ясного.
Бей
справа
белаво,
слева краснова».

Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды.

8

Холод большой.
Зима здоровá.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты.
Грузят дрова.
На трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.
В *наши* вагоны,
на *нашем* пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два, —
но *мы* —
уйдем поздно.
Нашим товарищам
наши дрова
нужны:
товарищи мерзнут.
Работа трудна,
работа
томит.
За нее
никаких копеек.
Но *мы*
работаем,
будто *мы*
делаем
величайшую эпопею.
Мы будем работать,
всё стерпя,
чтоб жизнь,
колёса дней торопя,

бежала
в железном марше
в *наших* вагонах,
по *нашим* степям,
в города
промерзшие
наши.

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядéй?»
— Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
собравшихся людей.

9

Перед нашею
республикой
стоят богатые.
Но как постичь ее?
И вопросам
разнедоуменным
нéт числа:
что это
за нация такая
«социалистичья»,
и что это за
«соци-
алистическое отечество»?
«Мы
восторги ваши
понять бессильны.
Чем восторгаются?
Про что поют?

Какие такие
фрукты-апельсины
растут
в большевицком вашем
раю?
Что вы знали,
кроме хлеба и воды, —
с трудом
перебиваясь
со дня на день?
Такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен?
За что вы
идете,
если велят —
«воюй»?
Можно
быть
разорванным бомбищей,
можно
умереть
за землю за *свою,*
но как
умирать
за общую?
Приятно
русскому
с русским обняться, —
но у вас
и имя
«Россия»
утеряно.
Что это за
отечество
у забывших об нации?
Какая нация у вас?
Коминтерина?

Жена,
да квартира,
да счет текущий —
вот это —
отечество,
райские кущи.
Ради бы
вот
такого отечества
мы понимали б
и смерть
и молодечество».
Слушайте,
национальный трутень, —
день наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

10

Политика —
проста.
Как воды глоток.
Понимают
ощерившие
сытую пасть,
что если
в Россиях
увязнет коготок,
всей
буржуазной птичке —
пропа́сть.
Из «сюртэ́ женера́ль»,
из «инте́ллидженс се́рвис»,
«дефензивы»
и «сигуранцы»

выходит
разная
сволочь и стерва,
шьет
шинели
цвета серого,
бомбы
кладет
в ранцы.
Набились в трюмы,
палубы обсели
на деньги
вербовочного áгентства.
В Новороссийск
плывут из Марселя,
из Дувра
плывут к Архангельску.
С песней,
с виски,
сыты по-свински.
Килями
вскопаны
воды холодные.
Смотрят
перископами
лодки подводные.
Плывут крейсера,
снаряды соря.
И
миноносцы
с минами носятся.
А
поверх
всех
с пушками
чудовищной длинноты
свéрх-
дредноуты.
Разными
газами
воняя гадко,

тучи
    пропеллерами выдрав,
с авиаматки
            на авиаматку
пе-
  ре-
     пархивают «гидро».
Послал
       капитал
             капитанов ученых.
Горло
     нащупали
             и стискивают.
Ткнешься
        в Белое,
             ткнешься
                    в Черное,
в Каспийское,
            в Балтийское —
куда
   корабль
          ни тычется,
конец
    катаниям.
Стоит
    морей владычица,
бульдожья
         Британия.
Со всех концов
блокады кольцо
и пушки
       смотрят в лицо.
— Красным не нравится?!
                      Им
                       голодно?!
Рыбкой
      наедитесь,
             пойдя
                  на дно. —

А кому
на суше
грабить охота,
те
с кораблей
сходили пехотой.
— На море потопим,
на суше
потопаем. —
Чужими
руками
жар гребя,
дым
отечества
пускают
пострелины —
выставляют
впереди
одураченных ребят,
баронов
и князей недорасстрелянных.

Могилы копайте,
гроба копи́те —
Юденича
рати
прут
на Питер.
В обозах
е́ды вку́снятся,
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер
прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,
сибирский
хлеб
сапогом толча.

Рабочим на расстрел,
поповнам на утехи,
с ним
идут
голубые чехи.
Траншеи,
машинами выбранные,
саперами
Крым
перекопан, —
Врангель
крупнокалиберными
орудует
с Перекопа.
Любят
полковников
сентиментальные леди.
Полковники
любят
поговорить на обеде.
— Я
иду, мол
(прихлебывает виски),
а на меня
десяток
чудовищ
большевицких.
Раз — одного,
другого —
рраз, —
кстати,
как денди,
и девушку спас. —
Леди,
спросите
у мерина сивого —
он
как Мурманск
разизнасиловал.
Спросите,
как —
Двина-река,

кровью
крашенная,
трупы
вы́тая,
с кладью
страшною
шла
в Ледовитый.
Как храбрецы
расстреливали кучей
коммуниста
одного,
да и тот скручен.
Как офицера́
его
величества
бежали
от выстрелов,
берег вычистя.
Как над серыми
хатами
огненные перья
и руки
холёные
туго
у горл.
Но...
«итс э лонг уэй
ту Типерери,
итс э лонг уэй
ту го!»
На первую
республику
рабочих и крестьян,
сверкая
выстрелами,
штыками блестя,
гнали
армии,
флоты катили
богатые мира,
и эти
и те...

Будьте вы прокляты,
прогнившие
королевства и демократии,
со своими
подмоченными
«фратэрнитэ́» и «эгалитэ́»!
Свинцовый
льется
на нас
кипяток.
Одни мы —
и спрятаться негде.
«Янки
дудль
кип ит об,
Янки дудль денди».
Посреди
винтовок
и орудий голосища
Москва —
островком,
и мы на островке.
Мы —
голодные,
мы —
нищие,
с Лениным в башке
и с наганом в руке.

11

Несется
жизнь,
овеевая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Веэсэнха́.

Свезли,
винтовкой звякая,
богатых
и кассы.
Теперь здесь
всякие
и люди
и классы.
Зимой
в печурку-пчелку
суют
тома шекспирьи.
Зубами
щелкают,
картошка —
пир им.
А летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:
«Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне!»
Я в этом
каменном
котле
варюсь,
и эта жизнь —
и бег, и бой,
и сон,
и тлен —
в домовьи
этажи
отражена
от пят
до лба,
грозою
омываемая,

как отражается
толпа
идущими
трамваями.
В пальбу
присев
на корточки,
в покой
глазами к форточке,
чтоб было
видней,
я
в комнатенке-лодочке
проплыл
три тыщи дней.

12

Ходят
спекулянты
вокруг Главтопа.
Обнимут,
зацелуют,
убьют за руп.
Секретарши
ответственные
валенками топают.
За хлебными
карточками
стоят лесорубы.
Много
дела,
мало
горя им,
фунт
— целый! —
первой категории.
Рубят,
липовый
чай
выкушав.

— Мы
не Филипповы,
мы —
привыкши.
Будет
обед,
будет
ужин, —
белых бы
вон
отбить от ворот.
Есть захотелось,
пояс —
потуже,
в руки винтовку
и
на фронт. —
А
мимо —
незаменимый.
Стуча
сапогом,
идет за пайком —
Правление
выдало
урюк
и повидло.
Богатые —
ловче,
едят
у Зунделовича.
Ни щей,
ни каш —
бифштекс
с бульоном,
хлеб
ваш,
полтора миллиона.
Ученому
хуже:

фосфор
нужен,
масло
на блюдце.
Но,
как на́зло,
есть революция,
а нету
масла.
Они
научные.
Напишут,
вылечат.
Мандат, собственноручный,
Анатоль Васильича.
Где
хлеб
да мяса́,
придут
на час к вам.
Читает
комиссар
мандат Луначарского:
«Так...
сахар...
так...
жирок вам.
Дров...
березовых...
посуше поленья...
и шубу
широкого
потребленья.
Я вас,
товарищ,
спрашиваю в упор.
Хотите —
берите
головной убор.
Приходит
каждый
с разной блажью.

Берите
пока што
ногу
лошажью!»
Мех
на глаза,
как баба-яга,
идут
назад
на трех ногах.

13

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.
Шапчонку
взял
оборванную
и вытащил салазки.
— Куда идешь? —
В уборную
иду.
На Ярославский.
Как парус,
шуба
на весу,
воняет
козлом она.
В санях
полено везу,
забрал
забор разломанный.

Полено —
тушею,
тверже камня.
Как будто
вспухшее
колено
великанье.
Вхожу
с бревном в обнимку.
Запотел,
вымок.
Важно
и чинно
строгаю перочинным.
Нож —
ржа.
Режу.
Радуюсь.
В голове
жар
подымает градус.
Зацветают луга,
май
поет
в уши —
это
тянется угар
из-под черных вьюшек.
Четверо сосулек
свернулись,
уснули.
Приходят
люди,
ходят,
будят.
Добудились еле —
с углей
угорели.
В окно —
сугроб.
Глядит горбат.

Не вымерзли покамест?
Морозы
в ночь
идут, скрипят
снегами-сапогами.
Небосвод,
наклонившийся
на комнату мою,
морем
заката
облит.
По розовой
глади
мо́ря,
на юг —
тучи-корабли.
За гладь,
за розовую,
бросать якоря,
туда,
где березовые
дрова
горят.
Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любовей,
дружб
и семей.
Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами
вместе
проляскав —

поймешь:
нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.
Землю,
где воздух
как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеся, —
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

14

Скрыла
та зима,
худа и строга,
всех,
кто на́век
ушел ко сну.
Где уж тут словам!
И в этих
строках
боли
волжской
я не коснусь.
Я
дни беру
из ряда дней,
что с тыщей
дней
в родне.
Из серой
полосы
деньки,

их гнали
годы-
водники —
не очень
сытенькие,
не очень
голодненькие.
Если
я
чего написал,
если
чего
сказал —
тому виной
глаза-небеса,
любимой
моей
глаза.
Круглые
да карие,
горячие
до гари.
Телефон
взбесился шалый,
в ухо
грохнул обухом:
карие
глазища
сжала
голода
опухоль.
Врач наболтал —
чтоб глаза
глазели,
нужна
теплота,
нужна
зелень.
Не домой,
не на суп,
а к любимой
в гости,

две
морковинки
несу
за зеленый хвостик.
Я
много дарил
конфект да букетов,
но больше
всех
дорогих даров
я помню
морковь драгоценную эту
и пол-
полена
березовых дров.
Мокрые,
тощие
под мышкой
дровинки,
чуть
потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки —
щелки.
Зелень
и ласки
выходили глазки.
Больше
блюдца,
смотрят
революцию.

Мне
легше, чем всем, —
я
Маяковский.
Сижу
и ем
кусок
конский.

Скрип —
дверь,
плача.
Сестра
младшая.
«Здравствуй, Володя!»
— «Здравствуй, Оля!»
— «Завтра новогодие —
нет ли
соли?»
Делю,
в ладонях вешаю
щепотку
отсыревшую.
Одолевая
снег
и страх,
скользит сестра,
идет сестра,
бредет
трехверстной Преснею
солить
картошку пресную.
Рядом
мороз
шел
и рос.
Затевал
щекотку —
отдай
щепотку.
Пришла,
а соль
не ва́лится —
примерзла
к пальцам.
За стенкой
шарк:
«Иди,
жена,

продай
пиджак,
купи
пшена».
Окно, —
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.
Бела,
гола
столиц
скала.
Прилип
к скале
лесов
скелет.
И вот
из-за леса
небу в шаль
вползает
солнца
вша.
Декабрьский
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.
Ушли
тучи
к странам
тучным.
За тучей
берегом
лежит
Америка.

Лежала,
лакала
кофе,
какао.
В лицо вам,
толще
свиных причуд,
круглей
ресторанных блюд,
из нищей
нашей
земли
кричу:
— Я
землю
эту
люблю! —
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал, —
нельзя
никогда
забыть!

15

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести, —
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.

Дни пришли
и топали:
— До́жили,
вот вам, —
нету
топлив
брюхам
заводовым.
Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.
Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зёва,
снова
шли,
ухватясь за лопаты,
все,
кто мобилизован.
Вышли
за́ лес,
вместе
взя́лись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
ка́тит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело

без ед
        и питья,
носилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
        запевай,
                и домой можно —
да на руки
        положено
пять обмороженных.

Сегодня
        на лестнице,
                грязной и тусклой,
копались
        обывательские
                слухи-свиньи.
— Деникин
        подходит
                к са́мой,
                        к тульской,
к пороховой
        сердцевине. —
Обулись обыватели,
                по пыли печатают
шепотоголосые
        кухарочьи хоры́.
— Будет...
        крупичатая!..
                пуды непочатые...
ручьи — чаи,
        сухари,
                сахары́.
Бли-и-и-зко беленькие,
береги ке́ренки! —
Но город
        проснулся,
                в плакаты кадро́ванный, —
это
    партия звала:
                «Пролетарий, на коня!»

И красные
скачут
на юг
эскадроны —
Мамонтова
нагонять.
Сегодня
день
вбежал второпях,
криком
тишь
порвав,
простреленным
легким
часто хрипя,
упал
и кончался,
кровав.
Кровь
по ступенькам
стекала нá пол,
стыла
с пылью пополам
и снова
на пол
каплями
капала
из-под пули
Каплан.
Четверолапые
зашагали,
визг
шел
шакалий.
Салоп
говорит
чуйке,
чуйка
салопу:
— Заёрзали
длинноносые щуки!

Скоро
всех
слопают! —
А потом
топырили
глаза-тарéлины
в длинную
фамилий
и званий тропу.
Ветер
сдирает
списки расстрелянных,
рвет,
закручивает
и пускает в трубу.
Лапа
класса
лежит на хищнике —
Лубянская
лапа
Че-ка.
— Замрите, враги!
Отойдите, лишненькие!
Обыватели!
Смирно!
У очага! —
Миллионный
класс
вставал за Ильича
против
белого
чудовища клыкастого,
и вливалось
в Ленина,
леча,
этой воли
лучшее лекарство.
Хоронились
обыватели
за кухни,
за пеленки.

— Нас не трогайте —
мы
цыплёнки.
Мы только мошки,
мы ждем кормежки.
Закройте,
время,
вашу пасть!
Мы обыватели —
нас обувайте вы,
и мы
уже
за вашу власть. —
А утром
небо —
веча звонница!
Вчерашний
день
виня во лжи,
расколоколивали
птицы и солнце:
жив,
жив,
жив,
жив!
И снова
дни
чередой заводной
сбегались
и просили:
— Идем
за нами —
«еще
одно
усилье».
От боя к труду —
от труда
до атак, —
в голоде,
в холоде
и наготе —

держали
взятое,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.
Я видел
места,
где инжир с айвой
росли
без труда
у рта моего, —
к таким
относишься
иначе.
Но землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массами, —
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и нá смерть!

16

Мне
рассказывал
тихий еврей,
Павел Ильич Лавут:
«Только что
вышел я
из дверей,
вижу —
они плывут...»

Бегут
по Севастополю
к дымящим пароходам.
За де́нь
подметок стопали,
как за́ год похода.
На рейде
транспорты
и транспорточки,
драки,
крики,
ругня,
мотня, —
бегут
добровольцы,
задрав порточки, —
чистая публика
и солдатня.
У кого —
канарейка,
у кого —
роялина,
кто со шкафом,
кто
с утюгом.
Кадеты —
на что уж
люди лояльные —
толкались локтями,
крыли матюгом.
Забыли приличия,
бросили моду,
кто —
без юбки,
а кто —
без носков.
Бьет
мужчина
даму
в морду,

солдат
полковника
сбивает с мостков.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон.
Хлопнув
дверью,
сухой, как рапорт,
из штаба
опустевшего
вышел он.
Глядя
нá ноги,
шагом
резким
шел
Врангель
в черной черкеске.
Город бросили.
На молу —
гóло.
Лодка
шестивёсельная
стоит
у мола.
И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба
колена
упал главнокомандующий.
Трижды
землю
поцеловавши,
трижды
город
перекрестил.

Под пули
в лодку прыгнул...
«Ваше
превосходительство,
грести?»
— «Грести!»
Убрали весло.
Мотор
заторкал.
Пошла
весело́
к «Алмазу»
моторка.
Пулей
пролетела
штандартная яхта.
А в транспортах-галошинах
далеко,
сзади,
тащились
оторванные
от станка и пахот,
узлов
полтораста
накручивая за́ день.
От родины
в лапы турецкой полиции,
к туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
Впе-
реди
година на године.
Каждого
трясись,
который в каске.
Будешь
доить
коров в Аргентине,

будешь
мереть
по ямам африканским.
Чужие
волны
качали транспорты,
флаги
с полумесяцем
бросались в очи,
и с транспортов
за яхтой
гналось —
«Аспиды,
сперли казну
и удрали, сволочи».
Уже
экипажам
оберегаться
пули
шальной
надо.
Два
миноносца-американца
стояли
на рейде
рядом.
Адмирал
трубой обвел
стреляющих
гор
край:
— Ол
райт. —
И ушли
в хвосте отступающих свор, —
орудия на город,
курс на Босфор.
В духовках солнца
горы́
жарко́е.
Воздух
цветы рассиропили.

Наши
с песней
идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
вставала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
«И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер».
Слушают
пушки,
морские ведьмы,
у-
ле-
петывая
во винты во все,
как сыпется
с гор
— «готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!» —
Начштаба
морщит лоб.
Пальцы
корявой руки
буквы
непослушные гнут:

«Врангель
оп-
раки-
нут
в море.
Пленных нет».
Покамест —
точка
и телеграмме
и войне.
Вспомнили —
недопахано,
недожато у кого,
у кого
доменные
топки да зо́ри.
И пошли,
отирая пот рукавом,
расставив
на вышках
дозоры.

17

Хвалить
не заставят
ни долг,
ни стих
всего,
что делаем мы.
Я
пол-отечества мог бы
снести,
а пол —
отстроить, умыв.
Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.

Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.
Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.
Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая, —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам
с унылым
пудом сенцá,
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузлые сердца.
И планы,
что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формясь.

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

18

На девять
сюда
октябрей и маёв,
под красными
флагами
праздничных шествий,
носил
с миллионами
сердце мое,
уверен
и весел,
горд
и торжествен.
Сюда,
под траур
и плеск чернофлажий,
пока
убитого
кровь горяча,
бежал,
от тревоги,
на выстрелы вражьи,
молчать
и мрачнеть,
кричать
и рычать.
Я
здесь
бывал
в барабанах стучащих

и в мертвом
холоде
слез и льдин,
а чаще еще —
просто
один.
Солдаты башен
стражей стоят,
подняв
свои
островерхие шлемы,
и, злобу
в башках куполов
тая,
притворствуют
церкви,
монашьи шельмы.
Ночь —
и на головы нам
луна.
Она
идет
оттуда откуда-то...
оттуда,
где
Совнарком и ЦИК,
Кремля
кусок
от ночи откутав,
переползает
через зубцы.
Вползает
на гладкий
валун,
на секунду
склоняет
голову,
и вновь
голова-лунь
уносится
с камня
голого.

Место лобное —
для голов
ужасно неудобное.
И лунным
пламенем
озарена мне
площадь
в сияньи,
в яви
в денной...
Стена —
и женщина со знаменем
склонилась
над теми,
кто лег под стеной.
Облил
булыжники
лунный никель,
штыки
от луны
и тверже
и злей,
и,
как нагроможденные книги, —
его
мавзолей.
Но в эту
дверь
никакая тоска
не втянет
меня,
черна и вязка́, —
души́
не смущу
мертвизной, —
он бьется,
как бился
в сердцах
и висках,
живой
человечьей весной.

Но могилы
не пускают, —
и меня
останавливают имена.
Читаю угрюмо:
«товарищ Красин».
И вижу —
Париж
и из окон До́рио...
И Красин
едет,
сед и прекрасен,
сквозь радость рабочих,
шумящую морево.
Вот с этим
виделся,
чуть не за час.
Смеялся.
Снимался около...
И падает
Войков,
кровью сочась, —
и кровью
газета
намокла.
За ним
предо мной
на мгновенье короткое
такой,
с каким
портретами сжи́лись, —
в шинели измятой,
с острой бородкой,
прошел
человек,
железен и жилист.
Юноше,
обдумывающему
житье,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,

скажу
не задумываясь —
«Делай ее
с товарища
Дзержинского».
Кто костьми,
кто пеплом
стенам под стопу
улеглись...
А то
и пепла нет.
От трудов,
от каторг
и от пуль,
и никто
почти —
от долгих лет.
И чудится мне,
что на красном погосте
товарищей
мучит
тревоги отрава.
По пеплам идет,
сочится по кости,
выходит
на свет
по цветам
и по травам.
И травы
с цветами
шуршат в беспокойстве:
«Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?
Идут ли вперед?
Не стоят ли? —
Скажите.

Достроит
коммуну
из света и стали
республики
вашей
сегодняшний житель?»
— «Тише, товарищи, спите...
Ваша
подросток-страна
с каждой
весной
ослепительней,
крепнет,
сильна и стройна».
И снова
шорох
в пепельной вазе,
лепечут
венки
языками лент:
«А в ихних
черных
Европах и Азиях
боязнь,
дремота и цепи?»
— «Нет!
В мире
насилья и денег,
тюрем
и петель витья —
ваши
великие тени
ходят,
будя
и ведя».
— «А вас
не тянет
всевластная тина?
Чиновность
в мозгах
паутину
не свила?

Скажите —
цела?
Скажите —
едина?
Готова ли
к бою
партийная сила?»
— «Спите,
товарищи, тише...
Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки ощетинивши,
с первым
приказом:
„Вперед!“»

19

Я
земной шар
чуть не весь
обошел, —
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей, —
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома —
мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.

В окнах
продукты:
вина,
фрукты.
От мух
кисея.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют.
«Цены
снижены».
Стала
опериться
моя
кооперация.
Бьем
грошом.
Очень хорошо.
Грудью
у витринных
книжных груд.
Моя
фамилия
в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.
Пыль
взбили
шиной губатой —
в моем
автомобиле
мои
депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
не совейте
в моем
Моссовете.

Розовые лица.
Револьвер
желт.
Моя
милиция
меня
бережет.
Жезлом
правит,
чтоб вправо
шел.
Пойду
направо.
Очень хорошо.
Надо мною
небо.
Синий
шелк!
Никогда
не было
так
хорошо!
Тучи-
кочки
переплыли летчики.
Это
летчики мои.
Встал,
словно дерево, я.
Всыпят,
как пойдут в бои,
по число
по первое.
В газету
глаза:
молодцы — вéнцы!
Буржуям
под зад
наддают
коленцем.
Суд
жгут.

Зер
гут.
Идет
пожар
сквозь бумажный шорох.
Прокуроры
дрожат.
Как хорошо!
Пестрит
передовица
угроз паршой.
Чтоб им подавиться.
Грозят?
Хорошо.
Полки
идут
у меня на виду.
Барабану
в бока
бьют
войска.
Нога
крепка,
голова
высока.
Пушки
ввозятся, —
идут
краснозвездцы.
Приспособил
к маршу
такт ноги:
вра-
ги
ва-
ши —
мо-
и
вра-
ги.
Лезут?
Хорошо.

Сотрем
в порошок.
Дымовой
дых
тяг.
Воздуха́ береги.
Пых-дых,
пых-
тят
мои фабрики.
Пыши,
машина,
шибче-ка,
вовек чтоб
не смолкла, —
побольше
ситчика
моим
комсомолкам.
Ветер
подул
в соседнем саду.
В ду-
хах
про-
шел.
Как хо-
рошо!
За городом —
поле.
В полях —
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.
Бороды —
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.

Что ни хутор,
от ранних утр
работа люба́.
Сеют,
пекут
мне
хлеба́.
Доят,
пашут,
ловят рыбицу.
Республика наша
строится,
дыбится.
Другим
странам
по́ сто.
История —
пастью гроба.
А моя
страна —
подросток, —
твори,
выдумывай,
пробуй!
Радость прет.
Не для вас
уделить ли нам?!
Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста́
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

Февраль — август 1927

ВО ВЕСЬ ГОЛОС
ПОЭМА

Во весь голос
Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г ...,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило,
дочка,
дачка,
водь
и гладь —
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот, —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!
Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»
Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас —
доходней оно
и прелестней.

Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так —
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.

В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,

до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше, —

умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».
Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель нá дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Декабрь 1929 — январь 1930

⟨НЕОКОНЧЕННОЕ⟩

⟨I⟩

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка
и бритье
Пусть серебро годов вызванивает
уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

⟨II⟩

Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить

⟨III⟩

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

⟨IV⟩

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию

⟨V⟩

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком

1928—1930

ПРИМЕЧАНИЯ

Сокращения, принятые в примечаниях

БММ — Государственная библиотека-музей В. В. Маяковского.
ГЛМ — Государственный литературный музей.
ЗК — Записные книжки В. Маяковского. Рукописные материалы и заготовки к стихам. Архивная нумерация книжек 1—72.
Избр. 1926 — В. Маяковский. Избранное из избранного. М., 1926.
ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.
ИОГМА — В. Маяковский. Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка. М., 1926.
Катанян — В. А. Катанян. В. Маяковский. Литературная хроника. М., 1961.
КН — журнал «Красная новь».
КНива — журнал «Красная нива».
КП — газета «Комсомольская правда».
МП — В. Маяковский. Мы и прадеды. Стихи. М., 1927.
Но. С — В. Маяковский. Но. С (Новые стихи). М., 1928.
ПСС 1939 — В. Маяковский. Полное собрание сочинений в 12-ти томах. М., 1939—1949.
СК — В. Маяковский. Слоны в комсомоле. М., 1929.
Соч. — В. Маяковский. Собрание сочинений в 10-ти томах. М.—Л., 1927—1933.
ТН — В. Маяковский. Только новое. Л.—М., 1925.
ТО — В. Маяковский. Туда и обратно. М., 1930.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ШМ — Школьный Маяковский. М.—Л., 1929.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1925—1930

Еду. Впервые — «Парижский вестник», 1925, 3 июня, вместе со стихотворениями «Город», «Прощание (Кафе)» и «Прощанье», под общим заголовком «Из поэмы „Париж“». С изменениями — «Прожектор», 1925, № 12, стр. 18. Печ. по Соч., т. 2, стр. 251 (вместе со стихотворениями «Город», «Верлен и Сезан», «Notre Dame», «Версаль», «Жорес», «Прощанье», «Прощание (Кафе)» входило в цикл «Париж»). В столице Франции Маяковский был в ноябре — декабре 1924 г. В мае 1925 г., незадолго до отъезда в заокеанское путешествие, поэт передал этот цикл в издательство «Московский рабочий». В автобиографии, в главе «25-й год», он пишет: «Еду вокруг земли. Начало этой поездки — последняя поэма (из отдельных стихов) на тему „Париж“» (т. 1, стр. 27). *Этуаль* (франц.) — звезда, площадь в Париже. В переносном смысле этуаль — первоклассная кафешантанная певица, позже — популярная киноактриса. *Вечер, поле, огоньки* и т. д. — из цыганского романса.

Город. Впервые — «Парижский вестник», 1925, 3 июня. С изменениями — «Прожектор», 1925, № 12, стр. 19. С новыми изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 6. Печ. по Соч., т. 2, стр. 253. *Эррио* Эдуард (1872—1957) — видный политический деятель, в 1924—1925 гг. премьер-министр Франции. *Попутчик* — термин, введенный в оборот группой критиков журнала «На посту». К этой категории относили всю старую художественную интеллигенцию, принявшую революцию, служившую ей своим творчеством. Позже термин был взят на вооружение рапповской критикой. Выступая на диспуте «О разногласиях в литературной политике», Маяковский возражал против формального разделения писателей на пролетарских и попутчиков: «Не ярлыком решается вопрос о «пролетарственности» писателя, а литературным соревнованием. Надо сорвать ярлыки, перетряхнуть патенты, тогда слово «пролетпоэт» получит смысл» («Известия», 1925, 8 апреля). Он часто повторял в своих выступлениях: «Я считаю себя пролетарским поэтом, а пролетарских поэтов ВАППа — себе попутчиками» (т. 12, стр. 368). *Елисейские поля* — улица в Париже. *Вандомская колонна* — колонна, воздвигнутая на Вандомской площади в Париже в честь побед Наполеона I.

Верлен и Сезан. Впервые — «Парижский вестник», 1925, 24 июня. С изменениями — «Прожектор», 1925, № 13, стр. 14. С новыми изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 10. Здесь после ст. 125 строфа, не вошедшая в окончательный текст:

Конечно,
　　травку
　　　　нельзя отрицать,
но я-то
　　смотрю с тоскою:

мое-то ведь существо
от лица
до пяток
сплошь городское.

Печ. по Соч., т. 2, стр. 257. *Верлен* Поль (1844—1896) — французский поэт. *Сезанн* Поль (1839—1906) — французский художник. *Виардо*-Гарсиа Полина (1821—1910) — известная французская певица, близкий друг Тургенева. *Лет сорок вы тянете свой абсент из тысячи репродукций.* Речь идет об известном портрете Верлена работы Сезанна. Абсент — полынная водка. *ГУС* — Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения РСФСР. *Кустарь без мотора* — одна из категорий частников в системе налоговых обложений. Работники художественного труда платили налог наравне с частными производителями. См. стихотворение «Разговор с фининспектором о поэзии» на стр. 121 наст. тома. *Кунсткамера* — собрание разного рода редкостей. *Вардин* (Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890—1943) — критик, принадлежавший к догматическому направлению «На посту». *Ван-Гог* Винцент (1853—1890) — голландский живописец, жил во Франции. *АХРР* — Ассоциация художников революционной России (1922—1932). *«Ротонда»* — литературное кафе в Париже.

Notre Dame. Впервые — альм. «Красная новь», 1925, № 1, стр. 99. С изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 19. Печ. по Соч., т. 2, стр. 265. *Он лучше Блаженного Васьки.* Речь идет о соборе Василия Блаженного в Москве. *«Знак Зоро»* — название кинокартины.

Версаль. Впервые — КН, 1925, № 5, стр. 19. С изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 24. Печ. по Соч., т. 2, стр. 269. *Версаль* — резиденция французских королей. *Капет.* Речь идет о Людовике XVI (1754—1793), свергнутом французской революцией 1789 г. и позже казненном. Принадлежал к династии Бурбонов, являвшейся одной из ветвей династии Капетингов. *Помпадурши* — производное от имени мадам де Помпадур, фаворитки Людовика XV. Вошло в литературный оборот после «Помпадуров и Помпадурш» Салтыкова-Щедрина. *Бенуа* Александр Николаевич (1870—1960) — русский художник, принадлежал к группе «Мир искусства», известны его стилизованные версальские акварели. Мария *Антуанетта* (1755—1793) — французская королева, казнена в годы французской буржуазной революции.

Жорес. Впервые — альм. «Красная новь», 1925, № 2, стр. 28. С изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 30. Печ. по Соч., т. 2, стр. 273. *Жорес* Жан (1859—1914) — видный деятель французской социалистической партии, выступивший против первой мировой войны. Убит 31 июля 1914 г. монархистом и шовинистом Вилле-

ном, который был оправдан французским буржуазным судом. В ноябре 1924 г. Маяковский был очевидцем торжественной церемонии перенесения праха Жореса в Пантеон — место погребения останков выдающихся людей Франции. Наряду с официальной процессией, с помощью которой буржуазный Париж пытался использовать популярность Жореса в своих интересах, состоялась рабочая демонстрация под революционными лозунгами. Эльза Триоле вспоминает: «В день переноса тела Жореса в Пантеон мы пошли с ним <Маяковским> на улицу Суффло и перед самым Пантеоном долго ждали, зажатые толпой. Когда подошло шествие... когда издали, сначала гулом, а потом отчетливо раздались крики «Vivent les Soviets! A bas la guerre! Capitalisme à bas...» — Володя подхватил меня и посадил к себе на плечо» (цит по Катанян, стр. 219). *Суффло* — улица в университетском районе Парижа, на которой много книжных лавок. *1871 год* — год Парижской коммуны. *Крезо, Рено* — французские промышленные концерны.

Прощание (Кафе). Впервые — «Парижский вестник», 1925, 3 июня. С изменениями — «Огонек», 1925, № 28, под заглавием «Кафе (Прощание)» и подзаголовком «Из поэмы Вл. Маяковского». С новыми изменениями — «Париж», М., 1925, стр. 35, под заглавием «Кафе». Печ. по Соч., т. 2, стр. 277. *Монпарнасец* — обитатель Монпарнаса, квартала художников в Париже. *Рем* и *Ромул* — братья-близнецы, по преданию основавшие Рим. *Николай Николаевич* Романов (1856—1929) — великий князь. *Буа-дю-Булонь* — Булонский лес, парк в Париже. *Агафья* — Агафья Тихоновна, персонаж из комедии Н. В Гоголя «Женитьба», купеческая дочь, девица на выданье. *Кулидж* Калвин (1872—1933) — американский реакционный политический деятель, президент США в 1923—1929 гг., занимал враждебную позицию в отношении СССР.

Прощанье. Впервые — «Парижский вестник», 1925, 3 июня. Вошло в Соч., т. 2.

Что такое хорошо и что такое плохо? Впервые — отд. изд., Л., 1925, с рисунками Н. Денисовского. Вошло в Соч., т. 4. Беловой автограф — БММ. Ко времени заключения договора с издательством «Прибой» (20 мая 1925 г.) стихотворение, очевидно, уже было закончено, так как указанный в договоре срок представления рукописи — 22 мая.

Испания. Впервые — «Новый мир», Нью-Йорк, 1925, 14 августа. С изменениями — Избр. 1926, стр. 34. Печ. по Соч., т. 5, стр. 55. Черновой автограф с пометой «22.VI. Santander» в ЗК № 33 (1925) — БММ. Открывает цикл стихов, написанный во вре-

мя поездки в Америку в мае — ноябре 1925 г. 3 января 1926 г. Маяковский сдал Госиздату сборник «Испания. Океан. Гавана. Мексика. Америка», содержащий семнадцать стихотворений. В 5-м томе Соч. «американский» цикл, дополненный еще четырьмя стихотворениями, был объединен в специальном разделе «Стихи об Америке». В Испании Маяковский был проездом. 22 июня пароход «Эспань» по пути в Мексику зашел на несколько часов в испанский порт Сантандéр. В газете «Новый мир» — органе русской секции Рабочей (коммунистической) партии США — стихотворение было напечатано вместе с приветствием Маяковскому на странице, специально посвященной приезду его в Америку. В афишах выступлений Маяковского стихотворение иногда значилось под названием «Как собаке здрасите». По свидетельству организатора выступлений Маяковского П. И. Лавута, поэт перед чтением этого стихотворения обычно говорил: «Я должен сказать вам несколько слов по поводу этой самой Испании. Ко мне часто обращаются, особенно девушки: «Ах, какой вы счастливый, вы были в Испании, какая очаровательная страна! Там тореадоры, быки, испанки и вообще много страсти». Я тоже был готов к тому, чтобы увидеть что-нибудь в этом роде. Но ничего подобного. Пароход подплыл к испанскому берегу, и первое, что мне бросилось в глаза, это довольно прозаическая вывеска грязного склада «Леопольдо Пардо». Правда, веера у испанок есть, — жарко, вполне понятно. А так ровно ничего примечательного, если не считать, что по-русски — телефон, а по-испански — телефонос. . .» (П. Лавут. Маяковский едет по Союзу. — «Знамя», 1940, № 4—5, стр. 202).

6 монахинь. Впервые — «Прожектор», 1925, № 16, стр. 19, под заглавием «Монашки», с обозначением места написания: «Атлантический океан. Пароход „Эспань“», с рисунками В. Козлинского. Без ст. 82 — ИОГМА, стр. 7. Печ. по Соч., т. 5, стр. 57. Черновой автограф с пометой «26.VI. Атлантический океан» в ЗК № 33 (1925) — БММ. Стихотворение было прочитано Маяковским на II съезде Союза воинствующих безбожников в Москве 10 июня 1929 г.; заседание съезда транслировалось по радио. *Медали со Львом и с Пием.* Лев и Пий — имена многих римских пап. *Оркестром без дирижера.* В те годы в Москве был создан так называемый «Персимфанс» (первый симфонический ансамбль) — оркестр, игравший без дирижера.

Атлантический океан. Впервые — «Известия», 1925, 15 августа. Вошло в Соч., т. 5; ШМ. Черновой автограф в ЗК № 33 (1925), беловой автограф — БММ. Машинописная копия с авторской правкой, с пометой «2.VII. Океан» — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). Написано на борту парохода «Эспань». 9 января 1925 г. в Институте истории искусств в Ленинграде Маяковский начитал это стихотворение и «Блек энд уайт» на фонограф. *Испанский камень слепящ и бел* и т. д. Последним европейским пунктом на пути Маяковского был испанский порт Ла Корунья.

К стр. 44

Мелкая философия на глубоких местах. Впервые — «Вечерняя Москва», 1925, 14 декабря. С изменениями — «Красная газета», 1926, 20 мая, веч. выпуск. Здесь после ст. 16:

Рассыпается волна
                    и опять взбухать.
Горою кажется
                на этаком расстоянии.
Тут и водоросль,
                 и вода,
                         и прочая труха —
обрастание!

Вместо ст. 35—42:

Волны
      друг друга
                 лупят плашмя́.
И так и этак,
              то всыпят, то высыпят,
и вновь водословят,
                    звеня и шумя...
Диспут...

В конце примечание Маяковского: «Это стих-скелет, который может и должен обрастать при моей помощи и при вашей, товарищи поэты, мясом злободневных строк. Так, строки про «обрастание» и «диспут» — новы. Другие — устаревшие — вычеркнуты. Таковым скелетом, например, была моя „Схема смеха“». Печ. по Соч., т. 5, стр. 72. Черновой автограф с пометой «3 июля. Атлантический океан» в ЗК № 33 (1925) — БММ. В тексте газеты «Вечерняя Москва» в ст 22 фамилия бывшего редактора газеты «Известия» Стеклова была заменена точками. По этому поводу Маяковский, выступая 14 декабря 1925 г. на диспуте «Больные вопросы советской печати», заметил: «Сегодня появилось в «Вечерке» мое стихотворение «Мелкая философия на глубоких местах». Редактор спросил: можно ли не включать слова: «А у Стеклова вода не сходила с пера»? Если бы я тогда, когда писал, знал, что Стеклов не является уже редактором «Известий», я бы вычеркнул эти слова сам, они были для меня ценны в работе. Я не протестовал, черкайте, потому что каждый включит свою фамилию на место вычеркнутого Стеклова, если захочет. Каждый может поставить себя: «а у Луначарского вода не сходила с пера», «а у Радека вода не сходила с пера» и т. п. Это одно и то же. И если я не протестовал, то только из-за затаенного желания досадить сразу тридцати человекам, а не только одному» (т. 12, стр. 293). *Стеклов* Юрий Михайлович (1873—1941) — публицист, общественный деятель, редактор газ. «Известия» (1917—1925). Маяковский иронически называл его длинные статьи-передовицы, публиковавшиеся почти ежедневно, «стекловицами». *В сущ-*

ности говоря, где птички? «Одно время в 1923 году, — рассказывает Л. Ю. Брик, — Маяковский увлекался птицами и накупил их массу, самых разнообразных. Они быстро надоели ему, и он всех их выпустил на волю. Пришел к нам как-то обедать отец Осипа Максимовича Брика и направился прямо к птичкам. Их не оказалось. У него сделалось страшно удивленное лицо, он оглянулся на Маяковского и недоуменно спросил его: «В сущности говоря, где птички?» Вопрос этот показался Маяковскому необычайно забавно-глубокомысленным. Он долго носился с этой фразой, пока, наконец, не нашел ей место в „Мелкой философии на глубоких местах“» (Л. Брик. Из воспоминаний о стихах Маяковского. — «Знамя», 1941, № 4, стр. 233).

Блек энд уайт. Впервые — КН, 1926, № 1, стр. 115, с подзаголовком «Белые и черные». С изменениями, под заглавием «Черное и белое», без ст. 1—11, 79—87 — Избр., 1926, стр. 35. Печ. по Соч., т. 5, стр. 67. Вошло в ШМ. Черновой автограф без заглавия, с пометой «5.VI. Гавана» в ЗК № 33 (1925) — БММ. Месяц в автографе указан неправильно: поэт находился в Гаване в начале июля. В письме от 3 июля с парохода Маяковский писал: «Сейчас подходим к острову Куба — порт Гавана (которая сигары), будем стоять день-два» (т. 13, стр. 77). В записной книжке в заключительных строках слова «в Коминтерн, в Москву» зачеркнуты Маяковским, который опасался, что при въезде в США будут просмотрены его рукописи. Читая стихотворение «Блек энд уайт» на литературных вечерах, Маяковский нередко изменял его заглавие. Известны следующие варианты: «Негр Вилли», «Вилли из Гаваны», «Сахарный король», «Черные и белые», «Черное и белое». 9 января 1926 г. Маяковский начитал это стихотворение на фонограф. В ИОГМА, стр. 17, были сделаны следующие авторские примечания: «*Коларио* — гаванские цветы. *Ведадо* — загородный квартал богачей. *Прадо* — главная улица Гаваны. *Ай бэг ёр пáрдон* — прошу прощения. «*Энри Клей энд Бок, лимитед*» — крупная табачная фирма». В 1947 г. в Берлине был издан на немецком языке сборник произведений Маяковского, в который вошло и «Блек энд уайт». Сын упоминаемого в стихотворении «сигарного короля» Энри Клея, генерал Люмьес Клей, занимавший пост верховного комиссара США в Германии, отдал приказ об уничтожении всех экземпляров этого сборника в американской зоне оккупации («Литературная газета», 1949, 16 февраля). *Масео* Антонье (1845—1896) — один из руководителей борьбы кубинского народа за независимость.

Христофор Коломб. Впервые — «Красная газета», 1925, 6 ноября, под заглавием «Открытие Америки», без эпиграфа. С изменениями — отд. изд. под заглавием «Открытие Америки», Нью-Йорк, 1925, иллюстрации Д. Бурлюка. Здесь впервые эпиграф и написание Коломб вместо Колумб. С новыми изменениями, под заглавием «Открытие Америки» и с подзаголовком «Поэма» — «Парижский вестник», 1925, 13 ноября. С новыми изменениями — ИОГМА, стр. 26. Печ. по Соч., т. 5, стр. 83. Чер-

новой автограф под заглавием «Христофор Колумб», без эпиграфа в ЗК № 33 (1925) — БММ. После ст. 116:

Еще паруса и не все развеяли
а к флагам аж рвется злоба волн.

Машинописный текст с правкой Маяковского под заглавием «Открытие Америки», без эпиграфа, с написанием Колумб, а не Коломб, с пометой «7.VII. Атлантический океан» — БММ. Написано на пароходе «Эспань». В письме от 3 июля Маяковский, сообщая о том, что приближается к американскому континенту, шутил: «Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе, что очень трудно, так как, за неимением одесситов, трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое» (т. 13, стр. 73). В черновиках стихотворения есть вариант строки с «уменьшительным от Христофора»: «Колумб Христя и другие забулдыги». Заменив по приезде в Америку в этом стихотворении написание «Колумб» на «Коломб», Маяковский, очевидно, исходил из американского произношения имени великого мореплавателя. *Христофор Колумб* (1451—1506) был сыном генуэзского ремесленника. *Сион* — «священная» гора в Иерусалиме, столице древнееврейского государства. *Флорины и пезеты* — флорентийские и испанские монеты. *Жижон* — французское название испанского порта Хихон. *Братался с волной сарагоссовой, и вместе пучки травы волокли.* Сарагоссово (точнее — Саргассово) море — часть Атлантического океана, изобилует плавучими водорослями. *Сан-Сальвадор* — остров в Саргассовом море. Есть предположение, что этот остров был открыт Колумбом. *Брамсель* — парус на мачте, третий снизу. *Фок* — нижний прямой парус на передней мачте судна. *Фокус со знаменитым Колумбовым яйцом.* Имеется в виду предание о находчивости Колумба, который сумел поставить яйцо стоймя, надколов его. *«Мажестик»* — название одного из крупнейших трансатлантических пароходов.

Мексика. Впервые — «Огонёк», 1926, № 1, с шестью фотографиями, привезенными Маяковским из Мексики, и очерком «Мексика». С изменениями — ИОГМА, стр. 36. Печ. по Соч., т. 5, стр. 95. Черновой автограф в ЗК № 33 (1925) — БММ. В Соч. помета: «Мехико-Сити. 20.VI.1925 г.». Дата указана неправильно. Маяковский был в Мексике с 8 по 28 июля. В мексиканской газете «Эксцельсиор» (1925, 10 июля) было напечатано интервью с Маяковским, в котором со слов поэта сообщалось о его творческих планах: «Он постарается выразить в своих стихах национальный дух нашего народа» (см. Катанян, стр. 234). В афишах выступлений Маяковского стихотворение значилось под названиями «Индейская история», «Моктецума — Ястребиный Коготь». *О, как эта жизнь читалась взасос!* Маяковский вспоминает в очерке «Мое открытие Америки»: «Я лет до двенадцати бредил индейцами по Куперу и Майн-Риду» (т. 7, стр. 272). В журнале выдачи книг библиотеки Кутаисской гимназии, в которой Маяковский учился в 1901—1906 гг., отмечены книги Ф. Купера и Майн-Рида, взятые Маяковским. *Лассо* —

аркан для ловли животных. *Мустанг* — дикая лошадь в степях Америки. *Мокассины* — обувь у индейцев. *Бульдог* — система револьвера. *Монтигомо Ястребиный Коготь* — индейское имя. *Бледнолицый Брат* — обращение индейца к белому, употребительное в романах Ф. Купера и Майн-Рида. В рассказе А. П. Чехова «Мальчики» гимназисты, увлекавшиеся «индейскими» романами, называли друг друга такими именами. *Гачупины с гринго* — презрительные мексиканские прозвища испанцев и американцев. *Пульке* — алкогольный напиток. В очерке «Мексика» Маяковский пишет: «Кактусовый «пульке» — полуводка, полупиво — это все, что осталось от древней и ацтекской Мексики» (т. 7, стр. 347). *Сантим* (сентаво) — мелкая мексиканская монета. *Сомбреро* — широкополая шляпа. В очерке «Мексика» Маяковский пишет: «Как не похожи носильщики-индейцы на героев Купера, легендарных (только на мексиканских плакатах оставшихся) краснокожих, горящих перьями древней птицы *Кетцаль*, птицы-огонь» (т. 7, стр. 347). В годы царствования арагонского короля *Фердинанда* (1452—1516) и кастильской королевы *Изабеллы* (1451—1504) началась испанская колонизация Америки. *Эрнандо Кортес* — испанский генерал, завоеватель Мексики. *Двумордые идолы.* Индейские боги ветра изображались двуликими. *Моктецума* — последний царь индейцев, предавший свой народ. *Гватемок* — вождь ацтеков, сражавшийся с испанцами. Памятник Гватемоку находится неподалеку от советского полпредства в Мексике. *Чехарда всех этих Хуэрт и Диэцов.* Речь идет о частой смене правительства в Мексике. «За 30 лет — 37 президентов: Гваделупы, Хуэрты, Хуарецы, Диецы», — пишет Маяковский в очерке «Мексика» (т. 7, стр. 347). *Сарапе* — национальное одеяние мексиканцев. *Гваделупа* (Гвадалупе) — здесь: название традиционного в Мексике образа богоматери. *«Смит и Вессон»* — система револьвера. *Чапультапек* — парк в Мехико. *Камарада* (испан.) — товарищ. *Ацтеки* — индейская народность. *Креолы* — потомки испанцев, завоевавших Мексику. *Метисы* — потомки от смешанных браков между индейцами и испанцами, составляют основную часть населения страны. *Запата* (точнее — Сапата) Эмильяно (1877—1919) — один из вождей крестьянского революционного движения в Мексике, предательски убитый реакционерами. *Гальвано* (Гальван) Урсуло, *Морено* (убит в 1925), *Карйо* Рафаэль — мексиканские коммунисты. В очерке «Мексика» Маяковский пишет: «Через расстрелянного вождя крестьянской революции Запату к коммунисту-депутату Вера-Круц (недавно убитому президентскими бандами) Морено — один путь, одна линия борьбы за свободу и жизнь мексиканских рабочих и крестьян. Морено вписал в мою книжку, прослушав «Левый марш» (к страшному сожалению, эти листки пропали по «независящим обстоятельствам» на американской границе): «Передайте русским рабочим и крестьянам, что пока мы еще только слушаем ваши марши, но будет день, когда за вашим маузером загремит и наше 33» (калибр кольта). Морено убили. Но товарищи, стоящие рядом, — Гальван, делегат Крестинтерна, Карйо — секретарь партии, Монсон и др. твердо верят и знают, что над мексиканским арбузом («зеленое, бе-

лое и красное» — знамя Мексики; введен, «по преданию», отрядом, отдыхавшим после сражения, прельщенным цветами поедаемого ими арбуза) взметнется красное знамя первой коммунистической революции Америки» (т. 7, стр. 348).

Богомольное. Впервые —«Бакинский рабочий», 1926, 23 февраля. С изменениями — «Новый мир», 1926, № 6, стр. 113. Печ. по ИОГМА, стр. 46. Вошло в Соч., т. 5. Беловой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Имеются варианты афишных заглавий стихотворения: «Собор», «Донна Эсперанца Хуан-де-Лопец». *Кафедраль* — центральный собор епархии. *«Площадь Со́кола»* — точнее, Со́кало, от испанского zócalo — цоколь, пьедестал. На этой площади долгое время оставался пьедестал разрушенного народом памятника испанскому королю Карлу IV. *«Пакард»* — марка автомобиля американской фирмы.

Бродвей. Впервые — КНива, 1926, № 4, стр. 12, с двумя фотографиями, привезенными Маяковским из Америки. С изменениями — ИОГМА, стр. 51. Печ. по Соч., т. 5, стр. 112. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Читалось впервые в Нью-Йорке 14 августа 1925 г. в Сентрал Опера Хауз под названием «Нью-Йорк». Известны другие афишные варианты заглавия: «Гау ду ю ду», «Мать моя мамочка». В журн. «Красная нива» напечатано с примечаниями Маяковского: «*Чуингам* — жвачка, которую жует вся Америка. *«Мек моней?»* — «Делаешь деньги?» — вместо привета. *Бизнес* — дело. *Собвей* — подземная городская железная дорога. *Элевейтер* — воздушная городская железная дорога. *Кофе Максве́л гуд ту ди ласт дроп* — реклама Нью-Йорка: «Кофе Максвел хорош до последней капли». *Гау ду ю ду* — привет при встрече».

Барышня и Вульворт. Впервые — «Экран», 1925, № 37, стр. 10, с двумя фотографиями и подписями под ними: «Вульворт, самый высокий небоскреб в Нью-Йорке (57 этажей), сплошь занятый конторами» и «. . . И чудится девушке» (на снимке — Маяковский у витрины магазина. За стеклом сидит девушка). Печ. по ИОГМА, стр. 55. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Маяковский читал стихотворение 10 сентября в Сентрал Опера Хауз. По поводу вторичного исполнения этого стихотворения 12 сентября в Коней Айланде еврейская коммунистическая газета «Фрайгайт» писала: «Маяковский прочитал. . . одно из своих последних произведений, называющееся «Вульворт бильдинг», и это вызвало шумное одобрение» («Фрайгайт», 1925, 20 сентября). Напечатано в журнале «Экран» с примечаниями Маяковского. Кроме воспроизведенных в тексте (см. стр. 70—72 наст. тома) — «*Тайпистки* — машинистки. *Волстрит* — улица банков в Нью-Йорке».

Небоскреб в разрезе. Впервые — КНива, 1926, № 1, стр. 15. Печ. по ИОГМА, стр. 60. Вошло в Соч., т. 5. Черновая за-

пись последней строфы и беловой автограф в ЗК № 33 (1925) — БММ. Написано в Нью-Йорке. 10 сентября 1925 г. Маяковский читал стихотворение на вечере в Сентрал Опера Хауз, назвав его «Внутри небоскреба». В афише одного из выступлений Маяковского стихотворение было озаглавлено «Сто этажей». В начале августа (не позже 8 августа) 1925 г. в беседе с американским писателем Майклом Голдом Маяковский говорил о Нью-Йорке: «Нет, Нью-Йорк не современный город... Нью-Йорк не организован. Только машины, метро, небоскребы и тому подобное еще не составляют настоящую индустриальную культуру. Это лишь внешняя ее сторона. Америка прошла грандиозный путь промышленно-технического развития, которое изменило облик мира. Но люди Америки еще не достигли уровня этого мира. Они все еще живут в прошлом. В интеллектуальном отношении нью-йоркцы — все еще провинциалы. Их разум еще не воспринял всего значения индустриального века» («Уорлд», Нью-Йорк, 1925, 9 августа). *«Таймс»* («Нью-Йорк таймс») — американская буржуазная газета. *Чтоб Кулидж дал развод, детективы* и т. д. Кулидж — см. стр. 558. Для оформления развода в США требуется доказательство измены одного из супругов, для чего прибегают к услугам частных сыскных агентов-детективов.

Порядочный гражданин. Впервые — «Бакинский рабочий», 1926, 26 февраля. Печ. по «Новому миру», 1926, № 3, стр. 36. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Написано в Нью-Йорке. В афише одного из выступлений Маяковского стихотворение названо «Статуя свободы». *«Кто понравится — удочерю!»* В очерке «Мое открытие Америки» Маяковский пишет: «Вслед за обезьяньим процессом газеты стали трубить о мистере Браунинге. Этот миллионер, агент по продаже недвижимого имущества, под старость лет обуялся юношеской страстью. Так как брак старика с девушкой вещь подозрительная, миллионер пошел на удочерение. Объявление в газетах: «Желает миллионер удочерить шестнадцатилетнюю». 12 000 лестных предложений с карточками красавиц посыпалось в ответ... И сам папаша снимался, облапив дочку за грудь, с выражением лица, которое впору показывать из-под полы перед публичными домами Монмартра» (т. 7, стр. 316). *Луна-парк* — сад с развлекательными аттракционами. *Отель Пла́за* — одна из роскошнейших гостиниц Нью-Йорка. *Барабаны «армий спасения» вашу в мир трубят добродетель.* «Армия спасения» — религиозно-филантропическая организация, существующая во многих странах. Финансируется крупными капиталистами. «Армия спасения» организована по военному образцу и устраивает своеобразные шествия, с барабанным боем и оркестром. *Поп Платон* — митрополит Платон Рождественский; был в то время главой православной церкви в США. *Пялит руку ваша свобода над тюрьмою Элис-Айланд.* Речь идет о гигантской статуе Свободы с факелом в поднятой руке на островке Бедлоу. Рядом, на острове Элис-Айланд, находится пункт проверки лиц, въезжающих в США. Своим режимом этот пункт напоминает тюрьму. Элис-Айланд известен под названием «Острова слез».

К стр. 79—85

Вызов. Впервые — «Коммунист», 1926, 14 февраля. С изменениями — «Бакинский рабочий», 1926, 22 февраля. Печ. по «Красной газете» (веч. выпуск), 1926, 4 июня. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Написано в Нью-Йорке. Варианты заглавия: «Злоба», «Первое предостережение». В журн. «Шквал» (Одесса, 1926, № 26, 3 июля) печаталось с примечаниями Маяковского к ст. 10, 70, 74, 96: «*Риверсайд* — богатая часть города Нью-Йорка». *Риверсайд* (буквально — речная сторона) — район Нью-Йорка, расположен на берегу реки Гудзон. *Ник Картер* — сыщик, герой детективных романов. *Прогибишен* (англ.) — запрещение. Здесь: закон о запрещении продажи спиртных напитков. «*„Белая лошадь“* — марка водки, виски. *Депортация* — высылка». *Вандерлип, Рокфеллер, Форд* — американские миллиардеры. «*Бродвей* — ярчайшая улица Нью-Йорка».

Бруклинский мост. Впервые — «Прожектор», 1925, № 24, стр. 18, с фотографией Бруклинского моста. Печ. по ИОГМА, стр. 67. Вошло в Соч., т. 5. Беловой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Строки: *Здесь жизнь была одним — беззаботная, другим — голодный протяжный вой. Отсюда безработные в Гудзон кидались вниз головой* — записаны на отдельной странице и другими чернилами. Очевидно, они появились позже. В статье Зах. Гисенькина «Два Нью-Йорка» сообщалось: «Когда Маяковский прочел перед многочисленной рабочей аудиторией Нью-Йорка свое новое стихотворение «Бруклинский мост», в котором поэт выразил восхищение гигантской техникой человеческого гения, кто-то с балкона бросил: „Не забудьте, товарищ Маяковский, что с этого же моста часто безработные бросаются в воду, разочарованные и измученные жизнью“» («Русский голос», Нью-Йорк, 1925, 13 декабря, воскресное приложение). *Бруклинский мост* — соединяет остров Манхаттен, на котором расположена центральная часть Нью-Йорка, с одним из основных его районов — Бруклином. В то время один из крупнейших мостов мира. *Юнайтед стетс оф Америка* (англ.) — Соединенные Штаты Америки. *Элевейтер* — см. стр. 564. *Как из косточек, тоньше иголок, тучнеют в музеях стоящие ящеры, так с этим мостом столетий геолог сумел воссоздать бы дни настоящие.* Ср. у К. Маркса: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» (Капитал, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 187).

Кемп «Нит гедайге». Впервые — КН, 1926, № 2, стр. 106, с примечанием Маяковского: «*Кемп* — лагерь (англ.); *«Нит гедайге»* — «не унывай» (еврейск.) — название летнего рабочего поселка, организованного под Нью-Йорком еврейской комгазетой „Фрайгайт“». Печ. по ИОГМА, стр. 82. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Маяковский неоднократно бывал в лагере «Нит гедайге» в конце августа — сентябре 1925 г. «Как рыба в воде почувствовал себя Маяковский в пролетарском лагере «Нит гедайге», — вспоминает журналист

Ш. Эпштейн. — Он неутомимо читал свои стихи перед внимательными рабочими слушателями. Его львиный голос часто раздавался над горами и над рекой Гудзоном. Прочитав на большой поляне свою прекрасную поэму о Ленине, он произвел на аудиторию колоссальное впечатление» («Червоный шлях», 1930, № 5—6, стр. 148). *Кулидж* — см. стр. 558. *МКХ* — Московское коммунальное хозяйство (отдел Моссовета).

Домой! Впервые — «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр 3. Заключительная строфа:

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят, —
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь.

Печ. по ИОГМА, стр. 87. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 33 (1925) — БММ. Отдельно записаны два варианта финала:

<1> Чтобы я мое имя Владимир
похожее на вымер на стон
сменил на чужое имя
и звался мусье Гастон?
Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по чужой стране пройду стороной
как проходит косой дождь.

<2> Я хочу быть понят моей страной
а не буду понят что ж
по родной стране пройду стороной
как проходит косой дождь.
Проценты на время! Как не идти
в хороший отданы рост.
Мне 30 уже и у 30-ти
пошел пробиваться хвост.

Начато по пути из Нью-Йорка в Гавр на пароходе «Рошомбо» между 28 октября и 5 ноября 1925 г. и закончено после возвращения в Москву. Читалось 19 декабря 1925 г. под названием «Маркита» в Политехническом музее. Варианты заглавия: «Возвращение», «Задание на год». В 1928 г. Маяковский писал: «Ноющее делать легко, — оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик: Я хочу быть понят моей страной...

Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал» (т. 12, стр. 182).

Что ни страница, — то слон, то львица. Впервые — отд. изд., Тифлис, 1928, с рисунками К. Зданевича. Иной, чем в последней редакции, порядок расположения строф. Начало:

Открывай страницу-дверь
в книжке
самый разный зверь.

Исключенные в последующих публикациях строки:

Это — зебра
Ну и цаца!
Полосатее
матраца.

После ст. 17:

А из пасти —
шутки бросьте —
два клыка
слоновой кости.

Печ. по Соч., т. 4, стр. 271. Для отд. изд. Маяковский переработал текст с учетом рисунков К. Зданевича. Черновой набросок двух строф на шмуцтитуле путеводителя по нью-йоркскому зоопарку, «Popular official guide to the New-York Zoological Park, published by the New-York Zoological society, 1925». Беловой автограф с нумерацией строф в соответствии с их расположением на страницах будущей книги и пометой против заглавия: «обложка» — БММ. Ст. 26—29 приведены в статье «А что вы пишете?» (1926). Сдано в издательство «Заккнига» 26 марта 1926 г. В договорах с издательствами «Прибой» и «Заккнига» называлось «Зверинец» и «Зоологический сад».

Краснодар. Впервые — КНива, 1926, № 24, стр. 22, под заглавием «Собачья глушь», с посвящением Л. Ю. Брик. Печ. по Избр. 1926, стр. 45. Вошло в Соч., т. 5. Маяковский был в Краснодаре 12—15 февраля 1926 г. Судя по воспоминаниям одного из современников, стихотворение Маяковский писал в Краснодаре. *Этцетера* (лат.) — и прочее.

Строго воспрещается. Впервые — «Известия Одесского окружного КП(б)У, окрисполкома и ОПБ» (вечерний выпуск), 1926, 24 июня. Печ. по КНиве, 1926, № 30, стр. 23. Дата в первопечатном тексте «23.IV.26 г.» не точна, стихотворение написано раньше. По свидетельству В. Катаняна, в феврале 1926 г. оно было передано поэтом газете «Заря Востока» (Катанян, стр. 262). В статье Маяковского «А что вы пишете?», опубликованной 26 мая 1926 г., говорится:

«Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь. Я стараюсь сейчас писать как можно меньше, выбирая сложные, висящие в воздухе вопросы, — чиновничество, бюрократизм, скука, официальщина. Этот ряд стихов я начал с маленького «Строго воспрещается», выходящего в «Красной ниве». Это стих о вывеске Краснодарского вокзала. «Задавать вопросы контролеру строго воспрещается» —

а хочется спросить: — Ну, как дела? ..»

(т. 12, стр. 122)

Сергею Есенину. Впервые — «Заря Востока», 1926, 16 апреля. С изменениями — «Новый мир», 1926, № 5, стр. 111. С новыми изменениями — «Ленинградская правда», 1926, 23 мая. Печ. по Соч., т. 5, стр. 15. Беловой автограф с другим порядком расположения строк: ст. 77—98 после 175 ст., ст. 176—186 после 198 ст. — БММ. Рукопись для отдельного издания была сдана в издательство «Закнига» 25 марта 1926 г. Поэт *Есенин* Сергей Александрович (1895—1925) покончил с собой в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г. в номере гостиницы *«Англетер»* в Ленинграде. Перед смертью Есенин написал кровью, вскрыв себе вену, стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». В конце стихотворения Маяковский полемически перефразирует предсмертные строки Есенина. «Конец Есенина, — писал Маяковский в статье «Как делать стихи?», где изложена история работы над стихотворением, — огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески. Но сразу этот конец показался совершенно естественным и логичным... Но утром газеты принесли предсмертные строки:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей...

После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом. Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно — стих подведет под петлю и револьвер. И никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируешь. С этим стихом можно и надо бороться стихом, и только стихом». И далее: «Осматривая со всех сторон эту смерть и перетряхивая чужой материал, я сформулировал и поставил себе задачу. Целевая установка: обдуманно парализовать действие последних есенинских стихов, сделать есенинский конец неинтересным, выставить вместо легкой красивости смерти другую красоту, так как все силы нужны рабочему человечеству для начатой революции, и оно, несмотря на тяжесть пути, на тяжелые контрасты нэпа, требует, чтобы мы славили радость жизни, веселье труднейшего марша в коммунизм» (т. 12, стр. 95—96, 97). *А главное, что смычки мало.* Лозунг смычки предполагал новые формы связи города и деревни. Маяковский имел в виду характерное для вульгаризаторской критики прямое перенесение политических лозунгов и категорий на литературные отношения. *Богема* (франц.) — цыганщина. После романа Анри Мюрже «Scènes de la vie de Bohême» (1851) о быте студентов Ла-

тинского квартала Парижа слово «богема» вошло в обиход, обозначая определенную среду полудеклассированной художественной интеллигенции, открыто игнорирующей навыки и установления ханжеской буржуазной морали и быта. «Слово «богема» стало нарицательным для всякой художественно-обывательской бытовщины», — писал Маяковский (т. 12, стр. 117). *Напосты* («напостовцы») — литераторы группы журнала «На посту» (с 1925 г. «На литературном посту»), претендовали на руководство в литературе, насаждали догматические, вульгарно-социологические взгляды в искусстве. *Доронин* Иван Иванович (р. 1900) — поэт, в 1925 г. опубликовал поэму «Тракторный пахарь». В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «Почему, как Доронин, а не как расстояние до луны, например? Во-первых, взято сравнение из литературной жизни потому, что вся тема литераторская. А во-вторых, «Железный пахарь» (так, кажется?) длиннее дороги до луны, потому что дорога эта нереальна, а «Железный пахарь», к сожалению, реален, а затем дорога до луны показалась бы короче своей новизной, а 4000 строк Доронина поражают однообразием 16 тысяч раз виденного словесного и рифменного пейзажа» (т. 12, стр. 108—109). *И несут стихов заупокойный лом.* В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «Появились стихи, воспоминания, очерки и даже драмы. По-моему, 99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь» (т. 12, стр. 96). *Собинов* Леонид Витальевич (1872—1934) — русский певец. Маяковский иронически называет его *Леонид Лоэнгринович,* имея в виду героя оперы Вагнера «Лоэнгрин», партию которого исполнял Собинов. Он выступал 18 января 1926 г. на вечере памяти Есенина в МХАТе. Объясняя свой полемический выпад, Маяковский, по свидетельству П. И. Лавута, говорил: «Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей, надломившейся березки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голоском запел: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы...» — хотя молчалив был только один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вот вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление» (П. И. Лавут. «Маяковский едет по Союзу». — «Знамя», 1940, № 4—5, стр. 209—210). *«Ни слова, о друг мой, ни вздо-о-о-о-ха»* — романс П. И. Чайковского на текст А. Н. Плещеева. *Коган* Петр Семенович (1872—1932) — критик и историк литературы, написавший после смерти Есенина, по мнению Маяковского, «никому не нужную восхваляющую статью о нем» (т. 12, стр. 97). В статье «Как делать стихи?» Маяковский подчеркивает, что образ Когана в стихотворении дан в собирательном смысле.

Сифилис. Впервые — «Молодая гвардия», 1926, № 4, стр. 10. С изменениями — отд. изд., Тифлис, 1926. Печ. по Соч., т. 5, стр. 75. Черновой автограф в ЗК № 34 (1926) — БММ. Машинописная копия с правкой Маяковского — собрание В. В. Катаняна. Весной 1926 г. Маяковский, рассказывая о своих творческих планах, писал: «Особняком стоят стихи об американском путешествии, дорабатываемые сейчас, такова поэма «Сифилис»... Это стих о занятиях

прогнивших хозяев в завоеванных долларом колониях...» (т. 12, стр. 123).

Свидетельствую. Впервые — КНива, 1926, № 17, стр. 18, с двумя фотографиями, привезенными Маяковским: «Индейцы в Нью-Йорке» (на снимке — индейцы на крыше небоскреба) и «Современная Америка. Улица в Детройте. Новые небоскребы». Печ. по Соч., т. 5, стр. 116. Беловой автограф без выделения первой строки в качестве заглавия в ЗК № 34 (1926) — БММ. *«Пенсильвэниа Стейшен»* — Пенсильванский вокзал в Нью-Йорке. *Им Кулиджи пару пальцев суют.* Маяковский иронизирует над одной из формально-демократических традиций в США: каждый американский гражданин имеет право в определенный день посетить президента и пожать ему руку. *Тишь да гладь да божья благодать — сплошное луначарство.* Выступая 26 мая 1924 г. на диспуте о задачах литературы и драматургии, Маяковский спорил с А. В. Луначарским, считая, что он идеализирует положение в литературе, сглаживает противоречия между литературными группировками: «Я... прихожу к значительно более пессимистическим выводам, чем пришел Анатолий Васильевич. Я утверждаю, что литературного подъема в смысле работы сейчас нет, а есть подъем литдрак» (т. 12, стр. 264). *Придет и расскажет на весь вигвам, в чем красота жизни.* Вигвам — жилище североамериканских индейцев. Возможно, что Маяковский имел в виду состоявшийся 17 марта 1926 года в Москве публичный диспут на тему «В чем красота жизни?».

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! Впервые — «Журналист», 1926, № 5, стр. 20. Вошло в Соч., т. 5. Беловой автограф с датой «19.IV.26» — БММ. Здесь зачеркнуты два эпиграфа: «1. То самое затаенное, что думал Пушкин о Радищеве, о Пестеле, о декабристах и революции, но чего сказать не мог своим современникам в форме ясного бытового сюжета, он передал в картинах и образах из египетской жизни, превратив Сенатскую площадь в ложе Клеопатры, а первые смертельные поцелуи русской свободы в поцелуи любви, оплаченной смертью (Л. Войтоловский. Ист. русск. лит., ч. 1, стр. 5). 2. Какое разнообразие животного царства проходит перед воображением читателя, когда он перелистывает страницы Ф. Гладкова! Поросенок, цапля, кошка, змея, орел, мопс, паук, сорока, голубь, индюк, ворона, теленок, цыпленок, галка, собака, медведь, вол, жеребец, ястреб, петух, кабан, лягушка, саранча, пиявка, волчица и многие другие, которых я не выписал (В. Вешнев, газ. «Известия», 18.IV.1926)». Варианты заглавия:

<1> Метод —
оружие.
Дело человечье
бить им
себе
не причиняя увечье.

К стр. 111

<2> Марксистский метод
дело человечье
бей
своим
не причиняя увечье.

Зачеркнут вариант ст. 17—26:

Портной
и сапожник
в молодые года
нуждаются
в образовательном цензе
А такой
не выучась
читать по складам
берется
за выделку рецензий.

После ст. 107 зачеркнуто:

А понятен ли
он
широкой массе?
Ни для полотера
ни для водопроводчика
ни тете Соне
ни дяде Васе
Лермонтов не понятен —
точка.

Стихотворение является ответом поэта на анкету редакции «Журналиста». В журнале напечатано в разделе «Дискуссия» под рубрикой «Писатели о критике» со сноской: «см. «Журналист», №№ 1 и 4». Редакция провела в 1925—1926 гг. две анкеты: «Что говорят писатели о постановлении ЦК» (1925, №№ 8—9, 10) и «Наша критика и библиография» (1926, №№ 1, 4). В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., о которой идет речь, указывалось: «Марксистская критика должна решительно изгонять из своей среды всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство... давать отпор всякой макулатуре и отсебятине в своей собственной среде». *Целые хоры небесных светил, и ни слова об электрификации... светила у Лермонтова ходят без ветрил, а некоторые — и без руля.* Маяковский имеет в виду строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил —
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.

В статье «А что вы пишете?» Маяковский замечает: «Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова о том, что у него «целые хоры небесных светил и ни слова об электрификации», изрекаемые в стихе глупым критиком, — писавший отчет в «Красной газете» о вечерах Маяковского приписывает мне, как мое собственное недотепистое мнение. Привожу это как образец вреда персонификации поэтических произведений» (т. 12, стр. 120). *Милюковски юля.* Милюков П. Н. (1859—1943) — один из лидеров русской буржуазии, глава партии кадетов, член Временного правительства в 1917 г. Стремясь согласовать интересы буржуазии с интересами царизма, Милюков лавировал между правым и «левым» крылом своей партии. *Смычка* — см. стр. 569. *Аллитерация* — созвучие в стихе, повторение однородных согласных в словах, входящих в строку, для усиления ее выразительности. *Лежнев* Абрам Захарович (1893—1937), *Вешнев* Владимир Георгиевич (1881—1932) — литературные критики, принадлежавшие к враждующим литературным группировкам «Перевал» и «Кузница».

Четырехэтажная халтура. Впервые — КП, 1926, 5 мая. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия и без ст. 1—34 в ЗК № 34 (апрель — май 1926 г.) — БММ. Этим стихотворением начинается сотрудничество Маяковского в газете «Комсомольская правда». В статье «А что вы пишете?» Маяковский отмечал: «Ответственность за халтуру и деквалификацию лежит на всех. У каждого своя роль, выведенная в моем стихе „Четырехэтажная халтура“» (т. 12, стр. 121). *ГИЗ* — Государственное издательство. *Вшивают в Маркса Аверченковы листы.* Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881—1925) — писатель-юморист, после революции эмигрировал за границу. Имеется в виду подлинный случай в типографии Госиздата, когда, по небрежности брошюровщицы, в один из томов Собрания сочинений К. Маркса вшили несколько листов из сборника фельетонов Аверченка, печатавшегося там же. *Выписывают гонорары Цицеронам.* Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — древнеримский оратор и политический деятель. Бухгалтерия Госиздата однажды выписала Цицерону гонорар за публикацию его произведений. *Бенуа* Пьер (р. 1886) — французский писатель, автор ряда авантюрных романов, действие которых происходит преимущественно в экзотических странах. Произведения Бенуа усиленно выпускались в годы нэпа разными частными издательствами как легкое чтиво. *Званье — «пролетарские» — нося как эполеты.* В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» говорилось: «По отношению к пролетарским писателям партия должна занять такую позицию: всячески помогая их росту и всемерно поддерживая их и их организации, партия должна предупреждать всеми средствами проявление комчванства среди них как самого губительного явления». *Радимов* Павел Александрович (р. 1887) — поэт и художник, пытался ввести в современные стихи гекзаметр. В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «...Форма чаще всего не по росту: или факт совсем затеряется, как блоха в брюках, — например, радимовские поросята

в его греческих, приспособленных для «Илиад» пентаметрах, — или факт выпирает из поэтической одежды и делается смешным вместо величественного» (т. 12, стр. 99), Говоря о «радимовских поросятах», Маяковский имеет в виду стихотворение П. А. Радимова «Свиное стадо». *Попутчики* — см. стр. 556. *Лидин* Владимир Германович (р. 1894) — советский писатель. *Фока* — персонаж из басни И. А. Крылова «Демьянова уха». *Казин* Василий Васильевич (р. 1898) — советский поэт. *Санников* Григорий Александрович (р. 1899) — советский поэт.

Английскому рабочему. Впервые — «Известия», 1926, 8 мая. Печ. по Соч., т. 5, стр. 163. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). Написано в связи со всеобщей забастовкой английских рабочих 4—12 мая 1926 г. В газете напечатано с примечанием: «Вношу гонорар за это стихотворение в забастовочный фонд и вызываю товарищей поэтов. Вл. М.». Всеобщая забастовка английских рабочих в 1926 г. явилась выдающимся событием в истории английского и международного рабочего движения и вызвала горячее сочувствие у советского народа. 9 мая в Москве, в Театре Революции, состоялся вечер: «Советские писатели — английским рабочим» с участием Маяковского. Напуганное размерами забастовки, английское правительство объявило страну на чрезвычайном положении. Были использованы войска и полиция. *Болдуин* Стенли (1887—1947) — английский политический деятель, в 1924—1929 гг. — премьер-министр Великобритании; руководил подавлением всеобщей забастовки. *Макдональд* Джемс Рамсей (1860—1937) — английский политический деятель, вождь лейбористов, сыграл предательскую роль во время забастовки. *Церетелить* — от фамилии одного из лидеров русских меньшевиков И. Г. Церетели (р. 1882).

Разговор с фининспектором о поэзии. Впервые — отд. изд., Тифлис, 1926. С изменениями — «За 7 дней», 1926, № 6, стр. 2. С новыми изменениями — «Новый мир», 1926, № 10, стр. 103. Печ. по Соч., т. 5, стр. 5. Черновой автограф в ЗК № 34 (1926), авторизованная машинописная копия — БММ. О мотивах, побудивших его выступить со стихотворением, Маяковский сообщил в статье «А что вы пишете?»: «Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось. Здесь были и объективные причины временного понижения — многолетняя работа последнего времени от срочного задания к срочному заданию, отсутствие времени на продумывание формальной стороны работы. Это сознательное временное приспособление слова имело и свои положительные результаты — очищение языка от туманной непонятности, сознательный выбор, поиск целевой установки. Значительно хуже — субъективные причины принижения качества. Это писательская, бессовестная, разухабистая халтурщина: постоянное предпочтение фактических заказов всем социальным, циничное предположение, что неквалифи-

цированный читатель сожрет все, и т. д. Этому способствует, конечно, и скверная постановка литературного дела вообще: странное поведение Гиза, при котором исчезла связь читателя с массой, вручение критики безответственным губошлепам, непригодным ни к какому другому труду, и т. д. Ощущению квалификации посвящено мое главное стихотворение последних недель — „Разговор с фининспектором о поэзии"» (т. 12, стр. 119—120). Маяковский вел в то время переговоры с фининспектором по поводу неправильного обложения его налогом. Сохранилось несколько заявлений Маяковского в Мосфинотдел. «Это заявление, — пишет поэт в Мосфинотдел 26 августа 1926 г., — не является случайным, а продумано мной и выведено из всей моей поэтической и теоретической работы...» (т. 13, стр. 24). Поэт требует, чтобы при исчислении суммы подоходного налога к нему относились, как к трудящемуся, перечисляет в 17 пунктах свои «производственные расходы». В этом же заявлении Маяковский писал: «По роду моей работы, которую я никак не могу превращать в канцелярскую, я, конечно, не веду никаких точных бухгалтерских заметок о приходах-расходах, но все мои расходы без труда могут быть проверены фининспектором и подтверждены профсоюзом в части производственных расходов, как и доходы, так как я работаю исключительно в госизданиях и учреждениях. К этому надо добавить, что, несмотря на то, что моя работа — работа общественная, часто выполняемая по прямым заданиям тех или иных госучреждений или органов (Наркомпрос, Комитет Парижской выставки и т. д.), я не пользуюсь ни единой бесплатной услугой государства и не трачу ни одной казенной копейки... Кроме того, находясь в заграничных поездках, я не использую их в целях наживы от выступлений и лекций, а выступаю только по предложению наших полпредств или иностранных рабочих и партийных организаций — или бесплатно, или по расценкам, едва покрывающим организационные расходы» (т. 13, стр. 93—94). *За неподачу деклараций.* Торговцы и лица «свободных профессий» обязаны были ежегодно подавать заявления (декларации) о своих предполагаемых доходах за год: уклонившиеся от подачи декларации штрафовались. В заявлении в Мосфинотдел Маяковский писал: «Неподача мною декларации объяснена отнюдь не уклонением от сообщения о своих заработках, а только тем, что в сложном поэтическом производстве почти невозможно точно учесть производственные расходы и способ их определения. Для этой только начатой работы нужны целые научные труды» (т. 13, стр. 90). *Бродвей* — см. стр. 566. *Перед вами багдадские небеса.* Багдади (сейчас Маяковски) — селение в Грузии, родина Маяковского. *Перед вишнями Японии.* В 1925 г., кроме Америки, Маяковский собирался посетить Японию. *Энкапеэс,* НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

Передовая передового. Впервые — «Красная газета», вечерний выпуск, 1926, 26 мая. Печ. по Соч., т. 5, стр. 30. *АХРР* — см. стр. 557. *Альфред, Травиата* (Виолетта) — персонажи оперы «Травиата» Д. Верди.

К стр. 131—140

Взяточники. Впервые — «Известия», 1926, 30 мая. Под заглавием «Взяточник» — «Тамбовская правда», 1926, 2 июня. Печ. по Соч., т. 5, стр. 209. *Тантьема* — одна из форм вознаграждения высших служащих предприятия, выдававшаяся обычно из прибылей. *«Абрау»* — марка шампанского.

Любовь. Впервые — «Известия», 1926, 13 июня. Ст. 96—110:

Для простенького хлопца
долго ль
в шелковую барыньку влопаться?
Он работает,
а женин хвост
подметает
Кузнецкий мост.
А за барыней
кавалеры,
бульвара бульварней!
Муж пришел.
Хорошо.
Тишина.
Дует горькую,
вдумчив и тих.
«Для кого ж
у меня
завелась жена:

Печ. по Соч., т. 5, стр. 224. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). Ст. 96—110 в двух вариантах.

Послание пролетарским поэтам. Впервые — КП, 1926, 13 июня. Вошло в Соч., т. 5. Стихотворение Маяковского «Четырехэтажная халтура» вызвало отклик Безыменского (КП, 1926, 1 июня). В своей «Оде скромности» Безыменский писал, имея в виду Маяковского:

Я скромность пою
и такого
поэта,
Который,
земле
грубя,
Всегда
и везде
орет
про это,
Про это...
как это...
про себя.

...Рабочий!
За тихость его полюби ты!
А он,
поэтов
стирая
в муку,
Не раз еще
строчек
взорвет динамиты,
По два рубля
за строку.
Не памятник нужен ему!
Он скромен,
И славы не любит он,
шепот любя!
Он не признает
«НИКОГО, КРОМЕ...,
Себя».

В своем «Послании...» Маяковский отвечает и на это стихотворение Безыменского. *Напостовский* — см. стр. 570. *Одного называют красным Байроном, другого — самым красным Гейнем.* В некоторых критических статьях того времени творчество М. Светлова сравнивали с творчеством Гейне, а в произведениях И. Уткина находили черты литературного сходства с Байроном.

Фабрика бюрократов. Впервые — «Известия», 1926, 20 июня. Печ. по Соч., т. 5, стр. 236. *Его прислали для проведенья режима.* Речь идет о режиме экономии во всех областях социалистического строительства и советской жизни. В апреле 1926 г. ЦК ВКП(б) принял резолюцию о режиме экономии. *Глядел лицом белее мела* и далее до строки *росла гора бумаг* — перекликается по ритмической структуре и отдельным мотивам со строфой из «Бородина» Лермонтова:

Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Товарищу Нетте, пароходу и человеку. Впервые — «Известия», 1926, 22 августа. Вошло в Соч., т. 5. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 37 (июль — сентябрь 1926) — БММ. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). Маяковский часто читал это стихотворение на своих вечерах, предваряя его исполнение, по свидетельству П. Лавута, небольшим предисловием: «Нетте — наш дипломатический курьер — погиб в Латвии при исполнении служебных обязанностей, отстреливаясь от нападавших на него контрразведчиков.., Я хорошо знал

товарища Нетте. Это был коренастый латыш, с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним много раз. Приходилось ездить с ним за границу в одном купе. Здесь встречается фамилия Якобсон, Ромка — это наш общий знакомый. В Ростове на улице я услышал — газетчики кричат: «Покушение на наших дипкурьеров Нетте и Махмастля». Остолбенел. Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась. Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш пароход покидал одесскую гавань, навстречу шел другой пароход, и на нем золотыми буквами, освещенными солнцем, два слова «Теодор Нетте», — это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом» («Знамя», 1940, № 4—5, стр. 210—211). *Нетте* Теодор Иванович (1896—1926) — сын сапожника, в юности сам работал подмастерьем, член ВКП(б) с 1914 г. В гражданскую войну командовал батальоном, был политработником. Убит 5 февраля 1926 г. при перестрелке в купе и коридоре вагона поезда, следовавшего через латвийскую территорию в Берлин, куда Нетте вез дипломатическую почту. *В порт, горящий, как расплавленное лето.* Встреча с пароходом «Теодор Нетте» произошла 28 июня 1926 г. *Якобсон* Роман Осипович (р. 1897) — ученый, филолог. Познакомил Маяковского с Нетте.

Тропики. Впервые — «Красный Крым», 1926, 11 июля, без подзаголовка. С изменениями — КНива, 1926, № 36, стр. 11, с тремя рисунками Маяковского, сделанными в Гаване и Мексике. Печ. по Соч., т. 5, стр. 92. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 36 (1926) — БММ. Написано после возвращения из Америки в мае — начале июля 1926 г. В статье «Как делать стихи?», опубликованной в мае 1926 г., поэт привел одну из рифм стихотворения в качестве примера «поэтической заготовки»: «Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок. Например... (окрашенные) нагусто (и дни и ночи) августа... Способ грядущего их применения мне неведом, но я знаю, что применено будет все» (т. 12, стр. 89—90).

Ужасающая фамильярность. Впервые — «Известия», 1926, 27 августа. Печ. по Соч., т. 5, стр. 230. Черновая запись отдельных строк в ЗК № 37 (июль — сентябрь 1926) — БММ. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). По свидетельству Л. Ю. Брик, стихотворение первоначально «кончалось так:

Но и я
взываю к вам
от всех великих:
«Милые,
не обращайтесь с нами фамильярно!» —

О. М. Брик удивился: — Ты же говоришь: «Я к великим не суюсь в почетнейшие лики, я солдат в шеренге миллиардной». Как же тогда — «с нами? — с великими?» — Маяковский тут же переделал

«с нами» на „с ними“» (Л. Брик. Воспоминания о стихах Маяковского. — «Знамя», 1941, № 4, стр. 228). В авторизованной машинописной копии стихотворения сохранились следы этой правки. *Улица Розы.* Роза Люксембург (1871—1919) — выдающаяся деятельница революционного рабочего движения в Германии и Польше. *Коллонтай* Александра Михайловна (1872—1952) — известная деятельница революционного русского и международного женского рабочего движения. С 1923 г. — советский дипломат. *Мейерхольд* Всеволод Эмильевич (1874—1942) — выдающийся советский режиссер, народный артист РСФСР с 1923 г. *Семашко* Николай Александрович (1874—1949) — первый народный комиссар здравоохранения (1918—1930).

Канцелярские привычки. Впервые — «Известия», 1926, 29 августа, с шуточной датировкой «Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка и т. д. 1, 2, 3, 4/I, II, III, IV и т. д.». Маяковский был в Крыму с 20 июня по 20 августа 1926 г. *На пузе лошади Петра Великого.* Имеется в виду памятник Петру I в Ленинграде. *Рыков* А. И. (1881—1937) в те годы был председателем СНК СССР.

Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан и «Красная Абхазия». Впервые — «Новый мир», 1926, № 12, стр. 103. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 37 (июль — сентябрь 1926) — БММ. В Одессе Маяковский был в июне 1926 г. 20 сентября 1926 г. поэт прочитал стихотворение в Политехническом музее.

Две Москвы. Впервые — «Известия», 1926, 12 сентября. Вошло в Соч., т. 5. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). *Китайская стена* окружала центральную часть Москвы, так называемый Китай-город. Впоследствии, при реконструкции, большая ее часть была снесена. *Главбум* — Главное управление бумажной промышленности. *Моссельпром* — Московское объединение предприятий по переработке продукции сельскохозяйственной промышленности. *Великая стройка уже начата.* Речь идет о грандиозном плане строительных работ по индустриализации страны, принятом на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.). *Там почтамт.* В 1926 г. в Москве строилось здание Центрального телеграфа (на теперешней улице Горького). *Здесь Ленинский институт* — Институт Ленина при ЦК ВКП(б), теперь — здание Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на Советской площади. *Плотники с небоскреба «Известий».* В 1926 г. рядом с бывшим Страстным монастырем достраивалось здание редакции газеты «Известия» (на теперешней площади Пушкина). *Садовое кольцо* — цепь улиц, окружающих центр Москвы. *Коровий вал* — часть Садового кольца. *Завод «Зари» и «Розы».* Речь идет о заводе «Заря коммунизма» и фабрике им. Розы Люксембург в Москве. *Фордзониться.* «Фордзон» — марка трактора. *Бросая по Спасской гимн боевой.* В то время куранты — часы на Спасской башне Кремля — в 12 часов ночи исполняли «Интернационал».

К стр. 163

Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому. Впервые — «Новый Леф», 1927, № 1, стр. 2. Печ. по Соч., т. 5, стр. 22. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 36 (июль — сентябрь 1926) — БММ. После ст. 50 не вошедшая в печатный текст строфа:

Столько-то увесистых томов
Как столько-то колов
Русью загоняет в Русь Романов
Издается много для пустых голов
но для оттопыренных карманов.

Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — писатель, автор трехтомного романа «Русь». Автограф ст. 92—98, 164—171 в ЗК № 37 (1926) — БММ. В середине сентября на организационном собрании сотрудников журнала «Новый Леф» Маяковский намечал включить в первый номер это стихотворение. Впервые было прочитано в Киеве 18 октября 1926 г. Горький уехал из России в ноябре 1921 г. вследствие болезни по настоянию В. И. Ленина. Для десятков и сотен тысяч читателей Горького затянувшаяся разлука с любимым писателем — буревестником революции — казалась непонятной и неоправданной. Горькому писали многие поклонники его таланта, просили его ускорить возвращение на родину. С. В. Брунеллер, служащий железнодорожных мастерских в Днепропетровске, писал А. М. Горькому в феврале 1928 г., что является «одним из сотен тысяч» его почитателей, и просил объяснить, почему А. М. Горький, так много сделавший для освобождения русского пролетариата от ига царизма, живет за границей. В ответном письме Горький сообщал С. В. Брунеллеру: «Уважаемый тов. Брунеллер, я уехал из России в ноябре 21-го года потому, что был болен, и на отъезде моем за границу настаивал В. И. Ленин. Тогда у нас в России санаторий еще не было. Живя здесь, я в пять лет написал семь книг, чего в России не мог бы сделать. Разногласий с Советской властью у меня нет, как Вы, наверное, знаете по статьям моим в московских «Известиях». Привет А. Пешков. 23.III.1928.Сорренто» (цит. по сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький». Письма, воспоминания, документы, 2-е изд., М., 1961, стр. 284). В своих ответах Горький сообщал о своем намерении вернуться на родину в ближайшее время. *Как помню, между нами что-то вышло вроде драки или ссоры.* Отношения между писателями расстроились после Октября, незадолго перед отъездом Горького за границу. Хотя причины ссоры нельзя считать до конца выясненными, но, по свидетельству людей, близко знавших в то время обоих писателей, она имела личный характер. *Думаете — с Капри, с горки Вам видней?* В 1926 г. Горький жил в Неаполе и в Сорренто. На Капри он жил до революции (1906—1913). *«Цемент»,* роман Ф. В. Гладкова, был напечатан в «Красной нови», 1925, №№ 1—6, в 1926 г. вышел отдельным изданием. Обращаясь к Ф. В. Гладкову, А. М. Горький писал: «Разрешите сказать несколько

слов о «Цементе». На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга» (Собр. соч., т. 29, стр. 438). *Калинников* Иосиф Федорович (1890—1934) — автор трехтомного полупорнографического романа «Мощи», из монастырской жизни. *Анáпест* — стихотворный метр, трехсложная стопа с ударением на последнем слоге. *Шенгели* — см. стр. 582. *Шаляпин* Федор Иванович (1873—1938) в 1918 г. получил звание народного артиста республики, в 1921 г. уехал за границу. *Парящий сокол, ползущие ужи* — аллегорические образы «Песни о Соколе» М. Горького. *Разве не лучше, как Феликс Эдмундович, сердце отдать временам на разрыв.* В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) к партии и ко всем трудящимся по поводу смерти Ф. Э. Дзержинского говорилось: «Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший боец коммунистической революции... Его больное, вконец перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!» («Правда», 1926, 21 июля).

Долг Украине. Впервые — «Известия», 1926, 31 октября. Печ. по Соч., т. 5, стр. 184. Маяковский был в Киеве в январе и в октябре 1926 г. *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!* — из «Майской ночи» Н. В. Гоголя. *Дуглас* Фербенкс (1883—1939) — популярный американский киноартист. *Мова* (укр.) — речь. *«Чуешь, сурмы заграли, час расплаты настав»* — первые строки припева «Интернационала» на украинском языке.

Октябрь 1917—1926. Впервые — «Красная панорама», 1926, № 45, под заглавием «Октябрь 25/X—7/XI». С изменениями — «Молодая гвардия», 1926, № 11, стр. 102. Под заглавием «25/X—7/XI» — МП, стр. 7. Печ. по Соч., т. 5, стр. 173.

Не юбилейте! Впервые — «Известия», 1926, 7 ноября. Вошло в Соч., т. 5. Авторизованная машинописная копия — ЦГАОР (фонд газеты «Известия»). *Глаз на мелочь! — приказ Ильича.* В. И. Ленин неоднократно говорил о необходимости самого внимательного отношения к «хозяйственным мелочам», подчеркивая важность борьбы за производство каждого пуда хлеба, угля, за экономию каждой государственной копейки. «Мы теперь должны, — писал он, — все рассчитывать, и каждый из вас должен научиться быть расчетливым» (Сочинения, 4-е изд., т. 33, стр. 402). *Почище японских землетрясений.* Речь идет о землетрясениях в Японии в 1923—1925 гг., вызвавших большие разрушения. *Англия бастующих шахт* — см. примеч. к стих. «Английскому рабочему», стр. 574. *Кантон* — портовый город в Китае, крупнейший центр революционного национально-освободительного движения. *Рабкооп* — рабочая кооперация. *РКИ* — рабоче-крестьянская инспекция.

Наше новогодие. Впервые — «Известия», 1927, 1 января. *Не Христовый считаем род.* Существующий ныне календарь ведет счет от так наз. «рождества Христова». *Марья Андреевна.* Марья

Антоновна и Анна Андреевна — действующие лица комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Нашему юношеству. Впервые — «Новый Леф», 1927, № 2, стр. 6, без ст. 158—178. После ст. 150:

Победу
 своими телами кормя,
на пушки пушки разинув,
бок о бок дрались дружины
 армян,
украинцев,
 русских,
 грузинов.

Заключительные ст. 158—178 впервые в статье «Корректура читателей и слушателей» («Новый Леф», 1927, № 3, стр. 47), здесь же вариант ст. 99—100. Печ. по Соч., т. 6, стр. 96. Черновой автограф ст. 1—5 в ЗК № 37 (1927), черновой автограф ст. 1—5 и 158—178 в ЗК № 39 (1927) — БММ. Запись рифмы к ст. 73, 76 на отдельном листе вместе с другими заготовками — ЦГАЛИ. Авторизованная машинописная копия — БММ. «Во втором номере «Лефа» помещено мое стихотворение «Нашему юношеству», — писал Маяковский в статье «Корректура читателей и слушателей». — Мысль (поскольку надо говорить об этом в стихах) ясна: уча свой язык, не к чему ненавидеть и русский, в особенности если встает вопрос — какой еще язык знать, чтоб юношам, растущим в советской культуре, применять в будущем свои революционные знания и силы за пределом своей страны. Самоопределение — а не шовинизм. Редактора́ и товарищи, которым я читал этот стих, необдуманно пытались заподозрить меня в какой-то своеобразной москвофилии. Я утверждал обратное. Я напечатал стих в «Лефе» и, пользуясь своей лекционной поездкой в Харьков и Киев, проверил строки на украинской аудитории... Прав оказался я» (т. 12, стр. 134). *Сквозь горло тоннеля узкого пролез.* На Курском вокзале в Москве проход на перроны к поездам через подземные тоннели. *Бодлер* Шарль (1821—1867), *Малларме* Стефан (1842—1898) — французские поэты-символисты. *Бульвардье* (франц.) — праздношатающийся, фланер.

Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели. Впервые — «Молодая гвардия», 1927, № 3, стр. 129. Под заглавием: «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала на лекциях профессора Шенгели» — Но.С, стр. 22. Печ. по Соч., т. 6, стр. 213. Черновой автограф ст. 108—114, 135—144 в ЗК № 39 (1927) — БММ. Стихотворение было впервые прочитано Маяковским в Харькове 22 февраля 1927 г. *Шенгели* Георгий Аркадьевич (1894—1956) — поэт, переводчик, профессор Московского университета, автор вышедшего несколькими изданиями руководства для начинающих писателей. В литературной судьбе Шенгели, крупного знатока русского стихосложения,

эта книжка, представлявшая собой популярное изложение догматических литературных «правил», сыграла крайне неблагоприятную роль, оказавшись объектом критики Маяковского. Выступление на диспуте 11 апреля 1926 г. о книге Шенгели в клубе рабкоров «Правды» Маяковский начал словами: «Выпуск книги Шенгели «Как писать статьи, стихи и рассказы» так же странен, как если бы ЦК швейников издало бы трактат о том, как вышивать аксельбанты лейб-гвардии его величества полка» (А. Чижов. Воспоминания. Цит. по кн.: Катанян, стр. 269). В статье Маяковского «А что вы пишете?» говорится: «...Я написал брошюру «Как делать стихи?» ...Я думаю, что такая брошюра особенно нужна на фоне беспринципных и вредных руководств, каким, по моему убеждению, является хотя бы третьим изданием выходящая книга Шенгели „Как писать статьи, стихи и рассказы“» (т. 12, стр. 122). В публичных докладах 1926—1927 гг. «Как писать стихи?», «Как делать стихи?», «Поп или мастер?» Маяковский неизменно говорил о книге Шенгели, на афишах эта часть выступлений Маяковского обозначалась тезисом: «Как в 5 уроков стать поэтом». См. также упоминания Шенгели в заметках из записных книжек «Нового Лефа» (1927, №№ 5, 6; 1928, № 2). Не отвечая Маяковскому по существу критики его книжки, Г. Шенгели выступил с докладами о Маяковском и выпустил брошюру «Маяковский во весь рост» (М., 1927). В газетном отчете о докладе Г. Шенгели в Литературной секции Государственной академии художественных наук на тему «Формально-социологический анализ поэзии Маяковского» говорилось: «Поверженный Георгием Шенгели Маяковский немедленно стал оживать в прениях и был возрожден в полном блеске выступлением проф. Сакулина. Проф. Сакулин признал, что перспективы доклада неверны, что фигура выдающегося поэта трактована с излишней легкостью, без увязки с литературным и освободительным движением эпохи» («Вечерняя Москва», 1926, 27 октября). *Хоть я и слыхал про суровый закон.* Имеется в виду декрет Совета Народных Комиссаров СССР «О мероприятиях по борьбе с хулиганством», принятый 29 октября 1926 г *Крыленко* Николай Васильевич (1885—1938) — заместитель народного комиссара юстиции с 1922 по 1928 г.

К о н ь - о г о н ь. Впервые — «Пионерская правда», 1927, 30 апреля, 7 мая, 14 мая, с не вошедшей в последнюю редакцию строфой после ст. 103:

Одному работать туго,
каждый —
помощь друг для друга.
Помните про это, дети:
всё,
что сделано на свете,
и игрушка,
и дом —
общим сделано трудом.

Печ. по отд. изд.: «Конь-огонь. Детская сказка», Л., 1928. (Рисунки Л. Поповой.) Вошло в Соч., т. 4. В беседе с корреспондентом варшавской газеты «Эпоха» поэт рассказывал: «Я стремлюсь внушить детям самые простейшие общественные понятия, делая это как можно осторожнее... Скажем, я пишу рассказ об игрушечном коне. Тут я пользуюсь случаем, чтобы объяснить ребенку, сколько людей должно было работать, чтобы изготовить такого коня, — допустим: столяр, художник, обойщик. Таким образом ребенок знакомится с коллективным характером труда» (т. 13, стр. 234).

Общее руководство для начинающих подхалим. Впервые — КП, 1927, 18 июня. Вошло в Соч., т. 6. Авторизованная копия под заглавием «Руководство для начинающих подхалим» — БММ.

Крым («Хожу, гляжу в окно ли я...»). Впервые — КП, 1927, 19 июня. Вошло в Соч., т. 6. Черновой автограф ст. 1—8 в ЗК № 37 (1927) — БММ. Беловой автограф — ИРЛИ. В Крыму, в Чаире, Маяковский жил в августе 1926 г.

По городам Союза. Впервые — «Молодая гвардия», 1927, № 4, стр. 98. Печ. по Соч., т. 6, стр. 164. Черновой автограф ст. 108—114, 135—144 в ЗК № 39 (1927) — БММ. В лекционной поездке по городам Нижний Новгород, Казань, Пенза, Самара, Саратов Маяковский был с 16 января по 1 февраля 1927 г. *Обдорская темь.* Маяковский имел в виду пустынный Обдорский край в низовьях Оби, на широте Северного полярного круга. *Сиянье Кашир.* Каширская электростанция была построена в 1922 г. по плану ГОЭЛРО. *ВАПП* — Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей. *А мы ползли и ползли к Арзамасу.* Маяковский ехал в Арзамас на местном поезде, чтобы пересесть на курьерский до Казани. *О великом своем гражданине.* Маяковский имеет в виду В. И. Ленина, который учился на юридическом факультете Казанского университета с 13 августа по 5 декабря 1887 г., когда он был арестован и исключен из университета за участие в студенческих революционных выступлениях. *Внимают юноши строфам про смерть* и т. д. Маяковский выступал перед студентами Казанского университета 21 января 1927 г., в третью годовщину со дня смерти В. И. Ленина, с чтением заключительной части поэмы «Владимир Ильич Ленин».

«За что боролись?» Впервые — «Новый Леф», 1927, № 3; КП, 1927, 27 марта. С изменениями — Но. С, стр. 59. Печ. по Соч., т. 7, стр. 182. Черновой автограф в ЗК № 39 (1927) — БММ. Здесь не вошедшие в текст строки:

Семнадцатилетние и двадцати
мы вам и сегодня сверстники
Не в трактире с цветами обоями
Нас утопит пивная река.

Мы умрем сжимая обоймы
Видим видим перед собой мы
океана годов перекат
на одной из баррикад.

Чека — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В 1922 г. была реорганизована в Государственное политическое управление.

«Даешь изячную жизнь». Впервые — «Бузотер», 1927, № 9, стр. 2. Вошло в Соч., т. 6. Номер журнала «Бузотер», где было напечатано стихотворение, вышел под заголовком «Специальный номер» — „Даешь изящную жизнь!“». Так назывались некоторые вечера Маяковского в Москве и во время его лекционных поездок (впервые 14 января в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея). *Милюков* П. Н. — см. стр. 573. *Керенский* А. Ф. — председатель Временного правительства в 1917 г., после Октябрьской революции — белоэмигрант. *«Моцци» Калинникова* — см. стр. 581.

Лучший стих. Впервые — «Труд», 1927, 23 марта. Печ. по Но. С, стр. 104. Вошло в Соч., т. 6. Выступление Маяковского в Ярославле в Городском театре состоялось 21 марта 1927 г. В газетном отчете об этом вечере говорилось: «После одного из перерывов Владимир Маяковский сообщил радиограмму «Северного рабочего» о взятии Шанхая, встреченную громом аплодисментов» («Северный рабочий», 1927, 23 марта). Текст радиограммы, прочитанной Маяковским на вечере: «Шанхай. 21. В 4 часа утра по шанхайскому времени шандуньские войска сдали Шанхай войскам национального правительства». В период первой гражданской войны в Китае в 1924—1927 гг. в Кантоне (на юге Китая) было создано буржуазно-демократическое антиимпериалистическое правительство, которое в то время поддерживали коммунисты. Начавшийся еще в июле 1926 г. так называемый «Северный поход кантонской национально-революционной армии» завершился взятием Шанхая, крупнейшего промышленного центра и морского порта Китая. С приближением революционных войск к Шанхаю в городе вспыхнуло восстание рабочих, в результате чего власть империалистов была свергнута. *Иерихонский.* От выражения «иерихонская труба». Его происхождение связано с библейской легендой о том, как стены города Иерихона (в Палестине) пали от звука труб осаждавших его войск.

«Ленин с нами!» Впервые — «Труд», 1927, 16 апреля. Здесь после ст. 180 исключенные в следующей прижизненной публикации строки:

«На толщь
окрутивших
соглашательских веревок
слова Ильича
ударами топора.

И речь
прерывало
обвалами рева:
— Правильно, Ленин.
Верно.
Пора!—»
Десятилетие!
Долго очень
Были белые —
стали клячи.
И сам
Керенский
с парой пощечин
за морем
себе
на чаишко клянчит.
А партия,
которой
от нас
судьба
советских республик
вверена, —
всегдашним
громовым рупором масс
раструбливает
это:
— верно! —
Годы!
Не смыть вам,
когда минуете,
и эту
с массой минут.
Как о первой
октябрьской минуте
об этом
упомянут.

Печ. по Соч., т. 6, стр. 43. Написано к десятилетию возвращения в Россию В. И. Ленина из эмиграции (16 апреля 1917 г.). *И я привожу вам просто цитаты из сердца и из стиха.* Ст. 54—61, 73—82, 94—105, 117—127, 139—148, 160—169 из поэмы «Владимир Ильич Ленин». *Керенский* — см. стр. 585.

Лена. Впервые — «Труд», 1927, 17 апреля. Вошло в Соч., т. 6. Написано в связи с 15-й годовщиной Ленского расстрела безоружных шахтеров 17 апреля 1912 г. *Лензото* (или «Лензолото») — «Ленское золотопромышленное товарищество», акционерное общество, эксплуатировавшее золотые прииски на реке Лене.

Товарищу машинистке. Впервые — «Наша газета», 1927, 22 апреля. С изменениями — Но. С, стр. 76. Печ. по Соч., т. 6, стр. 128. Написано в связи с конкурсом на лучшую машинистку, который проводила редакция «Нашей газеты». *Не накрасишься — не примут, а накрасься — сократят.* Использовано Маяковским в пьесе «Баня» в диалоге Фосфорической женщины и машинистки Ундертон: «Сократили. — Почему? — Губы, говорят, красила! — Так зачем же вы красили? — Не покрасить, тогда и совсем не примут».

Весна. Впервые — «Бузотер», 1927, № 17, стр. 3. Печ. по Соч., т. 6, стр. 205. *Славное море — священный Байкал* и далее — из песни на слова Дм. Давыдова, ставшей народной.

Венера Милосская и Вячеслав Полонский. Впервые — «Новый Леф», 1927, № 5, стр. 1. Вошло в Соч., т. 6. Черновой автограф ст. 1—11 в ЗК № 41 (1927), ст. 125—136, 139—142, 169—170, 173—174 в ЗК № 42 (1927), авторизованная машинописная копия — БММ. В Париже Маяковский был в начале мая 1927 г. *Полонский* Вячеслав Павлович (1886—1932) — критик, журналист, в то время редактор журналов «Новый мир», «Красная нива», «Печать и революция». Полонский выступил против редактируемого Маяковским «Нового Лефа» со статьей «Заметки журналиста. Леф или блеф?», где особенно резко нападал на опубликованные в № 2 «Нового Лефа» за 1927 г. письма А. М. Родченко из Парижа. Полонский писал: «Мы вовсе не хотим расписывать Париж восторженными красками. Цену ему мы знаем хорошо. И нас не прельстит он своими показными «прелестями». Но мы знаем также, что против того «Лувра», где наш Леф покупал воротнички и манжеты, есть другой «Лувр», которого он не заметил, — там собраны изумительные произведения мирового искусства» («Известия», 1927, 25 и 27 февраля). В ответ на статью Полонского в № 3 «Нового Лефа» была напечатана выписка из стенограммы заседания сотрудников журнала от 5 марта под председательством Маяковского — «Протокол о Полонском». В выступлениях на диспуте «Упадочное настроение среди молодежи» 13 февраля и 5 марта 1927 г. Маяковский полемизировал с Полонским. По поводу доклада Полонского на диспуте «О Есенине и есенинщине» 20 декабря 1926 г. в театре им. Вс. Мейерхольда он сказал: «...Несколько месяцев тому назад это поповство повторилось на вечере Есенина, где он говорил какую-то чушь о какой-то эллинской... <пропуск в стенограмме> и что-то было запутано с христианством» (т. 12, стр. 317). В газетном отчете содержание доклада Полонского о Есенине излагается следующим образом: «Ранее Есенин был поэтом радостного восприятия жизни, язычески радостного мироощущения. Первый удар этому был нанесен церковью и христианством, которые... отравили его жизнерадостность мистической скорбью» («Известия», 1926, 22 декабря). 23 марта в Политехническом музее был устроен диспут на тему «Леф или блеф?». После диспута Полонский опубликовал статью

«Критические заметки. Блеф продолжается» («Новый мир», 1927, № 5). *Ноблес оближ* (франц.) — положение обязывает. *Радимов* — см. стр. 573. *Кук*. Имеется в виду агентство, обслуживающее туристов. Первое бюро путешествий было основано в Англии Томасом Куком и приобрело всемирную известность. *АХРР* — см. стр. 557.

Господин «народный артист». Впервые — КП, 1927, 2 июня. Печ. по Соч., т. 6, стр. 93. *И те, кто покорен фаустовскому тельцу́* — т. е. золотому тельцу. Имеются в виду куплеты Мефистофеля «На земле весь род людской чтит один кумир священный» из оперы Гуно «Фауст». *Сорвите... народного артиста красный венок!* Ф. И. Шаляпин был лишен звания народного артиста 24 августа 1927 г.

Ну, что ж! Впервые — КП, 1927, 12 июня, на «Литературной странице», посвященной предстоящей «Неделе обороны». К «Неделе обороны», проводившейся 10—17 июля 1927 г., Маяковским написаны также стихотворения «Призыв», «Сплошная неделя», «Посмотрим сами, покажем им», «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела».

Ответ на «Мечту». Впервые — КП, 1927, 24 июня. Вошло в Соч., т. 6. Стихотворение «Мечта», подписанное «Вузовец», было помещено в стенной газете медицинского факультета МГУ. Маяковский получил это стихотворение в редакции «Комсомольской правды». Один из работников редакции, М. Краснотавский, рассказывает: «Дело было так. Будучи студентом литфака I МГУ, я в порядке общественной работы просматривал стенгазеты вуза. В стенгазете медицинского факультета нашел это стихотворение и принес его в «Комсомольскую правду» Якову Ильину. Мне поручили написать фельетон-ответ. Но ни у меня, ни у товарищей фельетонистов, которые пытались «перекрыть» это стихотворение прозой, ничего не получилось. Ильин забраковал наши фельетоны. Стихотворение было передано Маяковскому. Он написал свой „Ответ“» (цит. по комментариям сб. «В повестку дня», М., 1936, стр. 360).

Возьмем винтовки новые. Впервые — «Пионерская правда», 1927, 18 июня, с нотами Д. К. Покраса. Под заглавием «Нынешняя пионерия» — «Пионер», 1927, № 12, на обложке. Печ. по Соч., т. 6, стр. 52. Написано в связи с подготовкой «Недели обороны СССР», проходившей с 10 по 17 июля 1927 г.

Наглядное пособие. Впервые — КП, 1927, 23 июля. Написано в связи с восстанием рабочих в Вене в июле 1927 г., поводом для которого явилось оправдание австрийским судом фашистов, убивших двух рабочих. Восставшие рабочие подожгли здание суда. В 19-й главе поэмы Маяковского «Хорошо!»: «В газету

глаза: молодцы — ве́нцы! Буржуя́м под зад наддают коленцем...». Похороны 57 рабочих, убитых во время столкновения с войсками, состоялись 20 июля.

Чудеса! Впервые — «Рабочая Москва», 1927, 28 сентября. С изменениями — Но.С, стр. 53. Печ. по Соч., т. 6, стр. 13. Заготовки рифм к стихотворению в ЗК № 46 (1927) — БММ. Выступление Маяковского в Ливадийском дворце (бывшей царской летней резиденции, превращенной в крестьянский санаторий) состоялось 22 августа 1927 г.

Маруся отравилась. Впервые — КП, 1927, 4 октября. С изменениями — СК, стр. 18. Печ. по Соч., т. 6, стр. 173. В газете напечатано в большой подборке под общей шапкой: «Мы против снижения цен на человека». Эпиграфы взяты из заметок «Электротехник Боб» (КП, 1927, 27 августа) и «Скучно жить» (КП, 1927, 31 августа). В стихотворении использованы материалы заметок «О нежных ручках» и «Щеголи и кавалеры», напечатанных в подборке «Обыватели в комсомоле» (КП, 1927, 27 августа): «Самым нездоровым элементом среди комсомольцев являются те, которые взяли курс гулять с накрашенными дочками нэпманов. Когда спросишь: «Что в этой девушке тебе нравится?», отвечает: „Во-первых, у нее пианино, замечательный голосок, придешь, этак сядешь в глубокое мягкое кресло, а она, понимаешь, своими нежными ручками сыграет какой-нибудь душещипательный романс. Уйти безусловно от этого не хочется — ведь это огромное удовольствие"». В первой части стихотворения пародируется мещанский романс «Маруся отравилась...», популярный в 1920-е годы. Гарри *Пиль* (р. 1893) — немецкий киноактер.

Письмо к любимой Молчанова, брошенной им... Впервые — КП, 1927, 4 октября. Печ. по Соч., т. 6, стр. 123. Беловой автограф в ЗК № 51 (1927) — БММ. Стихотворение поэта *Молчанова* Ивана Никаноровича (р. 1903) «Свидание» было напечатано в КП 25 сентября 1927 г. Маяковский полемически перефразирует и цитирует ряд строк этого стихотворения:

Закат зарею прежней вышит,
Но я не тот,
И ты — не та,
И прежний ветер не колышет
Траву под веером куста.
У этой речки говорливой
Я не сидел давно с тобой...
Ты стала слишком некрасивой
В твоей косынке
Голубой
. . . .
Я, милая, люблю другую —
Она красивей и стройней,

И стягивает грудь тугую
Жакет изысканный на ней.
У этой речки говорливой
Я песни новые пою.
И той,
Богатой и красивой,
Я прежний пламень отдаю.
. . . .
Мне скажут:
— Стал ты у обрыва
И своего паденья ждешь!
И даже ты мои порывы
Перерожденьем
Назовешь.
Пусть будет так!..
Шумят дубравы,
Спокоен день,
Но тяжек путь...
Тот, кто устал, имеет право
У тихой речки отдохнуть.
Иду к реке,
Иду к обрыву,
И с этой мирной высоты
Бросаю звонкие на диво
И затаенные мечты.
За боль годов,
За все невзгоды
Глухим сомнениям не быть.
Под этим мирным небосводом
Хочу смеяться и любить.

Маяковский продолжал полемику с И. Молчановым в стихотворении «Размышления о Молчанове Иване и о поэзии». В пьесе Маяковского «Клоп» слова из стихотворения «Свидание» вложены в уста пошляка-обывателя Присыпкина:

Я, Зоя Ванна, я люблю другую.
Она изячней и стройней,
и стягивает грудь тугую
жакет изысканный у ней.

И далее в сцене в общежитии: «Я свой долг на случай надобности всегда исполнить сумею. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю. Во!» Другой персонаж пьесы (слесарь) отвечает Присыпкину стихами Маяковского: «Шел я верхом, шел я низом...»

Размышления о Молчанове Иване и о поэзии. Впервые — КП, 1927, 23 октября. Беловой автограф под заглавием

«Разные размышления о Молчанове Иване и о поэзии» — БММ. Является ответом на стихи И. Молчанова «У обрыва», напечатанные в том же номере КП. В полемике с И. Молчановым Маяковский имеет в виду следующие строфы его стихотворения:

Стою у обрыва,
И волны реки —
Как лед холодны
И как ночь глубоки.

За ней, за рекою —
Дожди да туман...
Грустны мы с тобою,
Молчанов Иван.

...Я шел с барабаном.
Я пел на закат,
И бодрая песня
Будила солдат.

Тяжелые тучи
Ушли на покой...
Присел отдохнуть
Барабанщик лихой.

Ты новые песни
Для Века готовь,
Сказала в боях
Сбереженная кровь.

И песня лилась
На холодный откос.
Запел барабанщик
Про золото кос.

Запел он, склонившись
Над струнами строф,
Про девичью нежную,
Злую любовь.

. . . .

Стою у обрыва
За темной рекой —
Холодная муть,
Тишина да покой;

А может случиться,
Нахлынет туман,
Тревогу былую
Забьет
Барабан.

«Массам непонятно». Впервые — «Бузотер», 1927, № 39, стр. 2, с рисунком Н. Денисовского. С изменениями — Но. С, стр. 5. Печ. по Соч., т. 7, стр. 165. Той же теме посвящено стихотворение Маяковского «Не всё то золото, что хозрасчет». В статье «Вас не понимают рабочие и крестьяне» (1927) Маяковский писал: «Идет демагогия и спекуляция на непонятности... Слова о сегодняшней всехной понятности Пушкина — это полемический прием, направленный против нас, это, к сожалению, комплимент, не нужный ни Пушкину, ни нам. Это бессмысленные слова какой-то своеобразной пушкинской молитвы... Наш чтец — это вузовская молодежь, это рабочая и крестьянская комсомолия, рабкор и начинающий писатель, по существу своей работы обязанный следить за многочисленными группировками нашей культуры. ... Мне часто приходится по роду своей разъездной чтецкой работы встречаться лицом к лицу с потребителем. Картина платных публичных выступлений тоже показательна: пустые первые, дорогие ряды — расхватанные входные стоячие и галерка... Если кто и займет на моем чтении перворядный билет, то именно он кричит: — Вас не понимают рабочие и крестьяне!..» (т. 12, стр. 164—169). *А еще посредников кроет Асеев.* Речь идет о стихотворении Н. Асеева «Через головы критиков» (сб. «Изморозь», 1927).

Голубой лампас. Впервые — «Ленинградская правда», 1928, 26 февраля. Без эпиграфа — Но. С, стр. 49. Печ. по Соч., т. 7, стр. 324. Черновой автограф без заглавия и эпиграфа в ЗК № 51 (1927) — БММ. После ст. 11 записано не вошедшее в текст двустишие:

Здесь жить и я бы начал
писать по-пастерначьи.

Маяковский был в Новочеркасске 24—27 декабря 1927 г. Памятник казачьему атаману *Ермаку* Тимофеевичу (ум. 1585), присоединившему Сибирь к России, стоит на центральной площади в Новочеркасске. *Каледин* А. М. (1861—1919) — наказной атаман Войска Донского. После Октября пытался создать «самостоятельное» казачье государство на Дону. *Платов* Матвей Иванович (1751—1818) — атаман Донского казачьего войска, участник Отечественной войны 1812 г. Улица атамана Платова была главной в Новочеркасске, теперь — Подтелковская.

Три тысячи и три сестры. Впервые — «Ленинградская правда», 1928, 21 января. Печ. по Соч., т. 7, стр. 335. Беловой автограф — ГЛМ. Беловой автограф с поправками в ЗК № 54 (1928) — БММ. В очерке «Рожденные столицы» (1928) Маяковский писал: «Тот, кто никогда не был в так называемой «провинции», плохо сейчас себе эту провинцию представляет. Тот, кто был в этой провинции до революции, — не представляет ее совсем. Прежде всего самое название «провинция» дико устарело. Архаический язык

еще склонен называть провинцией даже такие города, как Минск, Казань, Симферополь, а эти города, волей революции ставшие столицами, растут, строятся, а главное, дышат самостоятельной культурой своей освобожденной страны» (т. 9, стр. 429). В заглавии и первых строках Маяковский имеет в виду персонажей пьесы А. П. Чехова «Три сестры». *Харьков* до 1934 г. был столицей УССР. *«Загорелась мне Америки новой звезда!»* — из стихотворения А. Блока «Новая Америка» (1913).

Дом Герцена (только в полночном освещении). Впервые — «Вечерняя Москва», 1928, 14 июля. Вошло в Соч., т. 7. В доме на Тверском бульваре, в Москве, где родился А. И. Герцен, в 1920-х годах помещались литературные организации, в подвальном этаже был открыт ресторан, все вместе это было принято называть Домом Герцена. *Желтое, как йод, пиво на шальвары в клетку сонный русский льет.* Перефразировка строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841):

Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин...

«Где вы те-пе-рь...» Кто лечит их? Маяковский иронически использует строки из романса А. Вертинского «Лиловый негр»: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?..».

Трус. Впервые — «Крокодил», 1928, № 28, стр. 3, под заглавием «Драже». С изменениями — «Без доклада не входить». М.—Л., 1930, стр. 3. Печ. по Соч., т. 7, стр. 5. Беловой автограф ст. 119—132 — ИМЛИ. В афише вечера «Левее Лефа» 26 сентября 1928 г. названо «Сов-трус». *Эркаи* — РКИ, рабоче-крестьянская инспекция.

Екатеринбург — Свердловск. Впервые — «Уральский рабочий», 1928, 29 января. Под заглавием «Где золото роют в горах» — «Ленинградская правда», 1928, 25 февраля, литературное приложение. Печ. по Соч., т. 7, стр. 338. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 55 (1928) — БММ. Маяковский был в Свердловске 26—28 января 1928 г., во время поездки по Уралу. По свидетельству тогдашнего председателя Свердловского исполкома А. И. Парамонова, Маяковский много расспрашивал о прошлом города. *Екатеринбург* — старое название Свердловска. Основан в 1723 г. и назван в честь жены Петра I (потом императрицы Екатерины I). Маяковский ошибочно связывает название «Екатеринбург» с Екатериной II (см. ст. 11—19), прямым потомком которой был Николай II (см. ст. 30—34). *Пепеляев* В. Н. (1884—1920) — министр в белогвардейском правительстве Колчака. Расстрелян по приговору Иркутского ревкома. *Гайда* Рудольф (р. 1892) — руководитель контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса в мае 1918 г. в Поволжье и Сибири. *Верховный Колчак.* Адмирал царского флота Колчак А. В. (1873—1920) в 1918—1920 гг. возглавлял контррево-

люционные силы в Сибири, был признан правительствами ряда капиталистических стран в качестве «верховного правителя России».

Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру. Впервые — «Правда», 1928, 18 февраля, с подзаголовком: «Из книги „Культурная революция“». Печ. по СК, стр. 68. Вошло в Соч., т. 7. Черновой автограф под заглавием «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении его в новую квартиру» в ЗК № 55 (1928) — ЦГАЛИ. Беловой автограф начальных строк одиннадцати строф, сделанный осенью 1928 г. к одному из публичных выступлений, в ЗК № 63 (1928) — БММ. В афише вечера «Левее Лефа» 26 сентября 1928 г. названо «Хол. и Гор.». «В дни пребывания В. В. Маяковского в Свердловске по улице Ленина заселяли вновь выстроенный дом, — вспоминает один из современников.— Рабочие Верхне-Исетского завода переезжали из маленьких екатеринбургских хибарок в новые просторные и светлые квартиры. Маяковский не прошел мимо этого простого и будничного факта. Он побывал в квартирах рабочих, беседовал с ними...» (И. Кленовский. «Три стихотворения». — «Уральский рабочий», 1940, 14 апреля).

Казань. Впервые — КП, 1928, 7 июля. Вошло в Соч., т. 7. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 59 (1928), беловой автограф — БММ. Устроитель вечеров поэта П. И. Лавут рассказывал о пребывании Маяковского в Казани и встрече его с местными поэтами 23 января 1928 г.: «В номер старинного «Казанского подворья» началось настоящее паломничество. Журналистов и студентов сменили местные и приезжие поэты. Совсем молодой парень застенчиво вышел и после долгих робких предисловий прочел «Левый марш» по-чувашски. У Маяковского в руках чья-то тетрадь стихов. Снова раздается «Левый марш», на этот раз по-татарски. Маяковский одинаково приветлив со всеми, выслушивает всех, всем отвечает. В третий раз «Левый марш» уже по-марийски. А кругом все время — новые и новые люди, все хотят видеть Маяковского, все хотят узнать его мнение о своих стихах, о литературе, о быте, о газетной работе...» (П. Лавут. Маяковский едет по Союзу. — «Знамя», 1940, № 6—7, стр. 276). *«Шурум... бурум...»* — искаженное «старье берем», слова, которые кричали старьевщики, ходившие по дворам и скупавшие старую одежду. Этим промыслом занимались преимущественно казанские татары. Здесь как звукоподражательное воспроизведение татарской речи.

Император. Впервые — КН, 1928, № 4, стр. 114. С изменениями — Но. С, стр. 44. Печ. по Соч., т. 7, стр. 328. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 55 (1928) — ЦГАЛИ. Здесь первоначальный вариант ст. 56—63:

На девятой версте
так же снег блестел

Уж не этот товарищ лес ли
это он и есть слезли.

И строки, не вошедшие в окончательный текст:

В короне из золотожилья
Башкой в изумрудные копи
Лежит как его уложили
на лоб драгоценности копит

Я сразу вскину две пятерни
Я голосую против
С кровищей руку твою протяни
казнить или нет человечьи дни
не встать мне на повороте
Живые так можно в зверинец их
Промежду гиеной и волком
И как ни крошечен толк от живых
от мертвого меньше толку
Мы повернули истории бег
Старье навсегда провожайте
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден.

Авторизованная машинописная копия; беловой автограф начальных строк четырнадцати строф, сделанный осенью 1928 г. к публичному выступлению, в ЗК № 63 (сентябрь 1928) — БММ. 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге при приближении к нему белых армий, по постановлению Уральского областного совета рабочих и крестьянских депутатов, был расстрелян бывший российский император Николай II и члены его семьи. В январе 1927 г. в Свердловске Маяковский ездил с председателем горсовета *Парамоновым* Анатолием Ивановичем (р. 1891) на место, где были погребены расстрелянные. *Исеть* — река близ Свердловска. *У корня, под кедром, дорога, а в ней — император зарыт* — перефразировка строк из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840):

На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Десятилетняя песня. Впервые — «Пионерская правда», 1928, 22 февраля. Под заглавием «Красноармейская песня» и с вариантом заключительных строк:

В Красной
в Армии
крепни, блестя,
сила рабочего,
сила крестьян! —

«Рабочая Москва», 1928, 23 февраля. Печ. по Соч., т. 6, стр. 20. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 55 (1928) — БММ. *Дрянь адмиральская.* Имеется в виду адмирал Колчак (см. стр. 593). *Пан и барон.* Имеется в виду наступление польских войск и белогвардейцев с юга России под командованием барона фон Врангеля летом 1920 г. *Шли от шестнадцати разных сторон.* Речь идет об интервенции «четырнадцати держав» против Советской России. Известен сделанный рукой В. И. Ленина перечень четырнадцати воевавших против Советской России государств (см.: В. И. Ленин. Сочинения, 3-е изд., т. XXIV, стр. 814). На полях этого перечня Ленин приписал «Колчакия, Деникия» (т. е. всего шестнадцать). Знал ли об этом факте Маяковский, не установлено. Не исключено, что Маяковский подразумевает здесь также стороны света (на компасе шестнадцать основных делений — румбов). *Антанта* — союз держав, воевавших во время первой мировой войны против Германии. Антанта поддерживала и осуществляла интервенцию в России.

Писатели мы. Впервые — КП, 1928, 24 мая. Печ. по Соч., т. 7, стр. 66. Написано к третьей годовщине газеты «Комсомольская правда». Большинство стихотворений Маяковского этих лет были опубликованы в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Ленинградская правда», «Рабочая Москва», «Читатель и писатель», «Смена», «Постройка», «Уральский рабочий», перепечатывались во многих периферийных периодических изданиях. Маяковский придавал принципиальное значение работе писателя в газете, решительно отвергал выдвигаемую некоторыми пренебрежительно относящимися к газетной работе писателями и критиками «теорию», будто подлинное художественное произведение не может быть написано по свежим следам фактов и событий, непременно требует *«пафоса дистанции»*. В статье «Казалось бы ясно» (1929) он писал: «Мы настолько сейчас изощрены в поэтической технике и в способах владения словом, что состязаться в этой области скучно и непродуктивно. Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое, это — «поэзия — путь к социализму». Сейчас этот путь идет между газетными полями. Нелепо относиться к газете как к дурному обществу, принижающему поэтическую культуру... Газета не только не располагает писателя к халтуре, а наоборот, искореняет его неряшливость и приучает его к ответственности» (т. 12, стр. 192). *«Как хороши, как свежи были розы»* — название стихотворения в прозе И. С. Тургенева, строка, несколько раз повторяющаяся в тексте. Тургеневым эта строка взята из стихотворения И. П. Мятлева (1796—1844) «Розы». *МКХ* — Московское коммунальное хозяйство, отдел Моссовета, ведавший городским хозяйством.

«Жид». Впервые — КП, 1928, 15 июня. После ст. 57 исключенная в последующих публикациях строфа:

Когда
        в трамвае
                тесно, как в курятнике,
и «жидом»
        обложат
                бородатые комоды, —
это
    бывшие
        полицейские и урядники
пробуют
        норов
            свой
                толстомордый.

Печ. по «Смене», 1928, 16 июня. Вошло в Соч., т. 7. Беловой автограф в ЗК № 57 (1928) — БММ. Авторизованная машинописная копия — ЦГАЛИ. Борьбе с антисемитизмом «Комсомольская правда» посвятила ряд статей и подборок. О травле ученика *Бейраха* на Нижней фабрике в Иваново-Вознесенске газета писала в 1927 г. (№№ 43, 46, 48). *Соловки* — бывший Соловецкий монастырь. В 1920-х годах Соловки были местом заключения.

Служака. Впервые — КП, 1928, 19 июня. Вошло в Соч., т. 7. В афише вечера «Левее Лефа», состоявшегося 26 сентября 1928 г., названо «Сов-служака». В газете помещено в подборке «Дайте отпуск от революции», посвященной отрицательному типу «деляги» в комсомоле. Под карикатурой, помещенной в этой же подборке, следующее редакционное пояснение, прямо перекликающееся со стихотворением Маяковского: «„Дайте отпуск от революции" — этого требует сегодня узколобый деляга, „прикладной человек". Его основная цель — получить специальность, стать „дельным человеком и думать о красе ногтей". Кому он будет служить, кому принесет он свои знания — для него неважно. Коммунистическая идея для него не знамя, не цель жизни, а выигрышная облигация, приносящая проценты каждое 1 и 15 число. Узкий профессионализм, забота лишь о своей карьере, своем благополучии вышелушили в нем революционера, заслонили перед ним задачи коммуниста. Вопросы революции его не мучают, судьба ее — не волнует, за себя он спокоен. Всей силой большевистского огня обрушимся мы на таких службистов с партбилетом в кармане». *МОПР* — Международное общество помощи борцам революции. *МКК* — Московская контрольная комиссия. Контрольные комиссии существовали в РКП(б) — ВКП(б) в 1921—1934 гг. как органы партийного контроля.

Дачный случай. Впервые — КП, 1928, 30 июня. Вошло в Соч., т. 7. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 58 (1928) — БММ. В газете напечатано в подборке «Литература — искусство». *Пушкино* — дачная местность под Москвой, место действия одного из самых популярных стихотворений Маяковского — «Необычай-

ное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче (Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дороге)» (см. наст. изд., т. I, стр. 278).

Помпадур. Впервые — «Крокодил», 1928, № 29, стр. 7. Вошло в Соч., т. 7. В афише вечера «Левее Лефа» 26 сентября 1928 г. названо «Сов-помпадур». Маяковский по дороге в Крым, куда он выехал 23 июля 1928 г., дал в редакцию телеграмму с просьбой в этом стихотворении заменить фразу «беспартийный катится под стол» фразой «собеседник сверзился под стол». Факт, положенный в основу стихотворения, описан в фельетоне М. Кольцова «В международном вагоне» («Правда», 1928, 15 мая). Эпиграф стихотворения является выдержкой из этого фельетона. *Помпадур* — администратор-самодур. Вошло в обиход после романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши». *«Володеть и княжить»* — формула княжеской власти в древней Руси, употребляемая в летописи. *СТО* — Совет Труда и Обороны при Совнаркоме СССР.

Крым («И глупо звать его «Красная Ницца»...»). Впервые — КП, 1928, 25 сентября. Вошло в Соч., т. 7. Черновой автограф первой строфы, беловой автограф — БММ. *Ореанда, Массандра* — поселки около Ялты, славящиеся виноделием. *Чемберлен* Остин (1863—1937) — министр иностранных дел Англии в 1924—1929 гг. в консервативном правительстве Болдуина. *Рвало здесь землетрясение дороги` петли.* В сентябре 1927 г. в Крыму было сильное землетрясение. *Ай-Петри* — одна из вершин главной гряды Крымских гор.

Евпатория. Впервые — «Вечерняя Москва», 1928, 13 августа. Вошло в Соч., т. 7.

Шутка, похожая на правду. Впервые — «Читатель и писатель», 1928, 18 августа, под заглавием «Маленький фельетон». Печ. по Соч., т. 7, стр. 115. Беловой автограф, корректурные гранки газеты «Читатель и писатель» с правкой Маяковского — БММ. Стихотворение написано в связи с проектом построить дом Госиздата на месте Страстного монастыря. *От Пушкина до «Известий» шагов двести.* Тогда памятник А. С. Пушкину стоял в начале Тверского бульвара, а Страстной монастырь находился на месте теперешнего сквера на площади Пушкина. *Степанов-Скворцов* Иван Иванович (1870—1928) — партийный и советский государственный деятель. В 1928 г. — ответственный редактор «Известий» и журнала «Красная нива». *Орешин* Петр Васильевич (1887—1943) — советский поэт. *Зозуля* Ефим Давидович (1891—1941) — советский писатель.

Секрет молодости. Впервые — однодневная газ. МК ВЛКСМ «Идут легионы», 1928, 2 сентября — экстренный выпуск газ. «Рабочая Москва» к XIV Международному юношескому дню,

под заглавием, данным редакцией, «Песня бодрости». 20 апреля 1930 г., в связи со смертью Маяковского, напечатано в КП как «неизданное стихотворение Маяковского» (публикация Дж. Алтаузена по беловому автографу). Печ. по КП, 1930. Запись рифм к ст. 2, 6, 15 в ЗК № 52 (1928); беловой автограф — БММ. *КИМ* — Коммунистический интернационал молодежи.

Галопщик по писателям. Впервые — «Читатель и писатель», 1928, 8 сентября. Здесь ст. 147—148:

скача
на меня с Олёши.

Печ. по «Без доклада не входить», М.—Л., 1930, стр. 63. Беловой автограф — ГПБ. Авторизованная машинописная копия, беловой автограф ст. 118—130 как составная часть тезисов для выступления перед аудиторией — БММ. Напечатанные в «Красной нови» (1928, № 8) «Литературные заметки» *Тальникова* Давида Лазаревича (1882—1962) содержали грубый «разнос» стихов и очерков Маяковского об Америке. Критик пренебрежительно называл стихи Маяковского «газетными агитками». Маяковский писал в редакцию журнала 16 августа 1928 г.: «Изумлен развязным тоном малограмотных людей, пишущих в «Красной нови» под псевдонимом «Тальников». Дальнейшее мое сотрудничество считаю лишним» (т. 13, стр. 121). Выступая 10 сентября 1928 г. на вечере в Красном зале МК ВКП(б), Маяковский говорил: «За что на меня обиделся Тальников? За то, что я ездил не так, как ездили до меня разные писатели, в том числе Глеб Успенский, которого Тальников мне ставит в пример... О своем путешествии Успенский написал через 10 лет. А кому нужно, если я в 1938 году напишу в «Комсомольской правде» об американском империализме 1928 года?» (КП, 1928, 12 сентября). *А только грублю, случайно узря Шаляпина или монахинь.* Речь идет о стихотворениях Маяковского «Господин „народный артист“» и «6 монахинь». *Северянин* Игорь (псевдоним Лотарева Игоря Васильевича (1887—1942) — русский поэт, с 1918 по 1940 г. жил за границей (см. наст. изд., т. 1, стр. 608). *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942) — русский поэт. Умер в эмиграции. *Колизеи* — здесь обобщено в значении «древности». Колизей — грандиозный цирк-амфитеатр в древнем Риме, развалины его сохранились до наших дней.

Лучше тоньше, да лучше. Впервые — «Читатель и писатель», 1928, 15 сентября. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 62 (1928), беловой автограф — БММ. Помещено в ряду высказываний о книге виднейших деятелей культуры в связи с отмечавшимся 15 сентября «Днем книги».

Столп. Впервые — «Крокодил», 1928, № 36, стр. 6. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 62 (1928) — БММ.

Сплетник. Впервые — «Крокодил», 1928, № 47, стр. 10, без ст 51—61. С изменениями — Соч., т. 7, стр. 35, без ст. 62—71. Печ. по «Без доклада не входить», М.—Л., 1930, стр. 14.

Стихи о разнице вкусов. Впервые — «Чудак», 1929, № 2, стр. 7. С изменениями, с подзаголовком «Вместо предисловия» — ТО, стр. 5. Печ. по Соч., т. 8, стр. 95. Черновой автограф без заглавия в ЗК № 64 (1928) — БММ. Так же как «Стихотворение о проданной телятине», «Стихи о красотах архитектуры», «Письмо тов. Кострову...», «Письмо Татьяне Яковлевой», написано в Париже, где Маяковский был с 15 октября по 3 декабря 1928 г.

Стихотворение о проданной телятине. Впервые — КП, 1928, 16 декабря. После ст. 64 не вошедшие в последующие публикации строки:

Мы, мол,
оскорблены
и проходим мимо.

Печ. по Соч., т. 8, стр. 102. Черновой автограф в ЗК № 64 (1928); беловой автограф в ЗК № 65 (1928); запись-памятка начальных строк первых двенадцати строф для чтения стихов на публичном выступлении в ЗК № 69 (1929) — БММ. В газете помещено вместе с фотографиями плакатов, о которых упоминается в стихотворении. Под снимками подпись: «Плакат, развешанный на улицах Парижа, с извещением Мориса Лапорта: „Я, основатель комсомола, покидаю компартию“». Представитель комсомола Франции в КИМ Галепен в корреспонденции «Правда о Морисе Лапорте» писал: «...Морис Лапорт никогда не был основателем комсомола, как он это утверждает. Он был беззастенчивым авантюристом, который сумел обмануть доверие соцмола, когда последний присоединился к III Интернационалу и КИМ. На съезде французского комсомола в мае 1923 г. он был отстранен от руководства комсомолом за растрату. В 1926 г. его исключили из французской компартии за кражу денег у членов партии» (КП, 1928, 21 декабря). *Нуво-риш* (франц. nouveau riche) — буржуа новой формации, выскочка, разбогатевший на сомнительных операциях. *Раскупают американки разных наших князей Голицыных* — т. е. выходят замуж за русских эмигрантов-аристократов ради княжеского или графского титула. *Ротшильды* — династия богатейших банкиров. *Коти* — крупный французский капиталист, владелец парфюмерной фирмы. *Редерер* — марка шампанского.

Стихи о красотах архитектуры. Впервые — «Огонек», 1928, № 52, стр. 8, с фотографиями. Печ. по Соч., т. 8, стр. 96. Черновой автограф без заглавия и эпиграфа в ЗК № 64 (1928) — БММ. Здесь две строфы, не вошедшие в текст:

В разметанном горем тумане волос
шпильки штыков льдистых
Стопарно вокруг на паре колес
ажаны велосипедисты

Уставился как баран в ворота новые
глаза разгипнотизируй бараньи
это тебе свобода слова
свобода совести собрания

Пале (франц. palais) — дворец. *Венсен* — район Парижа. *Ажан* — полицейский. *Новым Людовикам.* Людовик — имя многих королей Франции. *Луи Каторз* — Людовик XIV, король Франции с 1643 по 1715 г.

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви. Впервые — «Молодая гвардия», 1929, № 1, стр. 24. Черновой автограф ст. 68—77 в ЗК № 52 (1927—1928); черновой автограф без заглавия в ЗК № 64 (1928) — БММ. Строки, не вошедшие в текст, записаны после ст. 52:

Чего мне товарищи корчить аскета
здесь и комсомольская зелень
из-под своих пролетарских каскеток
глаза косит на мамзелей.

Беловой автограф под заглавием:

Тов. Кострову
письмо
о
любви —

в ЗК (1928), хранящейся у Т. А. Яковлевой в Нью-Йорке. *Костров* Тарас (1901—1930) — псевдоним Мартыновского Александра Сергеевича, критика и публициста, до конца 1928 г. редактора «Комсомольской правды». В 1928 г. одновременно редактировал журнал «Молодая гвардия».

Письмо Татьяне Яковлевой. Впервые — «Новый мир», 1956, № 4, стр. 59. Беловой автограф в ЗК № 65 (1928) — БММ. Черновой автограф в ЗК № 64 (1928) — БММ. Заготовки, не вошедшие в текст:

Если скажешь что не надо
не ворвусь грозиться на дом
губ насильно не помну

это старый пережиток
в глубине моей души
по-другому пережита.

К стр. 331—338

Беловой автограф в ЗК (1928), хранящейся у Т. А. Яковлевой в Нью-Йорке, воспроизведен фототипически в статье Р. О. Якобсона («Harvard library bulletin», V.IX, Number 2, Spring, 1955, стр. 286—287). При жизни поэта стихотворение не публиковалось. *Яковлева* Татьяна Алексеевна (р. 1906), к которой обращено стихотворение, в 1925 г. по вызову своего отца, инженера, проживавшего в Париже, уехала из СССР и осталась за границей. Маяковский познакомился с ней в Париже осенью 1928 г. После отъезда поэта в СССР переписка с ней, по свидетельству Р. О. Якобсона, продолжалась до августа 1929 г.

Ответ на будущие сплетни. Впервые — «За рулем», 1929, № 1, стр. 15. Вошло в Соч., т. 8. Черновой автограф заключительной строфы в ЗК № 64 (1928); черновой автограф без заглавия в ЗК № 65 (1928); беловой автограф — БММ. О покупке Маяковским автомобиля пишет Л. Ю. Брик: «В одну из заграничных поездок Маяковский привез из Парижа автомобиль, такой маленький, что сам с трудом влезал в него согнувшись в три погибели. Маяковский был увлечен покупкой, писал о ней из Парижа и слал телеграммы. Он телеграфировал 10 ноября 1928 г.: „Покупаю Рено красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра кондуит интерьер — двенадцатого декабря поедет Москву“» (Л. Брик. Из воспоминаний о стихах Маяковского. — «Знамя», 1941, № 4, стр. 226).

Они и мы. Впервые — «Молодая гвардия», 1929, № 6, стр. 41. С изменениями — ТО, стр. 80. Печ. по Соч., т. 8, стр. 148. Черновой автограф ст. 1—5, 17—20 в ЗК № 64 (1928); черновой автограф ст. 6—12, 27—33 и двух строф, не вошедших в текст:

Не ездить и не бегать
ходить тише
в виду очищенья
снега с кры<ши>

Я вижу над нищью советской голь
под грязью облипшей советский быт
клокочет революционная воля
энергия трудовая трубит —

в ЗК № 66 (1928) — БММ. Маяковский выехал из Парижа 3 декабря проехал через Германию, с остановкой в Берлине, и Польшу, 8 декабря 1928 г. прибыл в Москву. 14 февраля 1929 г. поэт вновь выехал за границу. *Негорелое* — пограничная станция на железнодорожной линии Минск — Барановичи.

Перекопский энтузиазм! Впервые — КП, 1929, 9 января, в подборке под общим заголовком: «„...Это вам не 18-й год“. Так злобно шипит обыватель, Мы не позволим баррикадные дни

чернить и позорить». В примечании к подборке редакция писала: «Мы хотим, чтобы новые поколения молодежи усвоили себе лучшие традиции тех боевых дней, чтобы они в будничные дела вносили пафос и энтузиазм фронтовой борьбы».

Разговор с товарищем Лениным. Впервые — КП, 1929, 20 января. Написано к пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

Мрачное о юмористах. Впервые — «Чудак», 1929, № 5, стр. 10. *Мало, што ли, помпадуров? Мало — градов Глуповых?* Имеются в виду сатирические образы произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши» и «История одного города».

Птичка божия. Впервые — ТО, стр. 75. Вошло в Соч., т. 8. Заготовки к ст. 5, 13—15 в ЗК № 64 (1928); беловой автограф с зачеркнутым заглавием «Гость» — БММ.

Стихи о Фоме. Впервые — «Крокодил», 1929, № 39, стр. 8. 11 декабря 1929 г. стихотворение передавалось по радио в «Рабочей радиогазете». Общеупотребительное выражение «Фома неверующий» или «Фома неверный» происходит от евангельской легенды об апостоле Фоме, который не поверил в воскресение Христа.

Я счастлив! Впервые — «Вечерняя Москва», 1929, 14 декабря. Вошло в Соч., т. 8. Беловой автограф с редакционной пометой: «В машинку срочно, 16/X» — БММ.

Мы. Впервые — «Огонек», 1929, № 42. Вошло в Соч., т. 8. *Эдисон* Томас Альва (1847—1931) — известный американский изобретатель в области электротехники. *Маркони* Гульельмо (1874—1937) — итальянский инженер. Долгое время считался изобретателем радио, хотя схема радиотелеграфа А. С. Попова была создана ранее.

Урожайный марш. Впервые — КП, 1929, 3 февраля. Перепечатан во многих периферийных газетах. 16 января 1929 г. ЦК ВЛКСМ обратился ко всем комсомольским организациям с призывом развернуть подготовку к Всесоюзному походу за поднятие урожайности. Началом похода было объявлено 15 февраля. Напечатано на первой полосе газеты в подборке, посвященной Всесоюзному походу, под общим заголовком: «Поднимайтесь в поход за общий труд на общей земле. Заставьте землю давать двойной урожай». Материалы второй полосы напечатаны под общей шапкой, взятой из «Урожайного марша»: «Даешь на дружбу руку, товарищ агроном!».

Заграничная штучка. Впервые — «Огонек», 1929, № 25, стр. 7. Вошло в Соч., т. 8. В Париже Маяковский был с конца фев-

раля до конца апреля 1929 г. В статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский в ряду своих поэтических замыслов называл тему этого стихотворения: «Есть темы разной ясности и мутности... Проститутка на бульваре Капуцинов в Париже. Проститутка, любить которую считается особенно шикарным потому, что она одноногая — другая нога отрезана, кажется, трамваем» (т. 12, стр. 90).

Парижанка. Впервые — «Женский журнал», 1929, № 12, стр. 11, с иллюстрациями Кукрыниксов. Вошло в Соч., т. 8. Беловой автограф — БММ. 30 июня стихотворение передавалось по радио в «Рабочей радиогазете». О замысле стихотворения на близкую тему имеется упоминание в статье «Как делать стихи?» (1926): «старик при уборной в огромном геслеровском ресторане в Берлине» (т. 12, стр. 90).

Красавицы. Впервые — «Женский журнал», 1929, № 7, стр. 11. Под заглавием «Красавицы. Раздумье на открытие» — ТО, стр. 20. Печ. по Соч., т. 8, стр. 107, с исправлением в ст. 31: вместо «сторонитесь, лефы» — «сторонитесь, рефы» (по ТО). Беловой автограф с указанием места написания «Paris» — ЦГАЛИ. В свою предыдущую поездку поэт 22 ноября 1928 г. был в Grand Opéra на балетном спектакле. С. Дягилев в письмах к балетмейстеру С. Лифарю сообщал: «...Народу было полно. Были все наши... Игорь <Стравинский>, все остальные музыканты, Маяковский и пр. Спектакль был полон провинциальной скуки» (С. Лифарь. Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939, стр. 437). *Убиганятся* — производное от названия французской парфюмерной фирмы «Убиган». *Рефы* — члены литературной группы РЕФ (Революционный фронт искусства). Была организована Маяковским в конце мая — начале июня 1929 г. после выхода из Лефа.

Монте-Карло. Впервые — «Огонек», 1929, № 21, стр. 13. Вошло в Соч., т. 8. Заготовки рифм для ст. 5—9 в ЗК № 64 (1928) — БММ. В Ницце и Монте-Карло Маяковский был в конце марта — начале апреля 1929 г. В Ницце Маяковский был также в предыдущую заграничную поездку в конце октября 1928 г. *Дворцы и палаццо монакского принца.* Речь идет о крупнейшем игорном доме, открытом в 1863 г. «Международной компанией морских купаний» в курортном местечке Монте-Карло на территории Монакского княжества.

На западе всё спокойно. Впервые — КП, 1929, 2 июля. Вошло в Соч., т. 8. Написано к Международному антивоенному дню 1 августа. 27 июня 1929 г. Маяковский читал это стихотворение по радио.

Стихи о советском паспорте. Впервые — ТО, стр. 89. Вошло в Соч., т. 8. В июле 1929 г. текст стихотворения с датой был сдан в редакцию журнала «Огонек», где оно было напечатано

уже после смерти поэта, в подборке, посвященной его памяти, с разночтениями по сравнению с редакцией ТО.

Американцы удивляются. Впервые — «Рабочая газета», 1929, 14 сентября. Вошло в Соч., т. 8. Написано в связи с завершением первого года пятилетки. 13 сентября 1929 г. Маяковский читал это стихотворение по радио в «Рабочей радиогазете». *Круглую неделю дуют в непрерывную.* Декрет СНК СССР о переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях был издан 27 августа 1929 г.

Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. Впервые — «Чудак», 1929, № 46, стр. 2, с рисунком А. Дейнеки. Вошло с Соч., т. 8. *Хренов* У. П. — знакомый Маяковского, участник строительства Кузнецкого металлургического комбината, рассказывавший ему о Кузнецкстрое. Технический руководитель Кузнецкого металлургического комбината И. П. Бардин, впоследствии академик, вспоминает: «Поэт Маяковский в самые быть может, тяжелые времена жизни Кузнецкстроя, в момент, когда приехавшая на строительство первая комиссия «распушила» нас в пух и прах, написал свой «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»... Этим он поддержал наш дух, и мы продолжали начатое дело и считали его самым главным в осуществлении нашей мечты» (И. П. Бардин. Мечта и ее осуществление. — «Кузнецкий рабочий», 1957, 31 марта).

Марш ударных бригад. Впервые — «Электрозавод», 1930, 4 января, без ст. 1—5, 65—66, 73—77. Печ. по «Огоньку», 1930, № 4, стр. 9. Вошло в Соч., т. 8. Черновой автограф в ЗК № 68 (1929); беловой автограф — БММ. Машинописная копия с пометой рукой Маяковского: «Прошу согласовать печатание с тов. Кольцовым обязательно. Вл. Маяковский» и надписью, по-видимому, рукой Маяковского: «посвященное борьбе с потерями на Электрозаводе» — ЦГАЛИ. М. Кольцов с 1924 по 1938 г. был редактором «Огонька». Написано в связи с началом на Московском электрозаводе кампании по борьбе с потерями и за рационализацию производства. Массовое движение ударных бригад по всему Советскому Союзу началось после опубликования 20 января 1929 г. статьи В. И. Ленина «Как организовать соревнование?» В декабре 1929 г. в Москве состоялся первый Всесоюзный съезд ударных бригад. Ст. 10—19 Маяковский использовал в тексте написанного им циркового представления «Москва горит». Ст. 82—99 в несколько измененном виде были использованы Маяковским при постановке в Театре им. Вс. Мейерхольда пьесы «Баня» в качестве лозунгов, развешанных на сцене и в зрительном зале.

ЭПИГРАММЫ

Безыменскому. Впервые — ПСС 1939, т. 10, стр. 155. Беловой автограф — БММ. По свидетельству Л. Ю. Брик, эпиграммы Безыменскому, Адуеву, Сельвинскому, Уткину написаны

9—14 января 1930 г. (Л. Брик. Из воспоминаний о стихах Маяковского. — «Знамя», 1941, № 4, стр. 234). *Безыменский* Александр Ильич (р. 1898) принадлежал к группе «комсомольских поэтов», находился под влиянием поэзии Маяковского, но постоянно с ним полемизировал, в этот период нападал на него с рапповских позиций. Об отношении Маяковского к Безыменскому см. также в стихотворениях «Юбилейное», «Послание пролетарским поэтам». В декабре 1929 г. была поставлена комедия Безыменского «Выстрел», написанная свободным ямбом, повторяющая интонации стиха комедии Грибоедова «Горе от ума».

Адуеву. Впервые — «На литературном посту», 1930, № 9, стр. 98. Беловой автограф — БММ. *Адуев* Николай Альфредович (1896—1956) — поэт, работавший в области эстрадных жанров, автор легких комедий, оперетт. Эпиграмма является ответом на стихотворение Адуева «В. В. Маяковскому до востребования», напечатанное в сборнике конструктивистов «Бизнес», М., 1929. *Ищу у облака в штанах.* О смысле заглавия поэмы «Облако в штанах» см. т. 1 наст. изд., стр. 616.

Сельвинский. Впервые — «Молодая гвардия», 1930, № 9, стр. 51. Беловой автограф — БММ. *Сельвинский* Илья Львович (р. 1899) — поэт, в то время возглавлял литературную модернистскую группу конструктивистов, которая в конце 1920-х годов была одним из главных объектов полемики Маяковского. См. примеч. к «Во весь голос», стр. 625 наст. тома. Эпиграмма связана с полемическими выпадами Сельвинского против Маяковского в «Записках поэта» (1929) и «Пушторге» (1929). *И рылом подрывать у дуба корни стала.* Из басни Крылова «Свинья под дубом».

Безыменскому. Впервые — «На литературном посту», 1930, № 9, стр. 98. Беловой автограф — БММ.

Уткину. Впервые — «Молодая гвардия», 1930, № 9, стр. 51. Беловой автограф — БММ. *Уткин* Иосиф Павлович (1903—1944) принадлежал к группе «комсомольских поэтов». Маяковский отрицательно оценивал некоторые стихотворения Уткина, и в особенности его декларативное стихотворение «Гитара», где давал себя знать отход поэта от политических, публицистических тем к отвлеченной лирике. В ЗК № 66 (1929) черновой автограф строк, пародирующих стихотворение Уткина «Ветер», где тоже содержится намек на «Гитару»:

Кружит, вьется ветер старый.
Он — влюблен, готов,
он играет на гитаре
телеграфных проводов.

Месяц выкруглил колено
из-под юбки облаков.

Для сходства с Байроном. В критике тех лет Уткина сравнивали с Байроном (см. примеч. к «Посланию пролетарским поэтам», стр. 577 наст. тома).

Гандурину. Впервые — «Знамя», 1941, № 4, стр. 234. (По записи Л. Ю. Брик в статье «Из воспоминаний о стихах Маяковского».) Написано 20 января 1930 г. в связи с готовящейся постановкой пьесы Маяковского «Баня». *Гандурин* Константин Дмитриевич (1884—1953) — председатель Главреперткома. Главрепертком настаивал на переделке ряда реплик в пьесе «Баня». *А вы ноктюрн сыграть могли бы.* См. стихотворение Маяковского «А вы могли бы?» (т. 1 наст. изд., стр. 72).

Ленинцы. Впервые — КП, 1930, 21 января. Одновременно в газете «Бакинский рабочий», 1930, 21 января. Здесь после ст. 103 не вошедшая в текст КП строфа:

Европа,
вздымай
баррикад кавардак!
Рабочий, не спи!
Так
велел
подыматься
Ильич.

Черновой автограф без заглавия — БММ. Здесь после ст. 94:

Взвей советов огненный флаг
в стране, где рабства бич
так
велел продвигаться Ильич.

После ст. 119:

Чтоб облаком слов
тебя не обваливали
С Ильичем
себя
и дело сличай
Первое слово
товарищ так ли
Это сказано
и думано у Ильича.

Беловой автограф под заглавием «Ленинство» — БММ. Беловой автограф — ЦГАЛИ. Написано к шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

К стр. 385—389

«Во весь медногорлый гудочный клич...». Впервые — «Швейник», 1930, № 2, на обложке. Написано для журнала «Швейник» к шестой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

ПОЭМЫ

1924—1930

Владимир Ильич Ленин. Впервые в отрывках: ст. 1253—1345 под заглавием «Партия» — «Рабочая Москва», 1924, 18 октября; ст. 1887—1906 и 1930—2006 под заглавием «Октябрь» — «Бюллетень Прессбюро ЦК РКСМ», 1924, 23 октября; ст. 2562—2646 под заглавием «Улица в похороны» — «Рабочая Москва», 1924, 21 октября; ст. 2893—2999 под заглавием «Ленинцы» — «Бакинский рабочий», 1924, 28 октября; ст. 495—655 (без ст. 614—624) под заглавием «Капитализм» — КНива, 1924, № 44, 2 ноября; ст. 1843—2066 под заглавием «Ленин» — «Известия», 1924, 7 ноября; ст. 1674—1755 под заглавием «Приезд» — «Рабочая Москва», 1924, 7 ноября, приложение «Седьмой Октябрь»; ст. 1346—1457 под заглавием «1905 год» — «Красный журнал», 1924, № 4, стр. 2; ст. 2225—2404 под заглавием «НЭП» — «Гудок», 1925, 9 января; ст. 923—1156 под заглавием «Наш фундамент» — «Гудок», 1925, 21 января; ст. 77—222 под заглавием «Ленин» — «Красный журнал», 1925, № 1—2, стр. 2; ст. 2444—2480 под заглавием «Весть о смерти» и ст. 2687—2755 под заглавием «Похороны» — «30 дней», 1925, № 1, стр. 7. Ст. 2637—2999 под заглавием «Черные дни», с фотомонтажем Н. Денисовского — «Красный перец», 1925, № 3, стр. 2; ст. 2405—2492 под заглавием «6 часов 50 минут» — «Туннель», 1925, № 1, стр. 5; ст. 2405—2999 (3-я часть) под заглавием «Смерть» — «Экран», 1925, № 2, стр. 2; ст. 1—922 (1-я часть) — «Леф», 1925, № 3, стр 3. Впервые полностью — «Владимир Ильич Ленин». Поэма. Л.—М., 1925. С изменениями, с посвящением: «ВКП(б) посвящаю» — «Владимир Ильич Ленин». Поэма. М.—Л., 1927. Печ. по Соч., т. 3, стр. 349. Вошло в ШМ (3-я часть). Черновые записи 1-й и 2-й частей в ЗК № 23 (1924) и 3-й части в ЗК № 24 (1924) — БММ. Здесь не вошедшие в основной текст отрывки: после ст. 51 1-й части —

Голос выскребу
будет резок
чтоб от рифмы
не мяк а креп
чтобы просто правду резал,
как режешь
ножом хлеб.

После ст. 389 1-й части:

Машина ломала
машина несчастье
Долой машину
и тыщи таких

Сегодня
машину
разносят на части
на завтра же
опять
воздвигают
станки.

В работе Н. Кальмы «Владим Владимыч» («Октябрь», 1937, № 2, стр. 179) приведены «переписанные автором с черновиков Маяковского в 1924—1925 гг.» варианты нескольких строф поэмы и не вошедший в текст отрывок, по-видимому, вместо ст. 539—594 1-й части:

ЗДАНИЕ КАПИТАЛИЗМА

Руки пролетария
и инженера мысль
разгоняют здание
в немыслимую высь.
Здание капитализма под
трупы и кости фундамент;
цемент кровь и пот
С дыбы золотой,
под капиталовым палачом
падали, кости в землю вклиняя.
Здесь туманом крови
стелется по ночам
миллионное:
проклинаем.
Двести ступенек
вниз вело.
Здесь этаж подвальный.
Мы
волами
у машинных валов,
мы
по нарам
навалены.
Мириады лампочек
в сырую темноту
глаза воспаленные
выкатили.
Свет
всех солнц
тут,
тут
всех этажей
двигатели.

К стр. 389

Первый —
сторожа
карьерный раж,
интеллигенция —
учеными псами
рвется в следующий,
в бельэтаж.
В бельэтаже
дебелые сами.
Сами на троне,
животики пыжа,
капитал,
торговля — жена,
дочка — биржа.
Не троник хилый
князька или
графа
не стронешь
стоит несгораемым
шкафом.
Сталь не вата,
шкаф не софá,
задам жестковато,
но пузам лафа.
Каждому снится
пара кранов,
по крану
в каждый
из пары карманов,
из подвала кровь
стекает в крана оба,
золотом стекает
сотенная проба.
Чтоб лучше
машина
подвал обирала,
без скрипа
от ржавой крови масс,
машину эту
толпа либералов
слюнявит
жиром собственных масл.
Поодаль
в струнку
расставлены кучки
лучи эполет,
цилиндров лучики

Георгов,
Альбертов
царей
и царят —
ждут
чего со стола насорят.
К кучке другой
Мильераны и Эберты
пришли,
подсчитав
кредиты и дебеты.
В бок
с лицом,
что равно годится
быть и щекою
и ягодицей,
задолицая полиция.
А стиль-то, стиль!
не найдешь такого,
Не один
художник
по стенам поерзал —
пол ампиристый,
потолок рокоќовый,
стены
Людовика XIV-го,
Каторза.
Вверху,
где плафонов лепных
листики,
повыше,
чтоб не громко орали,
в клетках
золоченых
идеалистики.
Лепечите, попочки,
про мировые морали.
Вверх от тройки
пошли надстройки.
Следующий этаж — обучает детей.
Настоящий живой паук.
Наткешь паутину,
не снять чтоб ломом,
тебе медаль
да еще с диrломом.
Дальше — службы,
и налево и направо
кладовые
комнатки
и клети;

здесь лакей-подлиза —
старенькое право,
женская прислуга
этик и эстетик.
Выше —
крыша
и мансарда:
детский сад
вольнолюбивых бардов.
А от крыши
метафизики окольней
винтовые лестницы
ведут на колокольни.
Мало кандалов
и заводского ига.
Чтобы не было
и в душах ерепенья,
чинодралы пятисот религий
прославляют
рабское терпенье.
Здесь меблируются
и рай
и преисподняя,
их внешторг отсюда
продает старухам
дырку
от гвоздя
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
А еще
повыше,
там,
куда не видно без очков,
на границе
от земли
к небесным сводам, —
парочка меньшевичков
громоотводом.

В автобиографии, в главке «23-й год», Маяковский писал: «Начал обдумывать поэму „Ленин“» (т. 1, стр. 26). В октябре 1924 г. в информационной заметке журнала «Жизнь искусства» сообщалось: «В. Маяковский закончил большую поэму о Ленине. Эта поэма по грандиозности замысла и по силе охвата темы превосходит все раньше им написанное. Поэма будет печататься в „Лефе“» («Жизнь искусства», 1924, № 43, стр. 19). 3 октября Маяковский подписал договор на издание поэмы, 20 октября рукопись была сдана в из-

дательство. 11 октября поэт выступил с чтением поэмы в редакции газеты «Рабочая Москва». «Поэма посвящается Российской Коммунистической партии, — сообщалось в отчете. — Слушается она с исключительным интересом, производит сильное впечатление» («Рабочая Москва», 1924, 12 октября). Маяковский читал поэму в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова и в Доме печати, на квартирах В. В. Куйбышева и А. В. Луначарского. 21 октября в Красном зале МК РКП(б) поэму слушал партийный актив Москвы. В отчете о вечере говорилось: «Зал был переполнен. Поэма была встречена дружными аплодисментами всего зала. В открывшихся прениях... ряд товарищей говорили, что это сильнейшее из того, что было написано о Ленине. Огромное большинство выступавших сошлось на одном, что поэма вполне наша, что своей поэмой Маяковский сделал большое пролетарское дело. После прений Маяковский отвечал оппонентам. В частности, Маяковский указал, что он хотел дать сильную фигуру Ленина на фоне всей истории революции, а не интеллигентский эстетский образ...» («Рабочая Москва», 1924, 23 октября). В автобиографии, в главке «24-й год», сказано: «Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы» (т. 1, стр. 27). 21 января 1930 г., в день памяти В. И. Ленина, Маяковский выступил с чтением 3-й части поэмы на торжественно-траурном заседании в Большом театре. *Шахматы ему — они вождям полезней.* Г. М. Кржижановский, вспоминая о днях, проведенных с Лениным в ссылке в селе Шушенском, пишет, что В. И. Ленин «был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты. И какой это был веселый, живой и общительный товарищ в часы такого отдыха на свежем воздухе или в процессе сражения за шахматным столиком!» («Воспоминания о В. И. Ленине», М., 1955, стр. 22). *Колонный зал дрожит, насквозь прохожен.* С 23 по 27 января 1924 г. через Колонный зал Дома Союзов, где был установлен гроб с телом В. И. Ленина, прошло 700 000 человек. *Бромлей* и *Гужон* — крупные металлургические заводы в Москве и Петрограде. *Елисеев* — владелец больших гастрономических магазинов в Москве, Петрограде и некоторых других городах дореволюционной России. *Патагония* — область на юге Аргентины. В 1921 г. в Патагонии вспыхнуло восстание батраков, жестоко подавленное правящими кругами Аргентины. *Тьер* Адольф (1797—1877) — глава французского правительства, жестоко расправившегося с Парижской коммуной в 1871 г. *Тени прадедов, парижских коммунаров, и сейчас вопят парижскою стеною.* Имеется в виду стена на кладбище Пер-Лашез, у которой похоронены жертвы Парижской коммуны 1871 г., с рельефными изображениями коммунаров в момент расстрела. *Коммунизма призрак по Европе рыскал.* Перефразировка первых строк «Коммунистического манифеста»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». *За землю и волю.* Имеется в виду организация революционных народников 70-х годов в России «Земля и воля». *Брат Ульянова, народо-*

волец Александр. Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — брат Владимира Ильича, был арестован 1 марта 1887 г. за участие в покушении на жизнь Александра III и 8 мая 1887 г. казнен в Шлиссельбургской крепости вместе со своими товарищами. Н. К. Крупская в статье «Детство и ранняя юность Ильича» сообщает, что, узнав о казни брата, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» («Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 186). *Как быть, чтоб зарплата взросла пятаком.* Речь идет о ранних пропагандистских работах В. И. Ленина: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «О промышленных судах», «О стачках», «Новый фабричный закон» и др. (1893—1895). *Союз борьбы за освобождение рабочего класса,* созданный Лениным осенью 1895 г., объединил все существовавшие в Петербурге рабочие марксистские кружки. *Володимирка* — Владимирский тракт, по которому до революции отправляли политических ссыльных в Сибирь. *Нерчинск* — город в Сибири, до революции — место ссылки политических заключенных. *«Служил ты недолго, но честно...»* — из известной революционной песни «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей...»), слова Г. А. Мачтета (1852—1901). Эту песню любил Ленин. *Чухлома* — небольшой город в Ивановской области, здесь как символ заштатного городишка. *Теперь на Марсов охотится Пулково.* В 1924 г. было великое противостояние планеты Марс. Наблюдение за Марсом велось и в Пулковской обсерватории близ Ленинграда. *Девятое января. Конец гапонщины.* Имеется в виду организованное попом-провокатором Г. А. Гапоном (1870—1906) 9 января 1905 г. шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, которое было расстреляно по приказу царя. *Ильич уже здесь.* Ленин вернулся в Россию из-за границы в начале ноября 1905 г.; по приезде в Петербург Владимир Ильич развернул большую организаторскую деятельность. *Лукавая вестийка — «свобода».* Имеется в виду манифест Николая II от 17 октября 1905 г., в котором даровалась «свобода слова, собраний» и т. д. *Дубасов* Ф. В. (1845—1912) в конце 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом Декабрьского восстания. *Ладан курят — богоискатели.* После поражения революции 1905 г. в среде социал-демократической интеллигенции усилились попытки философской «критики» марксизма, одной из форм этой ревизии марксизма была идея «богоискателей» и «богостроителей» о необходимости соединения социализма с религией. *Сам заскулил товарищ Плеханов.* После поражения Декабрьского вооруженного восстания Г. В. Плеханов (1856—1918) в «Дневнике социал-демократа» (Женева, 1905, № 4) выступил со статьей, где утверждал: «Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». Ленин в статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» отвечал Плеханову: «Новый взрыв, может быть, и не наступит еще весной, но он идет, он, по всей вероятности, не слишком далек. Мы должны встретить его вооруженными, организованными по-военному, способными к решительным наступательным действи-

ям» (Сочинения, 4-е изд., т. 10, стр. 99). В сентябре 1906 г. в статье «Уроки московского восстания» Ленин вновь возражал Плеханову: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы» (Сочинения, 4-е изд., т. 11, стр. 147). *К какой приравнять к Полтаве, к Плевне?!* Речь идет о Полтавской битве в русско-шведской войне (27 июля 1709 г.) и о боях под Плевной (июль — декабрь 1877 г.) во время русско-турецкой войны. *Приспособились Вовы.* Буржуазный сынок Вова — персонаж из водевиля Е. Мировича «Вова приспособился», популярного в годы первой мировой войны. *Трезвый встал один Циммервальд.* Речь идет о международной социалистической конференции, происходившей 5—8 сентября 1915 г. в Циммервальде. В «Проекте резолюции Циммервальдской левой», написанной Лениным и внесенной на конференции левой группой депутатов, говорилось: «Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов... развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе, поддерживать и двигать вперед всякое революционное выступление, стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» (Сочинения, 4-е изд., т. 21, стр. 315). *Верден* — французская крепость, за обладание которой шли ожесточенные бои в 1915—1917 гг. *Клювастый орел с двухглавою властью.* На царском гербе России был изображен двуглавый орел. *Поехал, покорный партийной воле, в немецком вагоне, немецкая пломба.* 9 апреля 1918 г. Ленин выехал из Цюриха через Германию, через порт Засниц в Троллеберг (Швеция) и оттуда в Петроград. Через Германию Ильич ехал в вагоне, на котором была наложена пломба. *Гогенцоллерны* — династия прусских королей и германских императоров. Последний Гогенцоллерн, Вильгельм II, был свергнут буржуазной революцией в Германии в 1918 году. *Дарданелльский, в девичестве Милюков* — см. стр. 573. *Михаильчик* — Михаил Романов (1878—1918), великий князь. *Премьер.* Имеется в виду председатель Временного правительства в России в 1917 г. А. Ф. Керенский. *Оборонцы* — мелкобуржуазные партии и группировки, стоявшие за продолжение империалистической войны. *Савинков* Б. В. (1879—1925) — эсер, летом 1917 г. принимал деятельное участие в подготовке контрреволюционного мятежа. *Вдруг оттуда, из-за Невы, с Финляндского вокзала.* Ленин приехал в Петроград 3 апреля, около полуночи, с Финляндского вокзала. На площади перед вокзалом, с броневика Ленин произнес речь, которую закончил лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» *Кшесинская* — балерина, любовница Николая II. В особняке, подаренном ей царем, помещался в 1917 г. ЦК РСДРП (большевиков). *«Ешь ананасы, рябчиков жуй...»* —

двустишие Маяковского, написанное осенью 1917 г. (см. наст. изд., т. 1, стр. 130). *Примериваясь, в июле за горло потрогали и за животик. Буржуевы зубья ощерились разом.* Речь идет об июльских днях 1917 г., когда состоялось стихийное выступление петроградских рабочих и солдат под лозунгом «Вся власть Советам!». Выступление было подавлено. *И ручку Керенского водят приказом.* Временное правительство 7 июля издало приказ об аресте В. И. Ленина, а также Г. Е. Зиновьева, А. В. Луначарского и др. По решению партии Ленин и Зиновьев скрылись на озере Разлив (в 30 км от Петрограда), где до наступления холодов жили в шалаше. В конце августа ЦК партии организовал переезд Ленина в Финляндию. *Кресты* — дом предварительного заключения в Петрограде. *Ленин сам явился в Питер.* 7 октября Ленин нелегально приезжает из Выборга в Петроград, где 10 октября состоялось историческое заседание ЦК, посвященное немедленной подготовке вооруженного восстания. С докладом о необходимости вооруженного восстания выступил Ленин, который указал, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами» (Сочинения, 4-е изд., т. 26, стр. 160). *Я вспоминаю одно и то же — двадцать пятое, первый день.* В главке «Октябрь» автобиографии Маяковский писал: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный» (т. 1, стр. 25). В дни революции Маяковский видел в Смольном В. И. Ленина. На Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей 9 января 1925 г., отвергая упрек Д. Бедного и Л. Сосновского, будто в сцене в Смольном он принизил образ В. И. Ленина, Маяковский говорил: «Немногим из нас было дано счастье увидеть товарища Ленина. Взятый мною факт — это был один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина, и такой способ стоять, заложив руки, всем известен» (т. 12, стр. 273). *Воля нобельца.* Имеется в виду петроградский механический сталелитейный завод Э Нобеля (ныне «Русский дизель»), рабочие которого активно участвовали в революционных событиях 1917 г. *Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам!* Речь идет о первых исторических декретах советской власти — Обращении Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам 25 октября 1917 г. о переходе всей власти к Советам, декрете о мире, декрете о земле, принятых съездом Советов по предложению В. И. Ленина 26 октября 1917 г. Еще накануне Октября В. И. Ленин в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам», говоря о лозунгах, под которыми следует развернуть подготовку к вооруженному восстанию, указывает: «Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным» (Сочинения, 4-е изд., т. 26, стр. 115). *Духонин* И. Н. (1876—1917) — генерал царской армии. В ноябре был верховным главнокомандующим. *Корнилов* Л. Г. (1870—1918) — генерал царской армии, в августе 1917 г. руководитель контрреволюционного мятежа. *Гучков* А. И. (1862—1936) — ли-

дер буржуазно-монархической партии октябристов. *Керенский* А. Ф. — см. стр. 585. *Мы и кухарку каждую выучим управлять государством!* В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (1917) В. И. Ленин писал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии богатые или из богатых семей взятые чиновники» (Сочинения, 4-е изд., т. 26, стр. 88—89). *Ротация* — печатная машина. *Возьмем передышку похабного Бреста.* В основу этих строк положено выступление В. И. Ленина на VII съезде партии по вопросу о заключении мира с Германией: «Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали... Я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом» (Сочинения, 4-е изд., т. 27, стр. 86—87). *С гидрой плакаты.* Речь идет о плакатах эпохи гражданской войны, на которых контрреволюция изображалась в виде многоголовой гидры. *«Мы смело в бой пойдем...»* — слова из революционной песни периода гражданской войны. *Ты знаешь путь на завод Михельсона? Найдешь по крови из ран Ильича.* 30 августа 1918 г. у завода Михельсона в Москве (ныне завод им. Владимира Ильича) было совершено покушение на В. И. Ленина эсеркой-террористкой Каплан. *Аршину учись, не научишься — плох.* «Вопрос в том, — говорил Ленин на XI съезде партии весной 1922 г., — что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабаз десять лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает» (Сочинения, 4-е изд., т. 33, стр. 246). *Мы двинемся во сто раз медленней, зато в миллион прочней и крепче.* На XI съезде партии В. И. Ленин говорил: «У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой... — тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче» (Сочинения, 4-е изд., т. 33, стр. 255—256). *Но это уже полезней проделывать, чем об этом писать* — перефразированные слова Ленина из послесловия к первому изданию книги «Государство и революция»: «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (Сочинения, 4-е изд., т. 25, стр. 462). *Мамонтов* К. К. (1869—1919) — белогвар-

дейский генерал. *Пятиэтажное здание Съезда Советов.* XI Всероссийский съезд Советов проходил с 9 по 29 января 1924 г. в Москве, в Большом театре. *Превозмог себя и встал Калинин.* М. И. Калинин сообщил о смерти В. И. Ленина на утреннем заседании съезда 22 января. *Это его несут с Павелецкого.* Траурный поезд с телом В. И. Ленина прибыл из Горок в Москву на Павелецкий вокзал 23 января в час дня. *Тверская* — ныне улица Горького в Москве. *Димитровка* — Большая Дмитровка, ныне ул. Пушкина. *Надежда Константиновна* — Крупская Н. К. (1869—1939), жена В. И. Ленина, его друг и соратник, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. *«Прощай же, товарищ, ты честно прошел. . .»* — перефразированные строки из известной революционной песни «Вы жертвою пали. . .»:

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный.

«Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои» — слова из песни Г. А. Мачтета «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей. . .»). *На черный, посыпанный снегом кружок.* Имеется в виду черный циферблат часов на Спасской башне Кремля. *Стреляли из пушки.* В 4 часа 27 января в день похорон В. И. Ленина был дан салют. На пять минут была прекращена работа на фабриках и заводах, приостановилось движение транспорта. *Муралов Н. И.* — тогда командующий Московским военным округом. *Четыреста тысяч от станка горячих — Ленину первый партийный венок.* Речь идет о ленинском призыве в партию. За четыре месяца свыше двухсот сорока тысяч рабочих вступили в ряды Коммунистической партии. *«По морям, по морям, нынче здесь, завтра там»* — припев популярной песни времен гражданской войны. *«Раз, два, три! Пионеры мы. . .»* — припев пионерской песни.

Хорошо! Впервые в отрывках: ст. 1—89 и 239—250 главы 10 под заглавием «Из поэмы „Октябрь“» — «Новый Леф», 1927, № 6, стр. 1. Главы 2—8 под заглавием «25 октября 1917 года» — КН 1927, № 8, стр. 61. Глава 19 под заглавием «„Хорошо!“. Из поэмы „Октябрь“» — «Новый Леф», 1927, № 7, стр. 1. Глава 17 под заглавием «Пою республику. Из Октябрьской поэмы» — КП, 1927, 23 сентября. Глава 18 под заглавием «Красная площадь. Из поэмы „Хорошо!“» — КП, 1927, 28 сентября. Глава 9 под заглавием «Из поэмы „Хорошо!“» — «На литературном посту», 1927, № 20, стр. 40. Главы 9—12 под заглавием «Хорошо!» — «Молодая гвардия», 1927, № 10, стр. 3. Ст. 96—117 и 140—212 главы 14 под заглавием «„Хорошо!“ Отрывок II ч. „Октябрьской поэмы“» — «Вечерняя Москва», 1927, 1 октября. Ст. 97—243 главы 15 под заглавием «Такая земля. Отрывок из Октябрьской поэмы „Хорошо!“» — «Ленинградская правда», 1927, 15 октября. Главы 13—19 под заглавием «Хорошо!» — «Молодая гвардия», 1927, № 11, стр. 3. Впервые полностью — «Хорошо! Октябрьская поэма», М.—Л., 1928. Печ. по «Хорошо! Октя-

брьская поэма», 2-е изд. М.—Л., 1928. Вошло в Соч., т. 8; ШМ (глава 19). Черновая запись рифм к ст. 10, 16 главы 4 и ст. 51, 56 главы 1 в ЗК № 39 (1927) и 40 (1927); черновой автограф ст. 117—136, 132—154, 157—159 главы 7 в ЗК № 41 (1927); черновой автограф ст. 228—230 главы 19 в ЗК № 42 (1927) — БММ. Наброски к ст. 1—8, 12—14 главы 1, к ст. 29—35 главы 2, к ст. 231—235 главы 10 в черновом автографе, на отдельном листе — ЦГАЛИ. Черновой автограф глав 1, 9—17 и ст. 219—220 и 223—224 главы 18 в ЗК № 43 (1927); черновой автограф глав 18 и 19 в ЗК № 44 (1927) — БММ. Беловой автограф главы 10; авторизованная машинописная копия глав 2—8, экземпляр, представленный Ленинградскому академическому Малому оперному театру, — Ленинградская театральная библиотека. Авторизованная машинописная копия глав 2—8; авторизованная машинописная копия глав 1—19 — собрание В. А. Катаняна.

Первое указание на замысел поэмы — в статье «Как делать стихи?» (1926): «Есть темы разной ясности и мутности... Огромная тема об Октябре, которую не доделать, не пожив в деревне...» (т. 12, стр. 90). 16 февраля 1927 г. Маяковский заключил договор с Управлением ленинградскими академическими театрами, согласно которому поэт давал обязательство «изготовить и представить для ленинградских государственных академических театров по случаю десятилетия пролетарской революции законченное художественное произведение (литературная обработка темы) «Октябрь», каковое могло бы послужить канвой для синтетического спектакля, сценарий которого будет разработан самими академическими театрами; выбор литературной формы произведения предоставлялся автору» (Катанян, стр. 305). 15 июня 1927 г. Маяковский прочел в Музее академических театров для руководителей Управления ленинградскими академическими театрами текст, который послужил основой осуществленного в октябрьские дни 1927 г. на сцене Малого оперного театра синтетического спектакля «25 октября 1917» и представлял собой 2—8 главы поэмы. «В. Маяковский закончил 1-ю часть новой поэмы, посвященной десятилетию Октябрьской революции», — сообщалось тогда же в информационной заметке журнала «Новый Леф» (1927, № 5, стр. 47). В автобиографии, в главке «1927-й год» поэт писал: «Основная работа в «Комсомольской правде», и сверхурочно работаю „Хорошо!“» (т. 1, стр. 28). При сдаче в Госиздат для отдельного издания поэма называлась «25 октября 1917» и делилась на следующие части: вступление (глава 1), первая часть (главы 2—8), вторая часть (главы 9—17) и третья часть (главы 18, 19). Рукопись первой части была сдана в издательство 4 июля, второй — 22 июля, третья часть была прислана Маяковским из Ялты 5 августа 1927 г. В письме из Ялты от 28 августа 1927 г., адресованном в литературно-художественный отдел Госиздата, Маяковский давал новое заглавие — «Хорошо! Октябрьская поэма», просил снять деление на части, переставить местами две последние главы и изменить текст первой строфы поэмы (см. т. 13, стр. 105—106). Впервые поэма читалась 20 сентября на редакционном собрании журнала «Новый Леф». На чтении

присутствовал А. В. Луначарский. «Прослушав поэму, Луначарский сказал: „Это — Октябрьская революция, отлитая в бронзу“» (Катанян, стр. 333). Выступая на юбилейной сессии ЦИК СССР 16 октября с докладом о культурном строительстве за 10 лет, Луначарский сказал: «Маяковский создал в честь октябрьского десятилетия поэму, которую мы должны принять как великолепную фанфару в честь нашего праздника, где нет ни одной фальшивой ноты и которая в рабочей аудитории стяжает аплодисменты» («Красная газета», веч. вып., 1927, 18 октября). Маяковский читал поэму в Москве 18 октября 1927 г. в Красном зале МК ВКП(б). «В течение полутора часов аудитория с неослабным вниманием слушала новое произведение даровитого поэта. Иногда чтение прерывалось одобрительными возгласами и аплодисментами» («Рабочая Москва», 1927, 20 октября). 20 октября Маяковский читал поэму в Большой аудитории Политехнического музея. Только в ноябре—декабре 1927 г. Маяковский прочел свою поэму полностью и в отрывках более тридцати раз. Он выступал с ней в эти месяцы в Ленинграде (9 раз), Харькове (2 раза), Ростове (4 раза), Новочеркасске (4 раза), Баку (5 раз), Тбилиси (5 раз) и в других городах. В автобиографии Маяковский писал: «„Хорошо!“ считаю программной вещью, вроде «Облака в штанах» для того времени. Ограничение отвлеченных поэтических приемов (гиперболы, виньеточного самоценного образа) и изобретение приемов для обработки хроникального и агитационного материала. Иронический пафос в описании мелочей, но могущих быть и верным шагом в будущее («сыры не засижены — лампы сияют, цены снижены»), введение, для перебивки планов, фактов различного исторического калибра, законных только в порядке личных ассоциаций («Разговор с Блоком», «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут»)» (т. 1, стр. 28—29). *Гучков* А. И. (1862—1936) — лидер буржуазно-монархической партии октябристов, крупный московский промышленник, в 1917 г. во Временном правительстве первого состава — военный и морской министр. *Родзянко* М. В. (1859—1924) — крупный землевладелец, председатель III и IV Государственной думы. *Керенский* — см. стр. 585. *Растрелли* Варфоломей Варфоломеевич (Франческо Бартоломео) (1700—1771) — выдающийся русский архитектор, построил Зимний дворец в Петербурге. *Присяжный поверенный.* Речь идет о Керенском, который был адвокатом (присяжным поверенным). *Забывши и классы и партии...* — сатирическая перефразировка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль»:

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Сам себя уверенно и быстро назначает — то военным, то юстиции. Керенский во Временном правительстве первого созыва был министром юстиции, затем министром-председателем, военным мини-

строем и верховным главнокомандующим. *Корнилов* — см. стр. 616. *Императора? На воду? И черную корку?* Исполнительный комитет Петроградского совета постановил арестовать Николая II. У Временного правительства было намерение отправить его за границу, в Англию. Английский король Георг V был двоюродным братом Николая II. *Репин* Илья Ефимович (1844—1930) и *Бродский* Исаак Израилевич (1883—1939) писали портреты Керенского летом 1917 г. В 1926 г. Репин подарил написанный им портрет Музею революции СССР. *Кускова* Е. Д. (1869—1958) — правая социал-демократка, одно время была близка к кадетам. После 1917 г. белоэмигрантка, яростно выступавшая против Советской власти. *Милюков* — см. стр. 573. *Не спится, няня... Здесь так душно.* Здесь и далее сатирически перефразирован диалог Татьяны Лариной с няней из 3-й главы «Евгения Онегина». *Михаил* — Михаил Романов — см. стр. 615. *«Селект»* — гостиница в Петрограде на Лиговской ул. *От Вильгельма кресты да ленты. В Берлине выходили с билетом перронным.* Буржуазная печать распространяла клевету о политических эмигрантах, вернувшихся в Россию после свержения самодержавия из Швейцарии через Германию и Швецию, т. к. Франция и Англия не разрешили им проезд через свои территории. *Кресты* — см. стр. 616. *Кто ездит в пломбированном* — см. стр. 615. *Под началом Бронштейна бескартузого, какого-то бесштанного Левки?!* Л. Троцкий (Бронштейн) (1879—1940) был назначен наркомвоенмором в начале 1918 г. *Каледин* — см. стр. 592. *Челядь чайники бесшумно подавала.* В чайниках под видом чая подавалось спиртное, т. к. торговля спиртными напитками в военное время была запрещена. *Выборгская сторона* — рабочий район Петрограда. *Литейный мост* — мост через Неву, соединяющий Выборгскую сторону с центром города. *Лашевич* Михаил Михайлович (1884—1928) — член Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Ему было поручено организовать захват почты, телеграфа, телефона, Государственного банка и казначейства. *Сегодня, говорит, подыматься рано. А послезавтра — поздно.* Джон Рид вспоминает: «Я... ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне: «Ленин говорил: «6 ноября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 6-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 8 ноября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 7 ноября — в день открытия Съезда, так чтобы мы могли сказать ему: „Вот власть! Что вы с ней сделаете?"» (Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1923, стр. 67). *Александра Федоровна* — царица, жена Николая II. Здесь игра слов: распространенный солдатский каламбур 1917 года — Керенского звали Александром Федоровичем. В шестой главе поэмы Маяковский опирался как на свои личные наблюдения, так и на воспоминания участников революционного переворота, собранные в «Хрестоматии по истории Октябрьской революции» (М., 1923) и в сборнике «Октябрьская революция» (М., 1925). *За Троцкий дули*

авто и трамы. В воспоминаниях Г. Благонравова, члена Военно-революционного комитета: «...Жизнь города шла обычным порядком: трамваи с резким звоном и шумом вереницей тянулись через Троицкий мост; мелькали автомобили и фигурки пешеходов; ничто не предвещало октябрьского боя» («Хрестоматия по истории Октябрьской революции», стр. 195). *По Неве плывут кронштадтцы.* В воспоминаниях члена Военно-революцинного комитета Владимира Александровича *Антонова*-Овсеенко (1884—1937): «Кронштадтцы известили, что раньше 3 ч. дня не смогут прибыть на транспорте... Ну вот, кронштадтцы едут, — изрядно запоздали. Несколько тысяч молодых, стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу транспорта... Сейчас они высадятся у Конногвардейского бульвара, войдут в связь с первым флотским экипажем и после артиллерийского обстрела атакуют Зимний» («Октябрьская революция», стр. 312). *За Гатчину, забившись, улепетывал бывший.* О бегстве в Лугу Керенского рассказывается в воспоминаниях министра юстиции Временного правительства П. Малянтовича («Октябрьская революция», стр. 297—298), а также в воспоминаниях самого Керенского («Гатчина», 1922, стр. 40). *«В рог, в бараний! Взбунтовавшиеся рабы!»* Из выступления Керенского в апреле 1917 г. на совещании делегатов фронта. *Окружая Зимний в кольца, по Мильонной из казарм надвигаются кексгольмцы.* В воспоминаниях Г. Благонравова: «...Воинские части должны были со стороны Миллионной улицы, Невского и других прилегающих к Зимнему улиц изолировать плотным кольцом Зимний дворец и затем по первому сигналу постепенно суживать это кольцо вокруг дворца» («Хрестоматия по истории Октябрьской революции», стр. 193.). *Ильич гримированный мечет шажки.* Николай Ильич *Подвойский* (1880—1948), член Военно-революционного комитета, вспоминает: «...Владимир Ильич, ожидая с минуты на минуту взятия Зимнего, не вышел на открытие съезда. Он метался по маленькой комнатке Смольного, как лев, запертый в клетку. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся» («Октябрьская революция», стр. 289). *Да перед картой Антонов с Подвойским втыкают в места атак флажки.* В воспоминаниях Г. Благонравова: «Первый, кто попался мне на глаза при входе во 2-й этаж, был тов. Антонов-Овсеенко. Он втащил меня в помещение Военно-революционного комитета, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно беседовали тов. Подвойский и Чудновский («Хрестоматия по истории Октябрьской революции», стр. 193). *Павловцы* — солдаты Павловского пехотного полка, принимавшие участие в штурме Зимнего дворца. *Куда против нас бочкаревским дурам?!* М. В. Бочкарева — организатор «женских батальонов смерти» в 1917 г. Женский батальон, участвовавший в защите Зимнего дворца, первым ушел с позиций. Об этом говорится в воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, П. Малянтовича. *Михайловцы* — юнкера Михайловского артиллерийского училища. *Константиновцы* — юнкера Константиновского артиллерийского училища. *А в Зимнем, в мягких мебелях.* В описании того, что происходило внутри дворца, Маяковский в основном

использовал воспоминания П. Малянтовича. Министр продовольствия С. Н. *Прокопович* не присутствовал на последнем заседании Временного правительства: не мог проникнуть в осажденный восставшими Зимний дворец. *Николаевский мост* — теперь мост Лейтенанта Шмидта. *Коновалов* А. И. (1875—?) — министр торговли и промышленности, председательствовал на последнем заседании Временного правительства. *Ты, парнишка, выкладай ворованные часы.* В воспоминаниях рабочего Адамовича: «Один мальчик потянулся к часам. Его оттянули ... кто-то колотил его ... и смех и горе» («Октябрьская революция», стр. 315). Эпизод с часами описан и у Джона Рида: «Один из красногвардейцев ходил вокруг с бронзовыми часами на плечах... Грабеж едва начался, как кто-то крикнул: — Товарищи! Ничего не трогайте! Ничего не берите! Это собственность народа! — Немедленно несколько голосов закричало: — Стой! Положи обратно! Ничего не бери! Собственность народа!..» (Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир, стр. 110—111). *Я, председатель реввоенсовета Антонов...* В воспоминаниях Н. Подвойского: «Массы врываются в комнату, в массе тов. Антонов. То, что называлось Временным правительством, — тут... почти мертво физически... — Именем Военно-революционного комитета Петроградского Совета объявляю Временное правительство низвергнутым, — декретирует Антонов» («Октябрьская революция», стр. 293). *Здравствуйте, Александр Блок* и т. д. В статье «Умер Александр Блок» Маяковский писал: «Помню, в первые дни революции проходил я мимо худой, согнутой солдатской фигуры, греющейся у разложенного перед Зимним костра. Меня окликнули. Это был Блок. Мы дошли до Детского подъезда. Спрашиваю: — Нравится? — «Хорошо», — сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот это «хорошо» и это «библиотеку сожгли» было два ощущения революции, фантастически связанные в его поэме „Двенадцать“» (т. 12, стр. 21—22). *Незнакомки, дымки севера.* «Незнакомка» — название стихотворения и лирической драмы Блока. *Как будто оба ждут по воде шагающего Христа.* В финале поэмы Блока «Двенадцать» Христос идет во главе красногвардейского патруля. *Т а к о г о о т е ч е с т в а т а к о й дым...* См. в «Горе от ума» Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен». *«Сюртэ женераль», «интеллидженс сервис», «дефензивы» и «сигуранцы»* — названия контрразведок Франции, Англии, Польши и Румынии. *С ним идут голубые чехи.* Состоявшие из чехов (они носили голубые мундиры) части австрийской армии, сдавшиеся в плен в период первой мировой войны, в 1918 г. подняли в Сибири и Поволжье контрреволюционный мятеж и этим облегчили продвижение Колчака. *Итс э лонг уэй ту Типерери...* — припев популярной английской солдатской песенки («Путь далек до Типерери, далеко шагать...»). *«Фратэрнитэ» и «эгалитэ»* (франц.) — братство и равенство. «Свобода, равенство, братство» — лозунги французской буржуазной революции конца XVIII века. *«Янки дудль кип ит об, Янки дудль денди»* — слова старой национальной песенки Северо-Американских Соединенных Штатов («Янки, простофиля, не унывай, янки, простофиля и франт...»). *Живу в домах Стахеева я.*

В одном из домов, принадлежавших ранее золотопромышленнику Н. Д. Стахееву, в Москве, по Лубянскому проезду (теперь проезд Серова) № 3, в кв. № 12, жил Маяковский. *Веэсэнха* (ВСНХ) — Высший Совет Народного Хозяйства. *Трансваль, Трансваль, страна моя...* — песня времен англо-бурской войны (1899—1902). Исполнялась шарманщиками, была очень популярна в России. *Главтоп* — Главное управление топливной промышленности при ВСНХ. Помещалось во дворе дома № 3 по Лубянскому проезду. В мае 1921 г. в Верховном трибунале разбиралось дело о крупных спекулянтах в Главтопе, к суду было привлечено 50 человек. *Филиппов* Д. И. — владелец булочных и кондитерских в Москве и Петербурге. *Едят у Зунделовича.* Имеется в виду частная столовая в доме, где жил Маяковский. *Анатоль Васильич* — А. В. Луначарский (1875—1933) — нарком просвещения РСФСР в 1917—1929 гг. *Двенадцать квадратных аршин жилья.* Речь идет о квартире друзей Маяковского О. М. Брика (1888—1945) и Л. Ю. Брик (р. 1891) в Полуектовом переулке (теперь ул. Сеченова), д. № 5, кв. № 23. *Ярославский* — вокзал Северной железной дороги. *Боли волжской я не коснусь.* Редь идет о голоде в Поволжье в 1921—1922 гг. *Сестра младшая... Оля.* Ольга Владимировна Маяковская (1890—1949) — сестра поэта. Мать и сестры Маяковского жили в самом конце улицы Большая Пресня в доме № 44. *Под ухом самым лестница.* Комната Маяковского в Лубянском проезде одной своей стеной примыкала к лестничной клетке. *Скачут... эскадроны — Мамонтова нагонять.* В сентябре 1919 г. конница белогвардейского генерала К. К. Мамонтова (1869—1919) прорвалась в тылы Красной Армии. В октябре Мамонтов был разбит под Воронежем. *Лубянская лапа Че-ка.* Здание Всероссийской Чрезвычайной Комиссии находилось на Лубянской площади (теперь пл. Дзержинского). *Мы только мошки...* Маяковский перефразирует популярную уличную песенку «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...». *Лавут* Павел Ильич (р. 1898) — устроитель лекционных поездок Маяковского по Советскому Союзу в 1926—1930 гг. *«Алмаз»* — крейсер, на котором Врангель бежал из Крыма. *Завтрашние галлиполийцы.* Бежавшие из Крыма белогвардейцы высадились на полуострове Галлиполи (европейская часть Турции). *Ол райт* (англ.) — все в порядке, хорошо. *«И с нами Ворошилов, первый красный офицер»* — немного измененные строки известной военной песни «Марш Буденного» на слова А. Д. Актиля: «Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер: Сумеем кровь пролить за СССР». *Стена — и женщина со знаменем.* Речь идет о барельефе работы С. Т. Коненкова (р. 1874) на Сенатской башне Кремля в память погибших во время уличных боев в октябре 1917 г. Снят в 1949 г. в связи с реконструкцией Сенатской башни, ныне находится в Музее революции в Москве. *Красин* Леонид Борисович (1870—1926) — видный деятель Коммунистической партии. В 1924 г. — первый посол СССР во Франции. Маяковский вспоминает приезд Красина в Париж в декабре 1924 г. *Дорио* Жак (р. 1893) — французский политический деятель. *Вот с этим виделся, чуть не за час.* Маяковский виделся с полпредом СССР в Польше Войковым П. Л. в середине

мая 1927 г. во время поездки в Варшаву. Убит в Варшаве 7 июня 1927 г. *«Цены снижены».* В 1927 г. по решению февральского пленума ЦК ВКП(б) проводилось планомерное снижение розничных и отпускных цен. *Мои депутаты.* В феврале 1927 г. происходили выборы в Московский Совет. В течение пятнадцати дней на предприятиях проходили предвыборные митинги и демонстрации. *В газету глаза: молодцы — вéнцы!* См. примеч. к стих. «Наглядное пособие», стр. 588 наст. тома. *Зер гут* (нем.) — очень хорошо.

Во весь голос. Впервые ст. 179—244 — «На литературном посту», 1930, № 3, стр. 28. Полностью — «Октябрь», 1930, № 2, стр. 74. Черновой автограф ст. 62—67 в ЗК № 69 (1929—1930); черновой автограф отдельных строк и строф в ЗК № 70 (1930); беловой автограф без заглавия с поправками и знаками, указывающими разбивку строк, в ЗК № 71 (1930) — БММ. По свидетельству друзей поэта, «Во весь голос» было вступлением в поэму о пятилетке. Предполагалось еще второе, «лирическое» вступление (см. «Неоконченное», стр. 552 наст. тома). Первое чтение «Во весь голос» состоялось 1 февраля 1930 г. на открытии выставки «20 лет работы» в клубе Федерации советских писателей. Выступая 25 марта 1930 г. в Доме комсомола Красной Пресни, Маяковский указывал на непосредственную связь первого вступления к поэме и выставки: «Последняя из написанных вещей — о выставке, так как это целиком определяет то, что я делаю и для чего я работаю. Очень часто в последнее время вот те, кто раздражен моей литературно-публицистической работой, говорят, что я стихи просто писать разучился и что потомки меня за это взгреют. Я держусь такого взгляда. Один коммунист мне говорил: «Что потомство! Ты перед потомством будешь отчитываться, а мне гораздо хуже — перед райкомом. Это гораздо труднее». Я человек решительный, я хочу сам поговорить с потомками, а не ожидать, что им будут рассказывать мои критики в будущем. Поэтому я обращаюсь непосредственно к потомкам в своей поэме, которая называется „Во весь голос“» (т. 12, стр. 430—431). Маяковский читал поэму 6 февраля на конференции Московской ассоциации пролетарских писателей, 15 февраля — на выставке, 22 февраля — на закрытии выставки, 25 февраля — на открытии клуба театральных работников, 5 марта — на открытии выставки «20 лет работы» в Ленинграде в Доме печати, 25 марта в Доме комсомола Красной Пресни (Москва), 8 апреля на вечере в Институте народного хозяйства им. Плеханова (Москва). *Митрейкин* Константин Никитич (1904—1934) — начинавший тогда поэт, ориентировался на конструктивистов. *Кудрейко* Анатолий Алексеевич (Зеленяк-Кудрейко) (р. 1907) — поэт. Выступая 8 февраля 1930 г. на конференции МАПП с критикой стихов молодых поэтов, Маяковский процитировал строки из его сборника «Осада» (1929). *«Тара-тина, тара-тина, т-эн-н...».* Из стихотворения Сельвинского «Цыганский вальс на гитаре». *Нумизмат* — знаток и собиратель старинных монет. *Лета* — в греческой мифологии река забвения в подземном царстве. *ЦеКаКа* — Центральная Контрольная Комиссия.

К стр. 551—552

⟨НЕОКОНЧЕННОЕ⟩

Судя по записным книжкам, работа над отрывками велась одновременно с работой над вступлением «Во весь голос». По-видимому, они должны были войти во второе, «лирическое» вступление к поэме о пятилетке, которое, по свидетельству друзей Маяковского, было задумано поэтом. В ЗК № 69 (1929—1930) строки, вероятно связанные с работой над этой частью поэмы:

В серебре как в песочке
Старичонки височки

где сыщешь любовь при такой неперке
все равно, что в автомобильном Нью-Йорке
искать на счастье подкову

Ст. 5—8 отрывка «Уже второй должно быть ты легла...» (они же 3—6 ст. отрывка «Море уходит вспять») вошли в несколько измененном виде в предсмертное письмо Маяковского.

<I>. «Любит? не любит?..». Впервые — «Альманах с Маяковским». М., 1934, стр. 27. Автограф в ЗК № 71 (1930) — БММ.

<II>. «Уже второй...». Впервые — ПСС 1939, т. 10, стр. 215. Автограф в ЗК № 55 (1927—1928) —БММ.

<III>. «Море уходит вспять...». Впервые — ПСС 1939, т. 10, стр. 215. Автограф на отдельном листе (Собрание Л. Ю. Брик).

<IV>. «Уже второй должно быть ты легла...». Впервые — «Альманах с Маяковским». М., 1934, стр. 27. Печ. по автографу в ЗК № 71 (1930). Автограф ст. 1—4 в ЗК № 55 (1927—1928) — ЦГАЛИ. Автограф ст. 10—12 в ЗК № 69 (1929—1930); автограф ст. 9—12 в ЗК № 70 (1930) — БММ.

<V>. «Я знаю силу слов...». Впервые — «Альманах с Маяковским». М., 1934, стр. 27. Автограф в ЗК № 70 (1929—1930), ч. 2 — БММ.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* В. Маяковский. Фотография 1929 г.

2. *Между стр. 336 и 337.* В. Маяковский. Фотография 1928 г.

3. *Между стр. 368 и 369.* В. Маяковский. На выставке «20 лет работы». Фотография.

4. *На стр. 397.* Черновой автограф поэмы «Владимир Ильич Ленин» в записной книжке Маяковского.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ

А все-таки («Улица провалилась, как нос сифилитика...») I, 81
А вы могли бы? («Я сразу смазал карту будня...») I, 72
«Авто Курфюрстендамом катая...» (Два Берлина) I, 343
Адище города («Адище города окна разбили...») I, 78
«Адище города окна разбили...» (Адище города) I, 78
Адуеву («Я скандалист! Я не монах...») II, 381
«Александр Сергеевич, разрешите представиться...» (Юбилейное) I, 345
«Алексей Максимович, как помню, между нами...» (Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому) II, 163
Американцы удивляются («Обмерев, с далекого берега...») II, 373
Английскому рабочему («Вокзал оцепенел, онемевает док...») II, 118
«Асфальт — стекло. Иду и звеню...» (Бродвей) II, 67
Атлантический океан («Испанский камень слепящ и бел...») II, 40
«Аудитория сыплет вопросы колючие...» (Лучший стих) II, 207

«Багровый и белый отброшен и скомкан...» (Ночь) I, 69
Баку («Баку. Город ветра...») I, 326
«Баку. Город ветра...» (Баку) I, 326
Баллада об одном короле и тоже об одной блохе («Жил-был король английский...») I, 266
Барышня и Вульворт («Бродвей сдурел. Бегня и гулево...») II, 70
«Беги со всех ног...» (<Журнал «Огонек»>) I, 593
Безыменскому («Томов гробо́вых камень веский...») II, 380
Безыменскому («Уберите от меня...») II, 381
«Бейте в площади бунтов топот!..» (Наш марш) I, 245
«Билет — щелк. Щека — чмок...» (Еду) II, 7
«Били копыта...» (Хорошее отношение к лошадям) I, 247
Блек энд уайт («Если Гавану окинуть мигом...») II, 46
Богомольное («Большевики надругались над верой православной...») II, 64
«Большевики надругались над верой православной...» (Богомольное) II, 64
Братья писатели («Очевидно, не привыкну...») I, 120

Бродвей («Асфальт — стекло. Иду и звеню...») II, 67
«Бродвей сдурел. Бегня и гулево...» (Барышня и Вульворт) II, 70
Бруклинский мост («Издай, Кулидж, радостный клич!..») II, 81
«Бывают события: случатся раз...» («Ленин с нами!») II, 209
«Было: социализм — восторженное слово!..» (Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского) I, 573
«Будущее ищем...» (Радоваться рано) I, 250

«В авто насажали разных армян...» (Севастополь—Ялта) I, 363
«В авто, последний франк разменяв...» (Прощанье) II, 32
«В газетах пишут какие-то дяди...» (Весна) II, 221
«В даль глазами лезу я...» (Они и мы) II, 336
«В любом учреждении есть подхалим...» (Общее руководство для начинающих подхалим) II, 192
«В меру и черны и русы...» (Трус) II, 265
«В поцелуе рук ли, губ ли...» (Письмо Татьяне Яковлевой) II, 331
«В ресторане было от электричества рыжо...» (Кое-что по поводу дирижера) I, 98
«В смокинг вштопорен...» (Красавицы. Раздумье на открытии Grand Opéra) II, 362
«В сто сорок солнц закат пылал...» (Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче) I, 278
«В ушах обрывки теплого бала...» (Еще Петербург) I, 82
«В центре мира стоит Гиз...» (Четырехэтажная халтура) II, 115
«В шатрах истертых ликов цвель где...» (Уличное) I, 71
«В этой теме и личной и мелкой...» (Про это) I, 525
Вам! («Вам, проживающим за оргией оргию...») I, 90
«Вам ли понять...» (Владимир Маяковский) I, 133
«Вам, проживающим за оргией оргию...» (Вам!) I, 90
«Вашу мысль...» (Облако в штанах) I, 151
«Вена. Дрожит от рева медного...» (Наглядное пособие) II, 237
Венера Милосская и Вячеслав Полонский («Сегодня я поэт, боец за будущее...») II, 224
Верлен и Сезан («Я стукаюсь о стол, о шкафа острия...») II, 12
Версаль («По этой дороге, спеша во дворец...») II, 22
Весенний вопрос («Страшное у меня горе...») I, 322
Весна («В газетах пишут какие-то дяди...») II, 221
«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!..» (Война объявлена) I, 83
Взяточники («Дверь. На двери — «Нельзя без доклада»...») II, 131
«Вид индейцев таков...» (Свидетельствую) II, 107
«Вижу, как сейчас...» (Христофор Коломб) II, 50
Владикавказ—Тифлис («Только нога вступила в Кавказ...») I, 365
Владимир Ильич! («Я знаю — не герои...») I, 276
Владимир Ильич Ленин («Время — начинаю про Ленина рассказ...») II, 389
Владимир Маяковский («Вам ли понять...») I, 133
Внимательное отношение к взяточникам («Неужели и о взятках писать поэтам!..») I, 100
Во весь голос («Уважаемые товарищи потомки!..») II, 544
«Во весь медногорлый гудочный клич...» II, 385
Военно-морская любовь («По морям, играя, носится...») I, 93

«Воздев печеные картошки личек...» (6 монахинь) II, 37
Возьмем винтовки новые («Возьмем винтовки новые...») II, 236
«Возьми разбольшущий дом в Нью-Йорке...» (Небоскреб в разрезе) II, 73
Война и мир («Хорошо вам...») I, 183
Война объявлена («Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!..») I, 83
«Войне ли думать...» (Мысли в призыв) I, 86
«Вокзал оцепенел, онемевает док...» (Английскому рабочему) II, 118
Воровский («Сегодня, пролетариат, гром голосов раскуй...») I, 325
«Вот иду я...» (России) I, 119
«Вот «национальное отечество», за которое...» I, 269
Вот так я сделался собакой («Ну, это совершенно невыносимо!..») I, 96
«Вошел к парикмахеру, сказал — спокойный...» (Ничего не понимают) I, 79
«Вперед тракторами по целине!..» (Марш ударных бригад) II, 378
«Врангель подбит...» I, 274
«Врангель прет. Отходим мы...» (Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума) I, 285
«Время — вещь необычайно длинная...» (Хорошо! Октябрьская поэма) II, 464
«Время — начинаю про Ленина рассказ...» (Владимир Ильич Ленин) II, 389
«Встаньте, товарищи, прошу подняться...» (Лена) II, 213
«Вы себе представляете парижских женщин...» (Парижанка) II, 360
«Вы ушли, как говорится, в мир иной...» (Сергею Есенину) II, 96
Вывескам («Читайте железные книги!..») I, 73
Вызов («Горы злобы аж ночи гнут...») II, 79
«Выл ветер и не знал о ком... (Схема смеха) I, 324
«Вынув бумажник из-под хвостика фрака...» (Господин «народный артист») II, 228

Галопщик по писателям («Тальников в «Красной нови» про меня...») II, 308
Гандурину («Подмяв моих комедий глыбы...») II, 382
«Гвоздимые строками...» (Сволочи) I, 297
«Где вы, бодрые задиры?..» (Мрачное о юмористах) II, 343
Гейнеобразное («Молнию метнула глазами...») I, 284
Германия («Германия — это тебе!..») I, 310
Герои и жертвы революции («Стали орлы из рабов...») I, 256
Гимн взятке («Пришли и славословим покорненько...») I, 99
Гимн критику («От страсти извозчика и разговорчивой прачки...») I, 94
Гимн обеду («Слава вам, идущие обедать миллионы!..») I, 95
Гимн судье («По Красному морю плывут каторжане...») I, 90
Гимн ученому («Народонаселение всей империи...») I, 92
«Голой рукою нас не возьмешь...» (Красный еж) I, 274
Голубой лампас («Чернеют небеса — шалаш...») II, 258
Город («Один Париж — адвокатов, казарм...») II, 9
«Горы злобы аж ночи гнут...» (Вызов) II, 79

Господин «народный артист» («Вынув бумажник из-под хвостика фрака...») II, 228
«Граждане, у меня огромная радость...» (Я счастлив!) II, 351
«Гражданин фининспектор! Простите за беспокойство...» (Разговор с фининспектором о поэзии) II, 121
«Гремит и гремит войны барабан...» (К ответу!) I, 129
«Грудой дел, суматохой явлений...» (Разговор с товарищем Лениным) II, 340
Грустная повесть из жизни Филиппова («Филиппов — не из мелочей...») I, 383
Гулом восстаний, на эхо помноженным, об этом дадут настоящий стих, а я лишь то, что сегодня можно, скажу о деле 26-ти («Нас больше европейцев — на двадцать сто...») I, 375
Гум I, 594

«Даешь изячную жизнь» («Даже мерин сивый...») II, 204
«Даже мерин сивый...» («Даешь изячную жизнь») II, 204
Дачный случай («Я нынешний год проживаю опять...») II, 294
Два Берлина («Авто Курфюрстендамом катая...») I, 343
Два гренадера и один адмирал («Три битых брели генерала...») I, 265
«26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией...» (Революция. Поэтохроника) I, 122
Две Москвы («Когда автобус, пыль развеяв...») II, 160
«Дверь. На двери — «Нельзя без доклада»...» (Взяточники) II, 131
9-е января («О боге болтая, о смирении говоря...») I, 337
День Парижской коммуны («Рабочий Парижа...») I, 269
Десятилетняя песня («Дрянь адмиральская...») II, 280
Дешевая распродажа («Женщину ль опутываю в трогательный роман...») I, 111
«Днем — благоденствуют дома и домишки...» (<Журнал «Крысодав»>) I, 592
«Добьемся урожая мы...» (Урожайный марш) II, 355
«Довольно сонной, расслабленной праздности!..» (Передовая передового) II, 128
Долг Украине («Знаете ли вы украинскую ночь?..») II, 169
Дом Герцена («Расклокотался в колокол Герцен...») II, 262
Домой! («Уходите, мысли, восвояси...») II, 89
«Дралось некогда греков триста...» (С товарищеским приветом, Маяковский) I, 262
«Другие здания лежат, как грязная кора...» (Notre Dame) II, 19
«Дрянь адмиральская...» (Десятилетняя песня) II, 280
«Дым табачный воздух выел...» (Лиличка! Вместо письма) I, 116
«Дыра дырой, ни хорошая, ни дрянная...» (Нордерней) I, 328

Евпатория («Чуть вздыхает волна, и, вторя ей...») II, 302
«Его прислали для проведенья режима...» (Фабрика бюрократов) II, 145
Еду («Билет — щелк. Щека — чмок...») II, 7
Екатеринбург — Свердловск («Из снегового, слепящего лоска...») II, 269
«Если блокада нас не сморила...» (Ленинцы) II, 382

«Если Гавану окинуть мигом...» (Блек энд уайт) II, 46
«Если глаз твой врага не видит...» (Порядочный гражданин) II, 76
«Если стих сердечный раж...» (Октябрь 1917—1926) II, 171
«Ешь ананасы, рябчиков жуй...» I, 130
Еще Петербург («В ушах обрывки теплого бала...») I, 82

«Женщину ль опутываю в трогательный роман...» (Дешевая распродажа) I, 111
«Жид» («Черт вас возьми...») II, 285
«Жил-был король английский...» (Баллада об одном короле и тоже об одной блохе) I, 266
«Жил да был на свете кадет...» (Сказка о красной шапочке) I, 128
Жорес («Ноябрь, а народ зажат до жары...») II, 25
<Журнал «Красный перец»> («Только подписчики «Красного перца»...») I, 596
<Журнал «Крысодав»> («Днем — благоденствуют дома и домишки...») I, 592
<Журнал «Огонек»> («Беги со всех ног...») I, 593

«За всех вас...» (Флейта-позвоночник) I, 173
За женщиной («Раздвинув локтем тумана дрожжи...») I, 73
«За что боролись?» («Слух идет бессмысленен и гадок...») II, 200
Заграничная штучка («Париж, как сковородку желток...») II, 357
«Запретить совсем бы ночи-негодяйке...» (Кемп «Нит гедайге») II, 85
«Земля! Дай исцелую твою лысеющую голову...» (От усталости) I, 77
«Знаете ли вы украинскую ночь?..» (Долг Украине) II, 169

«И глупо звать его...» (Крым) II, 299
«Из снегового, слепящего лоска...» (Екатеринбург — Свердловск) II, 269
«Из тучки месяц вылез...» (Маруся отравилась) II, 242
Из улицы в улицу («Улица. Лица...») I, 71
«Издай, Кулидж, радостный клич!..» (Бруклинский мост) II, 81
Император («Помню — то ли пасха...») II, 277
Интернациональная басня («Петух однажды...») I, 130
Испания («Ты — я думал — райский сад...») II, 36
«Испанский камень слепящ и бел...» (Атлантический океан) II, 40
История про бублики и про бабу, не признающую республики («Сья история была...») I, 273

К ответу! («Гремит и гремит войны барабан...») I, 129
«К пишущему массу исков...» (Товарищу машинистке) II, 217
«Каждый прогул...» I, 275
Казань («Стара, коса...») II, 275
«Как днище бочки, правильным диском...» (Чудеса!) II, 240
Как работает республика демократическая? («Словно дети, просящие с медомковригу...») I, 305
«Как совесть голубя, чист асфальт...» (На Западе все спокойно) II, 367
«Канителят стариков бригады...» (Приказ по армии искусства) I, 249

Канцелярские привычки («Я два месяца шатался по природе...») II, 155
Кемп «Нит гедайге» («Запретить совсем бы ночи-негодяйке...») II, 85
Киев («Лапы елок, лапки, лапушки...») I, 334
Ко всему («Нет. Это неправда...») I, 105
«Когда автобус, пыль развеяв...» (Две Москвы) II, 160
Кое-что по поводу дирижера («В ресторане было от электричества рыжо...») I, 98
Кое-что про Петербург («Слезают слезы с крыши в трубы...») I, 73
Комсомольская («Строит, рушит, кроит и рвет...») I, 339
Конь-огонь («Сын отцу твердил раз триста...») II, 188
Кофта фата («Я сошью себе черные штаны...») I, 80
Красавицы. Раздумье на открытии Grand Opéra («В смокинг вштопорен...») II, 362
«Красивые шпили домов-рапир...» (Стихи о красотах архитектуры) II, 322
«Красноармеец! Если ты демобилизован...» I, 275
Краснодар («Северяне вам наврали...») II, 93
Красный еж («Голой рукою нас не возьмешь...») I, 274
«Крошка сын к отцу пришел...» (Что такое хорошо и что такое плохо?) II, 33
Крым («И глупо звать его...») II, 299
Крым («Хожу, гляжу в окно ли я...») II, 195
Кто? («Кто виноват...») I, 272
«Кто виноват...» (Кто?) I, 272
«Кто вы? Мы разносчики новой веры...» (Мы идем) I, 261
«Куда бы ты ни направил разбег...» (Ужасающая фамильярность) II, 154

«Лапы елок, лапки, лапушки...» (Киев) I, 334
Левый марш («Разворачивайтесь в марше!..») I, 255
Лена («Встаньте, товарищи, прошу подняться...») II, 213
«Ленин с нами!» («Бывают события: случатся раз...») II, 209
Ленинцы («Если блокада нас не сморила...») II, 382
«Леф» («Против старья озверев...») I, 591
Лиличка! Вместо письма («Дым табачный воздух выел...») I, 116
«Лошадь сказала, взглянув на верблюда...» (Стихи о разнице вкусов) II, 318
Лучше тоньше, да лучше («Я не терплю книг...») II, 312
Лучший стих («Аудитория сыплет вопросы колючие...») II, 207
«Льва показываю я...» (Что ни страница — то слон, то львица) II, 92
«Любит? не любит? Я руки ломаю...» (<Неоконченное>) II, 551
Люблю («Любовь любому рожденному дадена...») I, 516
Любовь («Мир опять цветами оброс...») II, 136
«Любовь любому рожденному дадена...» (Люблю) I, 516

«Май ли уже расцвел над городом...» (Мое к этому отношение) I, 102
Мама и убитый немцами вечер («По черным улицам белые матери...») I, 84

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! («Штыками двух столетий стык...») II, 111
Маруся отравилась («Из тучки месяц вылез...») II, 242
Марш ударных бригад («Вперед тракторами по целине!..») II, 378
«Массам непонятно» («Между писателем и читателем стоят посредники...») II, 254
«Между писателем и читателем стоят посредники...» («Массам непонятно») II, 254
Мексика («О, как эта жизнь читалась взасос!..») II, 57
Мелкая философия на глубоких местах («Превращусь не в Толстого, так в толстого...») II, 44
Мистерия-буфф («Это об нас взывала земля голосом пушечного рева...») I, 397
«Мир в тишине с головы до пят...» (Монте-Карло) II, 364
«Мир опять цветами оброс...» (Любовь) II, 136
«Мистер министр?..» (Пролетарий, в зародыше задуши войну!) I, 355
«Мне б хотелось про Октябрь сказать...» (Не юбилейте!) II, 174
«Мне неведомо, в кого я попаду...» (Помпадур) II, 296
Мое к этому отношение («Май ли уже расцвел над городом...») I, 102
«Мокрая, будто ее облизали...» (Эй!) I, 103
«Молнию метнула глазами...» (Гейнеобразное) I, 284
Монте-Карло («Мир в тишине с головы до пят...») II, 364
«Морей неведомых далеким пляжем...» (Я, Несколько слов о моей жене) I, 75
Москва — Кенигсберг («Проезжие — прохожих реже...») I, 330
«Москва меня обступает, сипя...» (Ответ на будущие сплетни) II, 334
Моссельпром I, 545
Моя речь на Генуэзской конференции («Не мне российская делегация вверена...») I, 303
Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели («Я тру ежедневно взморщенный лоб...») II, 185
Мрачное о юмористах («Где вы, бодрые задиры?..») II, 343
«Мрачные до черного вышли люди...» (Чудовищные похороны) I, 101
«Мчит Пилсудский...» I, 270
Мы («Мы — Эдисоны невиданных взлетов...») II, 353
Мы идем («Кто вы? Мы разносчики новой веры...») I, 261
«Мы идем революционной лавой...» (III Интернационал) I, 281
Мы не верим! («Тенью истемня весенний день...») I, 321
«Мы не вопль гениальничанья...» (Той стороне) I, 253
«Мы — Эдисоны невиданных взлетов...» (Мы) II, 353
Мысли в призыв («Войне ли думать...») I, 86

На Западе все спокойно («Как совесть голубя, чист асфальт...») II, 367
«На сотни эстрад бросает меня...» (Нашему юношеству) II, 180
Наглядное пособие («Вена. Дрожит от рева медного...») II, 237
Надоело («Не высидел дома...») I, 109
«Народонаселение всей империи...» (Гимн ученому) I, 92
«Нас больше европейцев — на двадцать сто...» (Гулом восстаний, на эхо помноженным...) I, 375

Нате! («Через час отсюда в чистый переулок. . .») I, 79
Наш марш («Бейте в площади бунтов топот! . .») I, 245
Наше новогодие («Новый год!» Для других это просто. . .») II, 178
Нашему юношеству («На сотни эстрад бросает меня. . .») II, 180
«Не высидел дома. . .» (Надоело) I, 109
«Не мне российская делегация вверена. . .» (Моя речь на Генуэзской конференции) I, 303
«Не надо. . .» (Хвои) I, 113
«Не хочу я быть советской. . .» (Песня рязанского мужика) I, 264
Не юбилейте! («Мне б хотелось про Октябрь сказать. . .») II, 174
Небоскреб в разрезе («Возьми разбольшущий дом в Нью-Йорке. . .») II, 73
«Небывалей не было у истории в аннале. . .» (Потрясающие факты) I, 259
Неделя фронта («Последние усилия на чашу сыпь. . .») I, 268
Неделя фронта — неделя победы («Эй, товарищи! . .») I, 268
«Нежно говорил ей. . .» (Пустяк у Оки) I, 98
Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. . . («В сто сорок солнц закат пылал. . .») I, 278
<Неоконченное> («Любит? не любит? Я руки ломаю. . .») II, 551
Несколько слов о моей жене (Я, «Морей неведомых далеким пляжем. . .») I, 75
Несколько слов о моей маме (Я, «У меня есть мама на васильковых обоях. . .») I, 75
Несколько слов обо мне самом (Я, «Я люблю смотреть, как умирают дети. . .») I, 76
«Нет, не те «молодежь». . .» (Секрет молодости) II, 306
«Нет. Это неправда. . .» (Ко всему) I, 105
«Неужели и о взятках писать поэтам! . .» (Внимательное отношение к взяточникам) I, 100
Ничего не понимают («Вошел к парикмахеру, сказал — спокойный. . .») I, 79
«Новый год!» Для других это просто. . .» (Наше новогодие) II, 178
Нордерней («Дыра дырой, ни хорошая, ни дрянная. . .») I, 328
Нормализованная гайка («Подходи, рабочий! . .») I, 271
Notre Dame («Другие здания лежат, как грязная кора. . .») II, 19
Ночь («Багровый и белый отброшен и скомкан. . .») I, 69
«Ноябрь, а народ зажат до жары. . .» (Жорес) II, 25
Ну, что ж! («Раскрыл я с тихим шорохом. . .») II, 231
«Ну, это совершенно невыносимо! . .» (Вот так я сделался собакой) I, 96

«О бард, сгитарьте тарарайра нам! . .» (Уткину) II, 382
«О боге болтая, о смирении говоря. . .» (9 января) I, 337
О дряни («Слава, Слава, Слава героям!!! . .») I, 289
«О, как эта жизнь читалась взасос! . .» (Мексика) II, 57
О поэтах («Что поэзия?!») I, 313
Облако в штанах («Вашу мысль. . .») I, 151
«Обмерев, с далекого берега. . .» (Американцы удивляются) II, 373
«Обшаркан мильоном ног. . .» (Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней) I, 317

Общее руководство для начинающих подхалим («В любом учреждении есть подхалим...») II, 192
«Обыкновенно мы говорим...» (Прощание. Кафе) II, 28
Ода революции («Тебе, освистанная...») I, 246
«Один Париж — адвокатов, казарм...» (Город) II, 9
Одно из двух («Не хотят подписывать мир пером...») I, 268
Окна Роста и Главполитпросвета:
«Рабочий! Глупость беспартийную выкинь!..» I, 264
Песня рязанского мужика I, 264
Два гренадера и один адмирал I, 265
Баллада об одном короле и тоже об одной блохе I, 266
Неделя фронта — неделя победы (I—IV) I, 268—269
День Парижской коммуны I, 269
«Мчит Пилсудский...» I, 270
«Оружие Антанты — деньги...» I, 271
Нормализованная гайка I, 271
Кто? I, 272
«Щадите пленных!..» I, 272
История про бублики и про бабу, не признающую республики I, 273
«Врангель подбит...» I, 274
Красный еж I, 275
«Каждый прогул...» I, 275
«Красноармеец! Если ты демобилизован...» I, 275
«Сдай налог...» I, 276
Октябрь 1917—1926 («Если стих сердечный раж...») II, 171
«Он вошел, склонясь учтиво...» (Птичка божия) II, 346
Они и мы («В даль глазами лезу я...») II, 336
«Оружие Антанты — деньги...» I, 271
«Орут поэту...» (Поэт рабочий) I, 251
«От страсти извозчика и разговорчивой прачки...» (Гимн критику) I, 94
От усталости («Земля! Дай исцелую твою лысеющую голову...») I, 77
«От этого Терека в поэтах истерика...» (Тамара и Демон) I, 370
Ответ на будущие сплетни («Москва меня обступает, сипя...») II, 334
Ответ на «Мечту» («Что ж! Напишу и я про то же...») II, 231
Отношение к барышне («Этот вечер решал...») I, 283
«Очевидно, не привыкну...» (Братья писатели) I, 120

«Париж, как сковородку желток...» (Заграничная штучка) II, 357
«Париж! Париж!.. приедешь, угоришь!..» (Стихотворение о проданной телятине) II, 319
Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней) («Обшаркан мильоном ног...») I, 317
Парижанка («Вы себе представляете парижских женщин...») II, 360
«Пароход подошел, завыл, погудел...» (Сифилис) II, 101
Передовая передового («Довольно сонной, расслабленной праздности!..») II, 128
Перекопский энтузиазм! («Часто сейчас по улицам слышишь...») II, 338

«Перья-облака, закат расканарейте!..» (Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия») II, 158
Песня рязанского мужика («Не хочу я быть советской...») I, 264
«Петр Иванович Сорокин...» (Сплетник) II, 315
«Петух однажды...» (Интернациональная басня) I, 130
Писатели мы («Раньше уважали исключительно гениев...») II, 282
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им... («Слышал — вас Молчанов бросил...») II, 249
Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому («Алексей Максимович, как помню, между нами...») II, 163
Письмо Татьяне Яковлевой («В поцелуе рук ли, губ ли...») II, 331
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви («Простите меня, товарищ Костров...») II, 327
«Плыли по небу тучки...» (Тучкины штучки) I, 247
По городам Союза («Россия — все: и коммуна, и волки...») II, 196
«По Красному морю плывут каторжане...» (Гимн судье) I, 90
«По морям, играя, носится...» (Военно-морская любовь) I, 93
«По мостовой...» (Я) I, 74
«По небу тучи бегают, дождями сумрак сжат...» (Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка) II, 375
«По черным улицам белые матери...» (Мама и убитый немцами вечер) I, 84
«По этой дороге, спеша во дворец...» (Версаль) II, 22
«По эхам города проносят шумы...» (Шумики, шумы и шумищи) I, 77
«Погода такая, что маю впору...» (Строго воспрещается) II, 95
«Подмяв моих комедий глыбы...» (Гандурину) II, 382
«Подходи, рабочий!..» (Нормализованная гайка) I, 271
«Помните раньше дела провинций?..» (Три тысячи и три сестры) II, 260
«Помню — то ли пасха...» (Император) II, 277
Помпадур («Мне неведомо, в кого я попаду...») II, 296
Порт («Простыни вод под брюхом были...») I, 70
«Портсигар в траву ушел на треть...» I, 284
Порядочный гражданин («Если глаз твой врага не видит...») II, 76
Послание пролетарским поэтам («Товарищи, позвольте без позы, без маски...») II, 140
«Последние усилия на чашу сыпь...» (Неделя фронта) I, 268
Последняя петербургская сказка («Стоит император Петр Великий...») I, 118
Последняя страничка гражданской войны («Слава тебе, краснозвездный герой!..») I, 288
«Послушайте! Ведь, если звезды зажигают...» (Послушайте) I, 80
Послушайте («Послушайте! Ведь, если звезды зажигают...») I, 80
Потрясающие факты («Небывалей не было у истории в аннале...») I, 259
Поэт рабочий («Орут поэту...») I, 251
«Появились молодые...» (Служака) II, 291
«Превращусь не в Толстого, так в толстого...» (Мелкая философия на глубоких местах) II, 44

Приказ № 2 армии искусств («Это вам — упитанные баритоны. . .») I, 293
Приказ по армии искусства («Канителят стариков бригады. . .») I, 249
«Пришли и славословим покорненько. . .» (Гимн взятке) I, 99
Про это («В этой теме, и личной и мелкой. . .») I, 525
«Проезжие — прохожих реже. . .» (Москва — Кенигсберг) I, 330
Прозаседавшиеся («Чуть ночь превратится в расовет. . .») I, 295
Пролетарий, в зародыше задуши войну («Мистер министр? . .») I, 355
«Простите меня, товарищ Костров. . .» (Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви) II, 327
«Простыни вод под брюхом были. . .» (Порт) I, 70
«Против старья озверев. . .» («Леф») I, 591
Прощание (Кафе) («Обыкновенно мы говорим. . .») II, 28
Прощанье («В авто, последний франк разменяв. . .») II, 32
Птичка божия («Он вошел, склонясь учтиво. . .») II, 346
Пустяк у Оки («Нежно говорил ей. . .») I, 98
«Пустяшный факт — а вот пожалте! . .» (Ялта — Новороссийск) I, 390

«Рабочий! Глупость беспартийную выкинь! . .» I, 264
«Рабочий Парижа. . .» (День Парижской коммуны) I, 269
Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского («Было: социализм — восторженное слово! . .») I, 573
Радоваться рано («Будущее ищем. . .») I, 250
«Разворачивайтесь в марше! . .» (Левый марш) I, 255
Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» («Перья-облака, закат расканарейте! . .») II, 158
Разговор с товарищем Лениным («Грудой дел, суматохой явлений. . .») II, 340
Разговор с фининспектором о поэзии («Гражданин фининспектор! Простите за беспокойство. . .») II, 121
«Раздвинув локтем тумана дрожжи. . .» (За женщиной) I, 73
Размышления о Молчанове Иване и о поэзии («Я взял газету. . .») II, 253
«Раньше уважали исключительно гениев. . .» (Писатели мы) II, 282
«Расклокотался в колокол Герцен. . .» (Дом Герцена) II, 262
«Раскрыл я с тихим шорохом. . .» (Ну, что ж!) II, 231
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру («Я пролетарий. Объясняться лишне. . .») II, 272
Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума («Врангель прет. Отходим мы. . .») I, 285
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка («По небу тучи бегают, дождями сумрак сжат. . .») II, 375
Революция. Поэтохроника («26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией. . .») I, 122
Реклама:
«Леф» I, 591
Журнал «Крысодав» I, 592
<Журнал «Огонек»> I, 593
ГУМ I, 594

Резинотрест I, 595
Моссельпром I, 596
<Журнал «Красный перец»> I, 596
России («Вот иду я. . .») I, 119
«Россия — все: и коммуна, и волки. . .» (По городам Союза) II, 196

С товарищеским приветом, Маяковский («Дралось некогда греков триста. . .») I, 262
«Сапоги почистить — 1 000 000. . .» (Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе. . .) I, 291
Свидетельствую («Вид индейцев таков. . .») II, 107
Сволочи! («Гвоздимые строками. . .») I, 297
«Священнослужителя мира. . .» (Человек) I, 215
«Сдай налог. . .» I, 276
Себе, любимому, посвящает эти строки автор («Четыре. Тяжелые, как удар. . .») I, 114
Севастополь — Ялта («В авто насажали разных армян. . .») I, 363
«Северяне вам наврали. . .» (Краснодар) II, 93
«Сегодня, пролетариат, гром голосов раскуй. . .» (Воровский) I, 325
«Сегодня я, поэт, боец за будущее. . .» (Венера Милосская и Вячеслав Полонский) II, 224
Секрет молодости («Нет, не те «молодежь». . .») II, 306
Сельвинский («Чтоб желуди с меня удобней воровать. . .») II, 381
Сергею Есенину («Вы ушли, как говорится, в мир иной. . .») II, 96
Сифилис («Пароход подошел, завыл, погудел. . .») II, 101
Сказка о красной шапочке («Жил да был на свете кадет. . .») I, 128
Скрипка и немножко нервно («Скрипка издергалась, упрашивая. . .») I, 82
«Скрипка издергалась, упрашивая. . .» (Скрипка и немножко нервно) I, 82
«Скушно Пушкину. Чугунному ропщется. . .» (Шутка, похожая на правду) II, 303
«Слава вам, идущие обедать миллионы! . .» (Гимн обеду) I, 95
«Слава, Слава, Слава героям!!! . .» (О дряни) I, 289
«Слава тебе, краснозвездный герой! . .» (Последняя страничка гражданской войны) I, 288
«Слезают слезы с крыши в трубы. . .» (Кое-что про Петербург) I, 73
«Словно дети, просящие с медом ковригу. . .» (Как работает республика демократическая?) I, 305
Служака («Появились молодые. . .») II, 291
«Слух идет бессмысленен и гадок. . .» («За что боролись?») II, 200
«Слышал — вас Молчанов бросил. . .» (Письмо к любимой Молчанова, брошенной им. . .) II, 249
«Смотрю: вот это — тропики. . .» (Тропики) II, 152
Сплетник («Петр Иванович Сорокин. . .») II, 315
«Стали орлы из рабов. . .» (Герои и жертвы революции) I, 256
«Стара, коса. . .» (Казань) II, 275
Стихи о красотах архитектуры («Красивые шпили домов-рапир. . .») II, 322
Стихи о разнице вкусов («Лошадь сказала, взглянув на верблюда. . .») II, 318

Стихи о советском паспорте («Я волком бы выгрыз бюрократизм. . .») II, 370
Стихи о Фоме («Мы строим коммуну. . .») II, 349
Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе («Сапоги почистить — 1 000 000. . .») I, 291
Стихотворение о проданной телятине («Париж! Париж! .. приедешь, угоришь! . .») II, 319
«Стоит император Петр Великий. . .» (Последняя петербургская сказка) I, 118
150 000 000 («150 000 000 мастера этой поэмы имя. . .») I, 468
«150 000 000 мастера этой поэмы имя. . .» (150 000 000) I, 468
Столп («Товарищ Попов чуть-чуть не от плуга. . .») II, 313
«Страшное у меня горе. . .» (Весенний вопрос) I, 322
Строго воспрещается («Погода такая, что маю впору. . .») II, 95
«Строит, рушит, кроит и рвет. . .» (Комсомольская) I, 339
Схема смеха («Выл ветер и не знал о ком. . .») I, 324
«Сья история была. . .» (История про бублики и про бабу, не признающую республики) I, 273
«Сын отцу твердил раз триста. . .» (Конь-огонь) II, 188

«Тальников в «Красной нови» про меня. . .» (Галопщик по писателям) II, 308
Тамара и Демон («От этого Терека в поэтах истерика. . .») I, 370
«Тебе, освистанная. . .» (Ода революции) I, 246
«Тенью истемня весенний день. . .» (Мы не верим!) I, 321
«Товарищ Попов чуть-чуть не от плуга. . .» (Столп) II, 313
«Товарищи, позвольте без позы, без маски. . .» (Послание пролетарским поэтам) II, 140
Товарищу машинистке («К пишущему массу исков. . .») II, 217
Товарищу Нетте, пароходу и человеку («Я недаром вздрогнул. . .») II, 150
Той стороне («Мы не вопль гениальничанья. . .») I, 253
«Только нога вступила в Кавказ. . .» (Владикавказ — Тифлис) I, 365
«Только подписчики «Красного перца». . .» (<Журнал «Красный перец»>) I, 596
«Только солнце усядется, канув. . .» (Хулиганщина) I, 385
«Томов гробо́вых камень веский. . .» (Безыменскому) II, 380
III Интернационал («Мы идем революционной лавой. . .») I, 281
«Три битых брели генерала. . .» (Два гренадера и один адмирал) I, 265
Три тысячи и три сестры («Помните раньше дела провинций? . .») II, 260
Тропики («Смотрю: вот это — тропики. . .») II, 152
Трус («В меру и черны и русы. . .») II, 265
Тучкины штучки («Плыли по небу тучки. . .») I, 247
«Ты пёр позавчера за громыханьем. . .» (Флаг) I, 386
«Ты — я думал — райский сад. . .» (Испания) II, 36

«У меня есть мама на васильковых обоях. . .» (Я, Несколько слов о моей маме) I, 75
«Уберите от меня. . .» (Безыменскому) II, 381
«Уважаемые товарищи потомки! . .» (Во весь голос) II, 544

«Угрюмый дождь скосил глаза...» (Утро) I, 69
Ужасающая фамильярность («Куда бы ты ни направил разбег...») II, 154
«Улица. Лица...» (Из улицы в улицу) I, 71
«Улица провалилась, как нос сифилитика...» (А все-таки) I, 81
Уличное («В шатрах истертых ликов цвель где...») I, 71
Урожайный марш («Добьемся урожая мы...») II, 355
Уткину («О бард, сгитарьте тарарайра нам!..») II, 382
Утро («Угрюмый дождь скосил глаза...») I, 69
«Уходите, мысли, восвояси...» (Домой!) II, 89

Фабрика бюрократов («Его прислали для проведенья режима...») II, 145
«Филиппов — не из мелочей...» (Грустная повесть из жизни Филиппова) I, 383
Флаг («Ты пёр позавчера за громыханьем...») I, 386
Флейта-позвоночник («За всех вас...») I, 173

Хвои («Не надо...») I, 113
«Хожу, гляжу в окно ли я...» (Крым) II, 195
Хорошее отношение к лошадям («Били копыта...») I, 247
Хорошо! Октябрьская поэма («Время — вещь необычайно длинная...») II, 464
«Хорошо вам...» (Война и мир) I, 183
Христофор Коломб («Вижу, как сейчас...») II, 50
Хулиганщина («Только солнце усядется, канув...») I, 385

«Часто сейчас по улицам слышишь...» (Перекопский энтузиазм!) II, 338
Человек («Священнослужителя мира...») I, 215
«Через час отсюда...» (Нате!) I, 79
«Чернеют небеса — шалаш...» (Голубой лампас) II, 258
«Черт вас возьми...» («Жид») II, 285
«Четыре. Тяжелые, как удар...» (Себе, любимому, посвящает эти строки автор) I, 114
Четырехэтажная халтура («В центре мира стоит Гиз...») II, 115
«Читайте железные книги!..» (Вывескам) I, 73
«Что ж! Напишу и я про то же...» (Ответ на «Мечту») II, 231
Что ни страница — то слон, то львица («Льва показываю я...») II, 92
«Что поэзия?! Пустяк...» (О поэтах) I, 313
Что такое хорошо и что такое плохо? («Крошка сын к отцу пришел...») II, 33
«Чтоб желуди с меня удобней воровать...» (Сельвинский) II, 381
Чудеса! («Как днище бочки, правильным диском...») II, 240
Чудовищные похороны («Мрачные до черного вышли люди...») I, 101
«Чуть вздыхает волна, и, вторя ей..» (Евпатория) II, 302
«Чуть ночь превратится в рассвет...» (Прозаседавшиеся) I, 395

6 монахинь («Воздев печеные картошки личек...») II, 37
«Штыками двух столетий стык...» (Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!) II, 111

Шумики, шумы и шумищи («По эхам города проносят шумы...») I, 77
Шутка, похожая на правду («Скушно Пушкину. Чугунному ропщется...») II, 303

«Щадите пленных...» I, 272

Эй! («Мокрая, будто ее облизали...») I, 103
«Эй, товарищи!..» (Неделя фронта — неделя победы) I, 268
«Это вам — упитанные баритоны...» (Приказ № 2 армии искусств) I, 293
«Это об нас взывала земля голосом пушечного рева...» (Мистерия-буфф) I, 397
«Этот вечер решал...» (Отношение к барышне) I, 283

Юбилейное («Александр Сергеевич, разрешите представиться...») I, 345

Я:
1. «По мостовой...» I, 74
2. Несколько слов о моей жене I, 75
3. Несколько слов о моей маме I, 75
4. Несколько слов обо мне самом I, 76
«Я взял газету...» (Размышления о Молчанове Иване и о поэзии) II, 253
«Я волком бы выгрыз бюрократизм...» (Стихи о советском паспорте) II, 370
«Я два месяца шатался по природе...» (Канцелярские привычки) II, 155
«Я живу на Большой Пресне...» (Я и Наполеон) I, 87
«Я знаю — не герои...» (Владимир Ильич!) I, 276
Я и Наполеон («Я живу на Большой Пресне...») I, 87
«Я люблю смотреть, как умирают дети...» (Я, Несколько слов обо мне самом) I, 76
«Я не терплю книг...» (Лучше тоньше, да лучше) II, 312
«Я недаром вздрогнул...» (Товарищу Нетте, пароходу и человеку) II, 150
«Я нынешний год проживаю опять...» (Дачный случай) II, 294
«Я пролетарий. Объясняться лишне...» (Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру) II, 272
«Я скандалист! Я не монах...» (Адуеву) II, 381
«Я сошью себе черные штаны...» (Кофта фата) I, 80
«Я сразу смазал карту будня...» (А вы могли бы?) I, 72
«Я стукаюсь о стол, о шкафа острия...» (Верлен и Сезан) II, 12
Я счастлив! («Граждане, у меня огромная радость...») II, 351
«Я тру ежедневно взморщенный лоб...» (Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели) II, 185
Ялта — Новороссийск («Пустяшный факт — а вот пожалте!..») I, 390

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

1925—1930

Еду 7 *556*
Город 9 *556*
Верлен и Сезан 12 *556*
Notre Dame 19 *557*
Версаль 22 *557*
Жорес 25 *557*
Прощание (Кафе) 28 *558*
Прощанье 32 *558*
Что такое хорошо и что такое плохо? 33 *558*
Испания 36 *558*
6 монахинь 37 *559*
Атлантический океан 40 *559*
Мелкая философия на глубоких местах 44 *560*
Блек энд уайт 46 *561*
Христофор Коломб 50 *561*
Мексика 57 *562*
Богомольное 64 *564*
Бродвей 67 *564*
Барышня и Вульворт 70 *564*
Небоскреб в разрезе 73 *564*
Порядочный гражданин 76 *565*
Вызов 79 *566*
Бруклинский мост 81 *566*
Кемп «Нит гедайге» 85 *566*
Домой! 89 *567*
Что ни страница, — то слон, то львица 92 *568*
Краснодар 93 *568*
Строго воспрещается 95 *568*
Сергею Есенину 96 *569*
Сифилис 101 *570*
Свидетельствую 107 *571*

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! 111 *571*
Четырехэтажная халтура 115 *573*
Английскому рабочему 118 *574*
Разговор с фининспектором о поэзии 121 *574*
Передовая передового 128 *575*
Взяточники 131 *576*
Любовь 136 *576*
Послание пролетарским поэтам 140 *576*
Фабрика бюрократов 145 *577*
Товарищу Нетте, пароходу и человеку 150 *577*
Тропики (Дорога Вера-Круц — Мехико-сити) 152 *578*
Ужасающая фамильярность 154 *578*
Канцелярские привычки 155 *579*
Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» 158 *579*
Две Москвы 160 *579*
Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому 163 *580*
Долг Украине 169 *581*
Октябрь. 1917—1926 . . . . 171 *581*
Не юбилейте! 174 *581*
Наше новогодие 178 *581*
Нашему юношеству 180 *582*
Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели 185 *582*
Конь-огонь 188 *583*
Общее руководство для начинающих подхалим 192 *584*
Крым («Хожу, гляжу в окно ли я...») 195 *584*
По городам Союза 196 *584*
«За что боролись?» 200 *584*
«Даешь изячную жизнь» 204 *585*
Лучший стих 207 *585*
«Ленин с нами!» 209 *585*
Лена 213 *586*
Товарищу машинистке 217 *587*
Весна 221 *587*
Венера Милосская и Вячеслав Полонский 224 *587*
Господин «народный артист» 228 *588*
Ну, что ж! 231 *588*
Ответ на «Мечту» 231 *588*
Возьмем винтовки новые 236 *588*
Наглядное пособие 237 *588*
Чудеса! 240 *589*
Маруся отравилась 242 *589*
Письмо к любимой Молчанова, брошенной им. 249 *589*
Размышления о Молчанове Иване и о поэзии 253 *590*
«Массам непонятно» 254 *592*
Голубой лампас 258 *592*
Три тысячи и три сестры 260 *592*
Дом Герцена (только в полночном освещении) 262 *593*
Трус 265 *593*

Екатеринбург — Свердловск 269 *593*
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру 272 *594*
Казань 275 *594*
Император 277 *594*
Десятилетняя песня 280 *595*
Писатели мы 282 *596*
«Жид» 285 *596*
Служака 291 *597*
Дачный случай 294 *597*
Помпадур 296 *598*
Крым («И глупо звать его «Красная Ницца»...») . . . 299 *598*
Евпатория 302 *598*
Шутка, похожая на правду 303 *598*
Секрет молодости 306 *598*
Галопщик по писателям 308 *599*
Лучше тоньше, да лучше 312 *599*
Столп 313 *599*
Сплетник 315 *600*
Стихи о разнице вкусов 318 *600*
Стихотворение о проданной телятине 319 *600*
Стихи о красотах архитектуры 322 *600*
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви 327 *601*
Письмо Татьяне Яковлевой 331 *601*
Ответ на будущие сплетни 334 *602*
Они и мы 336 *602*
Перекопский энтузиазм! 338 *602*
Разговор с товарищем Лениным 340 *603*
Мрачное о юмористах 343 *603*
Птичка божия 346 *603*
Стихи о Фоме 349 *603*
Я счастлив! 351 *603*
Мы 353 *603*
Урожайный марш 355 *603*
Заграничная штучка 357 *603*
Парижанка 360 *604*
Красавицы (Раздумье на открытии Grand Opéra) . . . 362 *604*
Монте-Карло 364 *604*
На Западе всё спокойно 367 *604*
Стихи о советском паспорте 370 *604*
Американцы удивляются 373 *605*
Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка . . 375 *605*
Марш ударных бригад 378 *605*
Эпиграммы
Безыменскому 380 *605*
Адуеву 381 *606*
Сельвинский 381 *606*
Безыменскому 381 *606*
Уткину 382 *606*
Гандурину 382 *607*
Ленинцы 382 *607*
«Во весь медногорлый гудочный клич...» 385 *608*

ПОЭМЫ

1924—1930

Владимир Ильич Ленин 389 *608*
Хорошо! Октябрьская поэма 464 *618*
Во весь голос. *Поэма* 544 *625*
<Неоконченное> 551 *626*

Примечания 555

К иллюстрациям 627
Алфавитный указатель стихотворений и поэм 628

Маяковский Владимир Владимирович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОМ II

Редакторы *С. В. Владимиров*
и *Л. А. Николаева*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 27/VII 1963 г. Подписано в печать 28/XI 1963 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 20 1/4 + 3 вкл. (33,52). Уч.-изд. л. 36,89. Тираж 40 000. Зак. № 1140.
Цена 1 р. 28 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

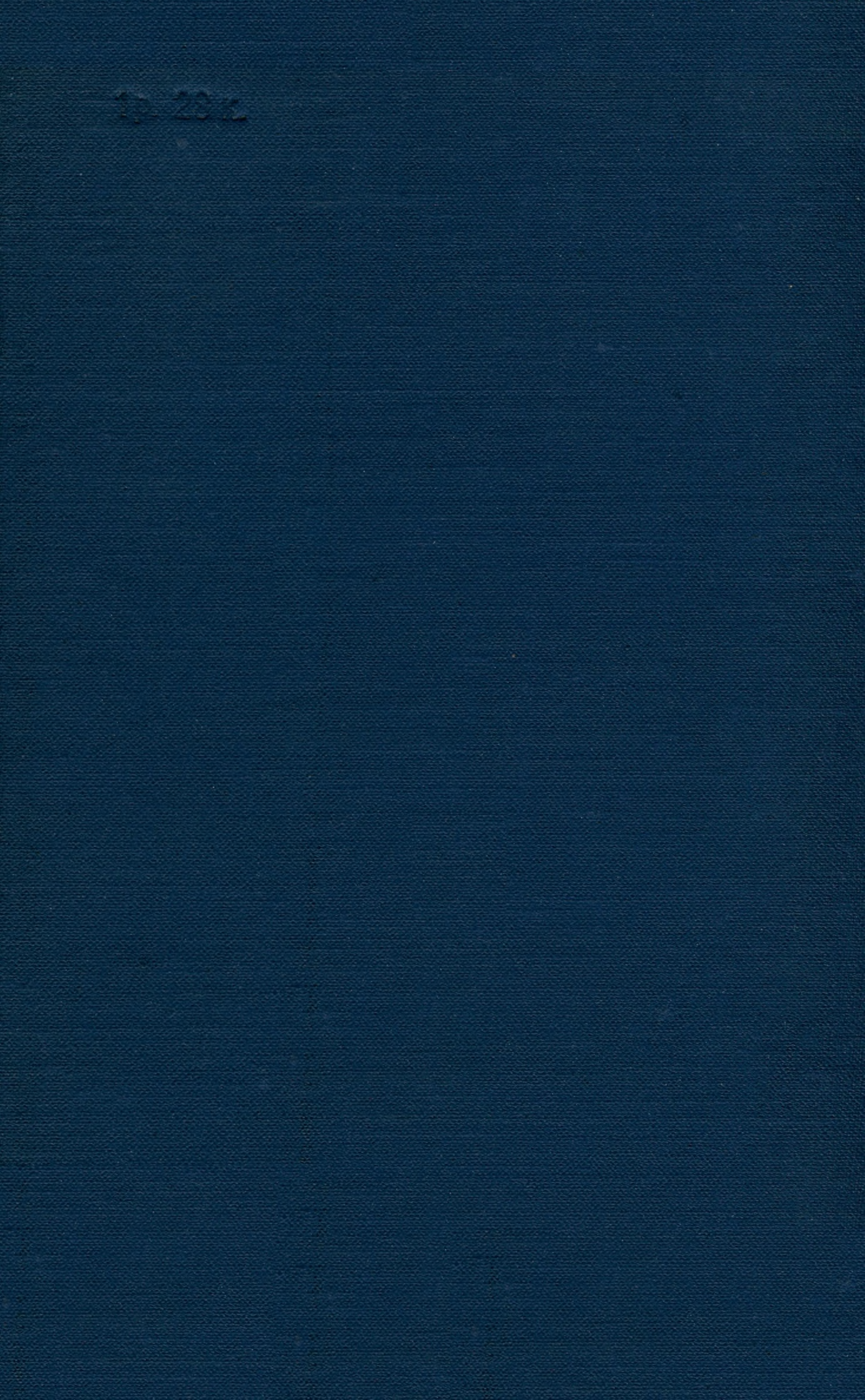
ОПЕЧАТКИ

Том первый

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
365	18 св.	отдельный подъезд	отельный подъезд
521	8 сн.	праобраза	прообраза
599	13 сн.	Н. Я. Степанова	Н. Л. Степанова
647	9 св.	III конгресса Интернационала	III конгресса Коммунистического Интернационала
661	6 сн.	Собинов Леонид Владимирович	Собинов Леонид Витальевич

Том второй

69	7 сн.	не сдерну с виска.	не сдеру с виска.
79	14 сн.	с моей страной	с моей страною
93	16—17 сн.	Обезьяна. Сладу нет.	Обезьян. Смешнее нет.
164	7 св.	похвалы похвальные	похвалы повальные

1 р. 29 к.